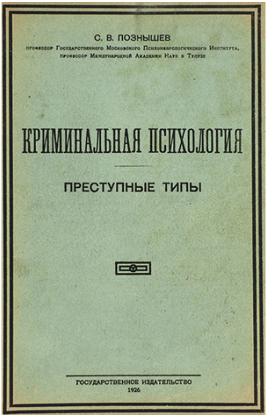
© С.В. Позднышев

Глава 6. Импульсивные преступники



С. В. ПОЗНЫШЕВ
профессор Государственного Московского Психоневрологического Института,
профессор Международной Академии Наук в Тулузе

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. — Ленинград, 1926.

В преступном мире много людей, которые ценою преступления хотели купить отдельное чувственное удовольствие, удовлетворить потребность данной минуты, не заглядывая в будущее, всецело отдаваясь вспыхнувшему в них чувственному импульсу.

О моральной и социальной оценке поступка они не думали и не думают, или начинают думать, уже сидя в исправительном доме. Лично для них невыгодных последствиях поступка, — о суде, наказании, разлуке с семьей и т. д., — они, в момент преступления, или также вовсе не думали, или относились к ним индифферентно, а еще чаще легкомысленно надеялись, что им удастся ускользнуть от глаз правосудия и остаться нераскрытыми. В этой надежде их нередко укрепляла слепая вера в предусмотрительность и ловкость их более опытных товарищей: последние-де, как люди бывалые, «деловые», знают уже, как все так устроить, чтобы сухими выйти из воды. Поразительно легко и быстро иногда такие люди решаются вступить на преступный путь. Идет человек, гуляет, никаких преступных мыслей у него нет; вдруг встречается с старым знакомым, разговорится, получит от него приглашение «участвовать в деле» и, через несколько часов или даже минут, он уже преступник и иногда очень тяжкий. Иной раз он сначала еще оробеет, скажет, что боится попасться, что он по этому делу «неспециалист», через минуту же согласится, когда ему скажут, что ручаются за успех, что дело — простое и ему придется лишь нести узлы, стоять у дверей или выполнять какую-либо иную функцию, не требующую технических навыков и знаний. А потом, сидя в тюрьме, такой человек сам искренно удивляется, зачем и как он мог пойти на такое дело. Вот несколько примеров.

Александр Р., 23 лет, уроженец Минской губернии, русский. Пять лет уже женат. Имеет на своем иждивении старуху мать. Прошел 4 класса Лазаревского института восточных языков; продолжению образования помешала революция. В 1918 году был на фронте, а потом, в 1919 году, был откомандирован в Москву. Военная служба ему с детства нравилась, в юности он мечтал о высшем военном образовании. К

ТОП-МАТЕРИАЛЫ ▼

- О чем говорят скрещенные руки?
- Как противостоять начальникам-самодурам
- Сексуальные жесты женщин и мужчин
- Защитные механизмы психики
- Как выйти из депрессии
- Методика MMPI: особенности использования

ОБНОВЛЕНИЯ САЙТА

Подписаться на новости по E-mail

Подписаться на новости по RSS

Канал в Telegram @PsyfactorOrg

разным военным опасностям относится равнодушно. Особенно нравится ему в военной службе кочевой образ жизни. Последнее время работал как электромонтер. Некто Ш. пригласил его поправить у себя электрическое освещение, разговорился с ним и продолжал знакомство после починки электричества. Познакомившись поближе, он предложил ему совершить грабеж под видом обыска. Александр без колебаний согласился, веря, что дело сойдет с рук безнаказанно. С поддельным ордером на обыск они вдвоем явились в одну квартиру в Москве, причем Ш. производил обыск, а Р. писал протокол. Затем, с награбленными деньгами и драгоценностями ушли на квартиру Ш. За это Р. и его товарищ были приговорены к высшей мере наказания, замененной впоследствии заключением на 10 лет. Р. говорит, что он встретил приговор вполне спокойно и потом — до помилования — пил, ел и спал как обыкновенно. Вообще он производит впечатление спокойного и даже безучастного человека. И на войне он обыкновенно сохранял спокойствие; лишь изредка — в атаках — замечал особый подъем, а иногда и приступы трусости, страха за себя. Но если бы вновь вспыхнула какая-нибудь война, он с удовольствием пошел бы, однако, «лишь в технические части». Надо добавить, что он вполне здоров. Пьет очень мало. Родители же его совсем не пили. Кокаина не нюхал. Особой раздражительности и вспыльчивости в нем не заметно, скорее это — спокойный, равнодушный почти ко всему человек. Он, сравнительно со многими бандитами, интеллигентен, довольно много читал, причем заявил, что особенное впечатление на него произвел «Идиот» Достоевского. Но в нем чувствуется отсутствие определенных устойчивых интересов, определенного плана жизни, какая-то вялость и внутренняя хаотичность. Сидя в тюрьме, он жалеет, что не старался закончить свое образование и своим преступлением принес вред матери и жене. Когда решился на преступление, говорит он, о наказании много не думал, думал, что «в крайнем случае дадут год, не более»…

Другой пример. В январе 1923 года Петр Иосифович Д., 32 лет, и Владимир Иванович Р., 28 лет, — когда-то служившие вместе на военной службе и, незадолго до описываемого случая, встретившиеся в Москве, — задумали совершить бандитское нападение на какого-нибудь «биржевика». В условленный день, сговорившись накануне, они прямо пошли к месту «черной биржи», где биржевики торговали валютой. Первоначально у них была мысль выхватить деньги у какого-либо деятеля черной биржи, но потом они изменили план. Р. предложил выследить какого-нибудь биржевика, пойти за ним и ограбить его в каком-либо подходящем месте. Сказано — сделано. Они выследили некоего Р., последовали за ним и на Большой Дмитровке, когда он вошел в подъезд дома № 16, произвели на него вооруженное нападение. Д., угрожая револьвером, скомандовал ему «тише», а Р. выхватил портфель, и они бросились бежать, но, благодаря поднятой тревоге, Д. был тут, же задержан, а Г. удалось задержать вскоре в уборной дома № 14 по Салтыковскому переулку, куда, он забежал, спасаясь от погони. Преступление совершено около семи часов вечера.

Оба героя оказались новичками на бандитском поприще. Оба читали много раз в газетах о том, как производятся грабежи, и эти сообщения, по-видимому, производили на них некоторое впечатление, но сами занялись бандитизмом впервые. Д. раньше не судился. Г. судился в 1920 году за спекуляцию ненормированными продуктами, но был оправдан. Оба они не кончили средней школы: Д. — ремесленного училища, Р. — коммерческого. Оба полупольской, полурусской национальности: у Д. — отец поляк, а мать — русская, а у Р. — наоборот. Оба они здоровы. Душевнобольных нет в роду ни у того, ни у другого. Оба холосты. Р. совсем не пьет и не нюхает кокаина, Д. --пьет мало и редко, кокаина также не нюхает. Д. с 1912 года служил военным чиновником; в Красной армии был адъютантом бригады, демобилизован в ноябре 1922 г., Г. — в 1921 году. Оба, хотя еще не голодали, но в деньгах нуждались, деньги у них были на исходе. Г. первый задумался над вопросом о бандитизме и решил, что этим способом всего легче доставать деньги. С этим решением он отправился к Д. и уговорился с ним относительно преступления. Ни тот, ни другой относительно выбора преступного пути не колебались и чувства страха не испытывали. Но оба заявили, что в одиночку преступления совершить не могли бы, — «духа не хватило бы», — только вместе, друг с другом они могли пойти на такое дело. Моральная и социальная оценка преступления отсутствует и у того и у другого; полагают, что нужда оправдывает их преступление. К потерпевшему жалости ни тот, ни другой не испытывали. Оба заявляют, что «не думали причинить ему вреда» и ни в каком случае стрелять бы не стали. Г. — более уравновешенный человек, спокойного характера, сдержанный. Д. более нервен, вспыльчив, раздражителен и способен скорее решиться, под влиянием раздражения, на насильственный образ действий.

Вот еще один пример, действующим лицом в котором является молодой человек — Яков Дмитриевич М., 20 лет, русский, из крестьян Клинского уезда Московской губернии. Родители его занимались крестьянским хозяйством: в живых остался лишь отец. Душевнобольных в роду нет. Ни Яков, ни его родители не пили: кокаина он также не нюхает. Здоров. Судился раньше и был осужден условно на 2 месяца заключения за халатное отношение к службе, выразившееся в не передаче телефонограммы. Окончил сельскую школу. По профессии слесарь. До призыва на военную службу жил с отцом, с 2 братьями и 4 сестрами; он — младший в семье. Жили без особой нужды. Холост. Преступление совершил в ночь с 20 на 21 марта 1922 г. при следующих обстоятельствах. Приехал из полка в отпуск в свою деревню и как-то пошел гулять. Встретил своего товарища — односельчанина Г. Разговорились. Во время разговора Г. предложил участвовать в ограблении. Яков сначала заколебался «из страха, что попадешь», но потом быстро согласился, рассчитывая на безнаказанность. «Знал бы, что попаду, — говорил он, — ни за что бы не согласился». Г. разработал план нападения на театральный отдел уездного отдела народного образования в г. Клину. В Клин пришли в понедельник вечером и, когда было уже совсем темно, подошли и постучали в дверь. С ними был еще один товарищ, приглашенный раньше Якова. Открывшему дверь сторожу сказали, что пришли от декоратора, который остался в чайной и сейчас придет. Старик-сторож впустил их и даже поставил им самовар. Они напились чаю, а затем объявили сторожу цель своего прихода, после чего связали его, завязали ему глаза и рот. Старик не сопротивлялся. Связывая его, один из участников — З. — сказал: «нам твоего тела, дедушка, не нужно, лежи и молчи, а мы возьмем и уйдем». Взломали помещение, где хранилась мануфактура, забрали последнюю и ушли. На деньги, вырученные от продажи своей части, Яков купил отцу лошадь и кое-что себе. От своих он все скрыл и первое время был доволен совершенным преступлением: «украл, да не попал». Но потом, когда арестовали соучастников, и он об этом узнал, испугался, пошел и сам во всем признался властям. Еще раньше признался отцу, который его сильно ругал вначале, а потом сказал: «смотри, молчи, а то попадешь». Теперь он раскаивается, потому что сидеть в тюрьме не нравится— «хлеба не хватает», — да и «людей совестно, говорят: «вор». Это — простоватый, легкомысленный деревенский парень, довольно добродушный, любитель «погулять с девочками», побалагурить, посидеть в театре, посмотреть какую-нибудь занятную драму. Собирался жениться на «красную горку». Легкомыслен и придурковат. Столь же легкомыслен оказался и Алексей Петрович Н., 28 лет, русский, уроженец Ранненбурга. Хотя он и говорит про себя, что у него «характер тщедушный» и он курицы зарезать не в состоянии, однако, когда он, возвращаясь со службы, встретился с товарищами, пригласившими его участвовать в бандитском налете, то он отправился на преступление прямо с портфелем, набитым служебными бумагами, уговорившись, что он лишь поможет нести награбленные вещи.

Импульсивные преступники решаются на преступление без внутренней борьбы; и если отсутствие нравственной борьбы само по себе не дает еще основания зачислить преступника в разряд импульсивных, то, признав преступника импульсивным по другим данным, можно смело сделать заключение, что у него не было перед преступлением внутренней, нравственной борьбы. Импульсивный преступник решается на преступление вовсе не тогда только, когда испытывает нужду в чем-либо. Иногда он действует под влиянием неожиданно мелькнувшей или кем-либо подсказанной мысли, что можно таким — то преступлением несколько улучшить свое положение, например, получить некоторую сумму на кутеж. Вот один случай в этом роде. Двое молодых людей служивших в Москве, в военно-хозяйственном управлении, — Николай Р., 20 лет, и Николай Ч., 18 лет, 16 февраля 19-22 года возвращались в пятом часу вечера со службы. Так как они хотели прямо со службы пойти на вечеринку в довольно глухую часть Москвы и оттуда им пришлось бы поздно возвращаться домой, то Р. захватил с собой револьвер. Шли они через Смоленский рынок, на котором встретили своего приятеля Михаила Г., 19 лет, который в то время службы не имел. Стали толкаться по Смоленскому рынку. Заметили одного торговца, продававшего драгоценности. Николай Ч. не то в шутку, не та серьезно сказал: «ограбить бы кого-нибудь». Мысль понравилась другим товарищам. Быстро составили план ограбить торговца С. Рынок скоро стал закрываться. Они стали следить за С, пошли за ним с рынка.

Когда он вошел в квартиру, они не знали, кому из них первому за ним идти, бросили жребий, оказалось Николаю Ч. Тот постучал и, когда отворили, сказал: «жилищная комиссия по осмотру квартиры». Стали осматривать квартиру. Ходили по комнатам минут 20-30, все не решались. Потом Николай Ч. сказал: «надо или решаться, или уходить». Подтолкнули Николая Р., у которого был револьвер. Тот выхватил револьвер и направил его на С., требуя от него денег и драгоценностей. Тот сказал, что у него ничего нет. Стали искать сами, нашли, уложили в мешок, с которым Николай Ч. ушел. Двое остальных нашли еще сверток с серебром. С. закричал. Бандиты бросили ключи от двери, которую сначала хотели, было запереть, и убежали. Один из них — Г., — страдавший одышкой, оказался менее быстр на ноги, чем товарищи, и был задержан. Николай Р. убежал к Николаю Ч., с которым вместе скоро пошел на вечеринку. Узнав, что Г. арестован, приятели стали ждать, что и их скоро арестуют. Вещи они снесли к знакомому на продажу, не сказав ему ничего о их происхождении. Николай Р., в ожидании ареста, написал два прощальных письма: одно — даме своего сердца, а другое — приятелю. Из героев этой драмы мне подробно пришлось беседовать с Николаем Р. Никто из них настоящей нужды не знал. Сравнительно в худшем положении был Г., лишившийся места и имевший на своем иждивении жену и ее мать. Но он как раз играл в преступлении пассивную роль. Мысль о преступлении явилась неожиданно и без особого внешнего повода.

Все они были трезвы, да и вообще пьют мало. Нельзя им приписать и никакой особой темноты, и никаких обуревавших их страстей. Они — со средним образованием. Николай Р. даже закончил среднее образование, — в 1917 году он кончил Петроградское коммерческое училище. Его родители—отец его кучер — живы, работают и не требовали от него большей материальной поддержки, чем давала его служба. Преступление сына страшно опечалило их. Никто из этих трех юношей раньше не судился. На вопрос, зачем он пошел на такое дело, Николай Р. говорит: — «не могу объяснить». «Появилась мысль, что я могу себе немного достать, чтобы лучше устроить свою жизнь». «Попал по каким-то порывам». Совершенного им он стыдится. Говорит, что и на вечеринке чувствовал себя плохо; ему казалось, что все знают, что он сделал, и считают его преступником. А голову стала сверлить мысль, что «скоро придет расплата». Он присужден на 5 лет и по отбытии наказания думает уехать в Петроград; в Москве, полагает он, «теперь уже жить будет неловко». Надо добавить, что он на вид — добродушный юноша и, по-видимому, не без способностей и некоторых умственных интересов. Он не только любит посещать вечеринки, по приодеться и поухаживать за барышнями, но и почитать книжку и не только роман, а и научную. У него хорошая память. Он хорошо учился в коммерческом училище и мечтал поступить в университет, на физико-математический факультет.

Во всех приведенных выше примерах интересно то, что действующими лицами являются не какие-либо опытные профессионалы, для которых вопрос о совершении преступления есть лишь вопрос технический, вопрос большего или меньшего риска потерпеть неудачу, а новички на преступном поприще, для которых преступление, уже в силу одной новизны положения, должно бы, казалось, представлять более или менее трудную задачу. Притом это молодые люди 20 и более лет, прошедшие начальную школу или даже несколько классов средней школы. Из этих примеров ясны уже некоторые характерные черты импульсивного типа: способность действовать по импульсам, непосредственно рождающимся из живых антиципации известных ощущений, — ради того, чтобы устранить нечто, доставляющее неприятные ощущения, или получить приятные ощущения от самого процесса совершения преступления, или от его плодов. Но характерные черты импульсивного, типа приобретают очень различную окраску в отдельных его разновидностях. Среди этих разновидностей надо различать, прежде всего, две главных, а в пределах каждой из них, в свою очередь, по несколько типов.

Первую основную разновидность импульсивных преступников составляют те, которые ведут еще трудовой образ жизни, но имеют склонность неразборчиво добывать себе определенные приятные ощущения, руководясь одними соображениями личного удобства и риска. У них нет таких комплексов морального и социального характера, которые могли бы послужить источником импульсов к удовлетворению этой склонности в соответствии с моральной и социальной оценкой способов ее удовлетворения. Они составляют первый основной тип или разряд импульсивных преступников; их можно назвать преступниками с ограниченной или частичной импульсивностью. Их предрасположение к преступлению состоит в указанной склонности, причем нередко, вне сферы этой склонности, они обладают довольно значительной сопротивляемостью внешним влияниям, стремящимся увлечь на преступный путь. Они могут многое претерпеть, во многом себе отказать, чтобы только не сбиться с пути честной, трудовой жизни, но известная потребность чувствуется ими особенно остро, приятные ощущения от удовлетворения ее воспроизводятся в их памяти, антиципируются тук живо, что из этой антиципации родится сильный импульс к поведению, способному доставить эти ощущения, и не встречает себе у них задержки.

Второй основной тип или разряд импульсивных преступников составляют те, у которых, кроме указанных свойств первого типа, заметна уже склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от нормальной, трудовой жизни и приспособлен ному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. Эти люди или совсем оторвались от нормальной трудовой жизни в обществе и стали «социальными паразитами» или находятся уже на пути к этому. Их можно назвать преступниками с широкой или полной импульсивностью. Они способны удовлетворять в формах импульсивной преступности гораздо более широкий круг потребностей, чем преступники первого типа. Их предрасположение к преступлению сложнее по своему составу, обыкновенно труднее поддается воздействию и представляет собою более широкий базис для преступной деятельности.

Сначала остановлюсь на преступниках первого из указанных двух типов и на главных разновидностях, которые встречаются в пределах его.

II.

Очень интересную группу, среди импульсивных преступников, образуют те, у которых предрасположение к преступлению состоит в не ограничиваемой комплексами морального и социального характера склонности производить на других впечатление людей с определенным весом и значением, с определенными связями или способностями, «показывать себя» другим как неспособных терпеть известное положение или отношение к себе, или, наоборот, как способных совершить известный поступок, умеющих вести себя в известном положении, «умеющих подать и принять не хуже, а даже лучше всякого другого», и т. п. Иногда этими людьми руководит главным образом тщеславие, а иногда — главным образом, так называемое, «ложное» самолюбие. Большею частью это — люди недалекие, очень обидчивые, «мелко самолюбивые», как говорят иногда, «помешанные на внешности», больше всего боящиеся, как бы не показаться другим находящимися в каком-либо неприятном или конфузном положении… Более всего приятно им ощущать, что они произвели известное впечатление, показали себя с известной стороны. Если склонность к этим ощущениям не сдерживается соответствующими комплексами морального и социального характера, побуждающими воздерживаться от проявления ее в антисоциальных формах, и если обладатель этой склонности попадет в положение ей противоречащее, или грозящее показать его обществу в невыгодном свете, то она становится источником сильного импульса к любому поступку, в котором субъект будет видеть подходящий выход из создавшегося для него неприятного положения. При таких условиях пред нами будет более или менее сильное предрасположение к преступлению, и, быть — может, даже к очень тяжкому. Для этих преступников всего более подходит название тщеславно-самолюбивых импульсивных преступников. При этом не следует думать, что внешние поводы, по которым действуют эти преступники всегда значительны. Наоборот, иногда они так незначительны, что их трудно заметить. Вот несколько интересных примеров такой импульсивной преступности.

18 апреля 1923 года, в 3 часа дня, Иван Михайлович Ж., 17 лет, шел из Серпухова в одну из близлежащих деревень. Он заметил идущую впереди себя крестьянку лет 30 и задумал ее ограбить. Догнав ее и предложив ей свои услуги в качестве провожатого, он затеял с ней беседу. Оказалось, что она слышала о его дедушке, семью же его не знает. Не доходя до Таруссы, через которую Ж. нужно было пройти, дорога разветвлялась надвое, при чёлн в обоих направлениях вела к городу. По миновании этого пункта Ж. вдруг нанес своей спутнице 7 ударов камнем по голове, взял у нее мешок с башмаками, галошами, платьем и быстрым шагом направился назад к месту, где разветвляются две дороги, и теперь уже пошел в Таруссу по второму пути. Спутницу свою он оставил на первом пути и считал мертвой; впоследствии обнаружилось, что она не была даже приведена в бессознательное состояние, а лежала и молчала со страху. Взяв мешок, он хотел посмотреть, что в нем, да помешали, посмотрел, пройдя уже Таруссу. Придя домой, он передал похищенные вещи матери, как подарок от тетки. Возвращался Иван от дяди, у которого служил в лавке. «От дяди, — рассказывает он, — потребовали, чтобы он на меня взял патент, а он сказал: не могу платить, иди домой». Отпустил он племянника не с пустыми руками: на Иване был хороший «френчик», хорошие брюки и крепкие башмаки, а хорошо одеться он любит; были у него и деньги в размере 200 миллионов. К деньгам он относился бережно и очень старался не истратить лишнего. До Серпухова он доехал без билета, а когда был замечен, стал уверять, что забыл взять билет, так как в ожидании поезда спал на станции, а затем, проснувшись, прямо бросился в стоявший уже поезд; от милиционера он откупился 10 миллионами, клятвенно уверив его, что у него всех денег 20 миллионов. Он вообще на деньги скуп.

Знакомясь с его личностью, мы узнаем, что он из достаточной крестьянской семьи и жил дома до 16 лет. Отец его, кроме крестьянского хозяйства, занимался портновским делом. У них была лошадь, корова, овцы, разная птица. В помощь матери держали работницу. Детей у его родителей было 4, один в раннем детстве умер. Иван — старший в семье. Родители его — люди добрые, детей не били. Иван у отца был любимцем: «он меня больше всех обожал», — говорит он. Родители часто ссорились: мать ругала отца за сильное пьянство. Когда в 1914 году продажа водки прекратилась, отец стал пить всякие суррогаты и вскоре умер. Иван любит мать и сохранил хорошую память об отце. Учился он в сельской школе 3 года, кончил ее. Учился средне, ленился. Из предметов ему более других нравилась арифметика, а менее всего — закон божий: священник был очень строг. К религии Иван всегда был равнодушен. В общем, в детстве и в ранней юности его не было никаких событий, которые как-либо особенно могли на нем отразиться. Половой жизни он еще не начинал, онанизмом не занимался. Половое созревание протекает нормально. Он заметно хозяйствен и домовит; живя на стороне, все думал о доме и домашнем хозяйстве. Уволенный дядей, он шел домой очень печальный; смущало его и самое увольнение, — как будто неловко все-таки, — а также то, что он в хозяйство мало несет. Вот здесь и лежит ключ к пониманию его преступления. Он был на хорошем счету в деревне, ни в чем дурном замечен не был, и вдруг прогнанный возвращается ни с чем. Обидно. Он предчувствовал, что мать будет удивлена и огорчится, и это было ему очень неприятно. Явилось стремление вернуться домой, по крайней мере, с чем-нибудь, что нужно для хозяйства, или могло быть принесено в качестве подарка. Это побуждало его всячески экономить бывшие у него деньги и толкнуло на преступление: нужно было как-нибудь скрасить свое возвращение домой и показать, что отпустили его с подарком для матери, любовно, по-родственному.

Иван — человек здоровый, никаких особых болезней у него не было; в детстве болел «какой-то простудой», о которой не сохранил воспоминаний. Припадками никогда никакими не страдал. Только спит он беспокойно, особенно в тюрьме: ночью вскакивает, бродит по камере, а проснувшись, часто не скоро приходит в себя и не сразу понимает, где он находится. Вот и перед последней поездкой со станции Лопасня до Серпухова он, ожидая поезда,. заснул, а затем, когда поезд пришел, он от общей суматохи проснулся, но не сразу понял, где он, не мог сначала найти выхода на платформу, забыл взять билет и, когда нашел, наконец, выход, прямо бросился в вагон. Пить он перед этим ничего не пил и вообще почти не пьет: «как-то раз покушал самогонки, вырвало». С тех пор он не пьет. Кокаина никогда не нюхал. В его внешности нет ничего особенного: это — юноша среднего роста, с круглой головой, с широким , толстокостным и толстокожим лицом, с несколько угрюмым выражением глубоко сидящих серо-голубых глаз, с тонким, среднего размера, прямым, загнутым книзу носом, с оттопыренными, плоскими, среднего размера, ушами, с приподнятой, резко очерченной верхней губой. В общем, его внешность более отталкивает, чем располагает. Рассказывает он довольно связно, но медленно и монотонным голосом и производит впечатление человека, соображающего не сразу и комбинирующего признаки и факты с некоторым трудом. Память у него слабая. Он развит умственно слабо и отличается притупленностью нравственного чувства. Его моральные представления скудны. Свой поступок он осуждает, но по соображениям невыгодности его для него самого: приходится сидеть, да и на всю деревню себя опозорил, «будут в глаза тыкать: — вот, мол, жулик какой, человека убить хотел». Просто отнять лучше, чем с насилием, а то будут думать: «хотел человека убить». У богатого украсть можно, у бедного нельзя. Про свое преступление говорит: «по-своему малоразумию совершил, сразу вздумалось». Сначала он ударил поднятым из лежавшей у дороги кучи камнем раз и, когда женщина упала и заорала, «с испуга затрясся весь», а потом нанес один за другим ряд ударов. Помнит, что первый удар нанес по правой стороне головы. Вернувшись, домой, он был вполне спокоен и сразу погрузился в хозяйственные заботы; на следующий же день нанялся в соседний совхоз работать и там и был арестован, при чем «при народе никак не хотел сознаться в убийстве, за что его сперва ладонью по морде ударили, а потом — кулаком по шее». Сознался он на очной ставке с потерпевшей, которая находилась в больнице. О совершенном он нередко вспоминает, но подходит к нему с указанной личной точки зрения: как на него будут в деревне смотреть, когда он придет домой. Сожаления к потерпевшей у него не заметно. Правда, он говорит, что две ночи после убийства почти не спал, но, оказывается, от страха, что арестуют. Днем потом как-то думал: «что сделал, человека мог убить». Но это сознание, что человека убивать нельзя, не имеет у него должного эмоционального тона, а носит характер какого-то отвлеченного положения, которое он слышал, но за которым у него не заметно голоса какого-либо чувства. Он производит впечатление черствого, бессердечного человека с рассудочно-эгоцентрическим складом характера. На вопрос, почему он нанес ей столько ударов, говорит, что после первого удара она сначала упала, а потом стала приподниматься, и он опасался, что она поднимется и уйдет, но добавляет, что убить все-таки он ее не хотел. За свое преступление он приговорен к 3 годам заключения и считает это наказание справедливым.

Склонность всячески поддерживать свою репутацию, скрывать отсутствие, на самом деле, приписываемого себе влияния, склонность казаться значительным и влиятельным сыграла главную роль и в другом преступлении, к описанию которого я теперь и обращаюсь. Но в этом случае с ней конкурировало стремление получить известное вознаграждение. Последнее, впрочем, играло вторую роль. Действующим лицом в этом преступлении был молодой человек — Федор Васильевич Г., 18 лет, уроженец Тульской губернии, Веневского уезда, русский, из бедной крестьянской семьи. Его отец по зимам работал в Москве как ломовой извозчик и в этом имел для себя подсобный источник дохода, благодаря которому его семья из 6 человек детей жила хотя и бедно, но, — за исключением 1918 и 1919 г.г. — не голодала. К сожалению, отец Федора — сильный алкоголик и человек раздражительный. Детям от него нередко попадало ремнем. Про мать же свою Федор говорит, что у нее такой хороший характер, «какого и во всей Москве не сыщешь». В общем, однако, несмотря на пьянство и раздражительность отца, смягчаемую добротой матери, семья жила довольно дружно и тяжелой атмосферы внутри ее не было. Учился Федор в сельской школе 3 года, но ее не кончил. Не давалось ему ученье, главным образом арифметика. Дробей он никак понять не мог, да и целыми числами ему очень трудно справляться; такие, например, задачи как 13 Х 7 или из 121 —19 он решить не мог. Учился он старательно, но плохо. Комбинаторная деятельность ума у него сильно понижена. Память — слабая; то, что читает, он помнит лишь в момент чтения, а стоит отложить книгу в сторону, как он совершенно не в силах рассказать прочитанное. Читать он любит, читал, между прочим, из классиков Пушкина и Л. Толстого, но совершенно ничего не усвоил из прочитанного. В 1921 году он был помещен отцом в одно учреждение, в Сокольниках, курьером, но справиться с обязанностями курьера не мог: ему дали развести несколько пакетов по разным комнатам Делового Двора, он бился над этой задачей несколько дней, не выполнил ее, испугался и больше на службу не явился. В 1922 году он был помещен отцом на лесной склад мальчиком. Там он увидел рабочих, пиливших лес продольной пилой, выучился продольной пилке и с течением времени стал пилить хорошо и зарабатывал этой работой рубля 4, 5 даже 6 в сутки. Ему этих денег хватало, и он даже посылал немного в деревню отцу. С того времени, как он стал заниматься пилкой, он начал пить и выпивал постоянно, без этого, по его мнению, нельзя работать. Главным развлечением для него служило посещение вечеринок, ухаживание за «девчонками», с которыми у него, — то с той, то с другой, — затевались мимолетные половые связи. Жениться он не собирался. В половом отношении считает себя человеком холодным. Кроме вечеринок и ухаживанья любит ходить в кинематограф, посмотреть что-нибудь смешное. Что касается характера этого юноши, то он очень вспыльчив и раздражителен, нетерпелив, ревнив и очень самолюбив. Склонен драться. Раз подрался с товарищем из-за одной «барышни». В другой раз пьяный ударил лошадь палкой по голове, а на ругань отца по этому поводу ответил руганью же, бросился на отца, повалил его, избил и исцарапал ему лицо. Был случай, когда он сильно подрался с компаньоном по пилке. Один раз, когда он запрягал лошадь и попросил мать подать ему возжи, а она ответила «возьми сам», он вдруг сильно раздражился, изругал мать и едва удержался, чтобы ее не избить. Таков характер этого юноши, который 23 июня 1924 года учинил следующее деяние.

Его приятель, сапожник Григорий К., имел брата 12 лет, которого очень хотел поместить в какое-нибудь учебное заведение, и просил Федора помочь ему в этом деле. Федор натолковал ему о своих мнимых связях и о возможности для него это сделать. Незадолго перед этим он записался в члены Сокольнического отдела народного образования и по этому поводу много нахвастал своим мнимым влиянием. За устройство мальчика в школу он должен был получить от сапожника новые ботинки и в перспективе имел от него еще угощение. Его попытки устроить мальчика не удались. Пойти и сказать сапожнику правду, значило расстаться с ботинками и угощеньем, а главное обнаружить свое хвастовство. Этого Федору не хотелось, и он задумал убить мальчика. Сапожнику он сказал, что его брат определен им в школу в 14 верстах от Москвы и что он отведет его туда .немедленно. Сапожник был очень доволен, благодарил его и отправил их около 6 часов вечера из дому. Выйдя за город, Федор с мальчиком пошли сначала лесом, потом — по полотну железной дороги. По дороге мальчик был спокоен, собирал цветы, задавал Федору разные вопросы, на которые тот ему отвечал, хотя волновался в ожидании момента, когда придется приступить к задуманному. Отойдя верст 6 от Москвы, свернули в лес и сели отдохнуть. Федор сидел и курил, а мальчик собирал цветы, а затем спросил, скоро ли они придут, и при этом рядом с Федором. Последний сказал, что осталось недалеко, вдруг встал на колени и, схватив мальчика за горло, стал душить. Тот не успел даже вскрикнуть и брошенный на землю, как казалось Федору, забился в предсмертных судорогах. Федор бросил свою жертву, как он говорит, из жалости и побежал прочь, а затем, увидев гуляющую публику, пошел шагом. По дороге домой он зашел к сапожнику, застал его сидящим на дворе, подсел к нему, и они стали курить и мирно беседовать. Он сказал своему приятелю, что комиссия освидетельствовала его брата, приняла его и сейчас же отправила верст за 40 от Москвы на какую-то дачу. Сапожник не заметил в своем собеседнике ничего странного и поверил всему, что тот сказал. Побеседовав с ним, Федор пошел домой, не стал ужинать и лег спать. Долго ему не спалось, все думал, что сделал. Было у него и опасение, что мальчик оживет. Что тогда ему, Федору, будет? Под конец он заснул, а проснувшись — был арестован участковым надзирателем, которого привел с собой сапожник. В 11 часов вечера мальчик очнулся и коё-как добрел домой. Сидя в тюрьме, Федор удивляется, «как его сердце позволило ему сделать такое дело». Всякие корыстные побуждения с своей стороны он категорически отвергает, ссылаясь на то, что у него всего было достаточно, что в самый день преступления он дал в долг одному приятелю 9 рублей. По данным дела надо думать, однако, что и корыстные побуждения играли в его преступлении некоторую роль, но они не были главными пружинами.

III.

Следующую разновидность импульсивных преступников составляют те, которые совершают преступление ради того, чтобы получить какой-либо предает, которым они могут украсить себя или жилище, или увеличить свой домашний комфорт. Широко распространенная у людей склонность к украшениям приобретает у них особую силу и выбивается из-под всякого нравственного контроля.

Примером может служить следующий случай. 4 ноября 1922 года, между 3-мя и 4-мя часами дня, в Волоколамском уезде Московской губернии, на шоссе между деревнями Аннино и Покровским был убит крестьянин Воеводин, возвращавшийся с покупками к себе в деревню. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. Воеводин проезжал через одну деревню и остановился там выпить чаю в чайной. Два крестьянина этой деревни — Иван З. и Иосиф Н. — выследили его, видели, как он уехал, и затем, на лошади Ивана З., погнались за ним, нагнали его приблизительно на четырнадцатой версте и убили. Когда они его настигли, Иван З. выскочил, бросился на Воеводина, свалил его и крикнул Иосифу: «стреляй». Последний, подойдя к лежавшему Воеводину, в упор выстрелил в его затылок, отчего Воеводин тут же скончался. Иван и Иосиф оттащили убитого с дороги в лес, отобрали деньги, документы и вещи и вернулись, захватив лошадь и экипаж Воеводина, назад в свою деревню. Лошадь и экипаж Воеводина они поставили у односельчанина своего Николая К., на его дворе, затем саней полок у него же сожгли, а лошадь отдали ему. К. сперва согласился взять лошадь, но потом отказался из страха, что лошадь будет узнана и ему придется отвечать. Он потребовал, чтобы эта лошадь была обменена на новую в Москве. Иосиф Н. на следующее утро и поехал в Москву, с целью переменить лошадь, но на Сухаревском рынке был задержан родственниками убитого, которые узнали лошадь. Дело раскрылось. Какие же обстоятельства побудили Ивана и Иосифа совершить это преступление и что представляют собою эти молодые люди?

Иван З. старше Иосифа Н. ему 23 года, а Иосифу —19 лет. Иван происходит из местных крестьян, женат и живет своим хозяйством. В семье своего отца он был старшим. Кроме него, у отца был еще один сын, — маленький, ему в 1923 году исполнилось только 7 лет, — и несколько дочерей; всего их было 8 человек. Отец его занимался крестьянским хозяйством и, кроме того, ходил на отхожий промысел, работал как конопатчик. Родители Ивана живы до сих пор. Отец его все время сильно пьет, в последние годы — самогонку. Иван также любит выпить. В 1922 году он судился за изготовление самогонки вместе с Иосифом, и это единственная их судимость. Образование у Ивана небольшое, он учился всего полторы зимы, но выучился недурно писать и обладает довольно красивым почерком. Умственных интересов у него нет никаких; он ничего не стремится узнать, ничего не читает и не хочет читать; только недавно, в ноябре, ему захотелось почитать, что делается в Германии, да газеты не нашел. Его жизненный план сводится лишь к тому, чтобы жить безбедно своим хозяйством и возможно веселее и беззаботнее. Он любитель выпить, поплясать и побалагурить. Когда выпьет, бывает очень весел. Вообще он производит впечатление человека, у которого нет никаких серьезных, омрачающих забот и смущающих, тягостных мыслей. Он ко всему относится легко. События жизни как бы скользят по нем, глубоко его не затрагивая. Даже когда разговор коснулся его жены, на которой он женат по любви, и речь зашла о ее отношении к его преступлению и ее жизни теперь, он с благодушной улыбкой заявил, что получил сведения, что она теперь без него «закрутила» — «ну, да дело молодое», добродушно добавил он. Его она не посещает в тюрьме, на свидание к нему приезжают лишь родители. В преступлении своем он не видит ничего особенного: «по пьяной лавочке дело вышло, — говорит он, — не сообразили, что за такое дело даже расстрелять могут»; именно, вот в этих тяжелых для него последствиях, — ему и Иосифу заменили расстрел десятилетним заключением, — он только и видит плохую сторону своего дела. В преступлении своем он винит Николая К. и рассказывает следующее. Николай К. — портной, у которого он с Иосифом заказали себе пиджаки из старых пальто. И раньше они немного задолжали Николаю, и теперь им заплатить было нечем. Николай же приискивал себе лошадь и когда они, — пред престольным деревенским праздником, — явились к нему за пиджаками, пиджаков он им без денег не дал, а указал на Воеводина, как на человека, у которого можно отнять лошадь, а его убить. Он сказал им, что Воеводин в чайной и что его можно узнать по следующей примете: на телеге у него стоят сани, которые он везет из починки. Воеводин будто бы человек богатый, ездил торговать арбузами, наторговал денег и теперь едет назад. Для храбрости он им дал самогонки, которую они и распили. Когда они подходили к чайной, то видели Воеводина, который отвязывал лошадь. Они выпили еще, потом Иван 3. запряг свою лошадь и они пустились догонять Воеводина. Он хорошо разглядел потерпевшего и помнит все обстоятельства и обстановку преступления.

После убийства он вечер провел довольно весело, подвыпил еще, а экипаж вечером сжег. Ни ужаса, ни большого смущения от содеянного он не испытывал. Да и когда он рассказывал о всем этом происшествии, то говорил просто, добродушно, с улыбочкой как о самом простом деле, за которое, к сожалению, приходится сидеть в тюрьме. Иван 3. представляет собою довольно яркий пример импульсивного убийцы — новичка на преступном пути. Физически и психически он вполне здоров; из болезней у него была года 2 тому назад лишь испанка.

Его соучастник по преступлению — Иосиф Н., — по национальности латыш, НО' с двух лет живет в России и говорит только по-русски. Отец Иосифа был железнодорожным сторожем на станции Лесодолгоруково Балтийской железной дороги. Кроме Иосифа, у него было еще три сына моложе Иосифа. Жили бедно, но кое-как концы с концами сводили. Сыновья рано стали помогать отцу; Иосиф с 12 лет стал работать на железной дороге, помогая рабочим при ремонтных работах. Школы он, вследствие бедности, не окончил, так что малограмотен, но учился охотно, и по выходе ив школы, при случае, любит почитать книжку. Особенно ему нравятся стихи. Он читал Пушкина, Лермонтова и Жуковского, и сам очень любит писать стихи. Всю свою биографию он изложил стихами. Жизнь его, по его словам, текла скучно и печально; радостные дни были только в детстве. В стихах своих он и воспевает по преимуществу разные тяжелые переживания, которые ему пришлось испытать в жизни. Однако есть у него и стихи, в которых звучит надежда на лучшее будущее и видно бодрое настроение юноши, смело смотрящего вперед. Вот стихотворение, которое он озаглавил «Светлое будущее»:

Придет пора, гроза минует; вражды не будет никогда; и все, что душу так волнует, оно исчезнет навсегда. Замрет зловещее мученье, что меня терзает с юных лет; померкнет все. И без сомненья взгляну я радостно на свет, и вспоминать мной пережитых не буду мрачных тех ночей, когда дождусь уж позабытых, вновь отрадных, светлых дней. И вновь мне счастье улыбнется, вздохну свободно я душой, и кровь невольно всколыхнется в груди еще моей младой.

Недостатки этих стихов ясны, но если принять во внимание, что они написаны почти безграмотным юношей, который только урывками мог заглянуть в книжку, после продолжительной физической работы, то к ним нельзя не отнестись с особенной снисходительностью. Окружающая Иосифа обстановка была нерадостна: отец часто пил; кругом — бедность, мать едва справлялась с домашним хозяйством и четырьмя мальчишками, из которых Иосиф был старшим. Родители часто вздорили, и во время их ссор сильно доставалось и Иосифу. В 1921 году мать скончалась от рожи. Отец вскоре женился на другой, которая с детьми не ладила, не хотела их обшивать и обстирывать, вооружала против них отца, упрекала постоянно Иосифа, что он мало зарабатывает и т. д. В семье возникли обычные нелады мачехи с пасынками. Однако до последних дней Иосиф жил с отцом. Отец его умер, уже когда Иосиф был в тюрьме, — в 1923 году. В 1919 и 1920 гг. семья Иосифа довольно сильно голодала. Иосиф болел в это время цынгой и сыпным тифом. Из-за пайка он поступил в 1920 году в армию и прослужил более Г/а лет, с начала 1920 года по сентябрь 1921 года.

«Шестнадцать лет лишь миновало, и я покинул дом родной; с своим семейством распростился, страдать уехал в край чужой. Добровольцем я, конечно, в строй советский поступил, добросовестно и честно почти два года прослужил».

На фронте Иосифу пришлось много раз бывать в сражениях с поляками. Сначала он испытывал сильный страх, но после 3-го или 4-го боя привык; во время атак «себя не помнил», «голову захватывало»; как на «ура» бросятся, «не видишь ничего». Раненых и трупы он часто видел на полях сражения. Кровь и раны всегда производили на него неприятное впечатление, но за время войны он несколько привык к ним. В одном из сражений он был ранен в руку. Вернувшись с военной службы, Иосиф застал большую перемену в семействе: матери не было в живых, мачеха вздорила с братьями, братья все «обовшивели»... Он опять устроился на железную дорогу и стал работать. Жизнь он вел довольно уединенную. Одиночество его вообще не тяготит, он любит посидеть — почитать стихи или поиграть на гитаре или гармонии какую-нибудь заунывную песню. За женщинами он ухаживать не охотник, никого еще не любил, невесты себе не намечал; лет с 17 имел иногда мимолетные половые связи, от которых, во время своей военной службы, болел триппером. Но сильных влечений к женщинам никогда не испытывал. Более всего ему нравится посидеть в тишине одному, мысли разные приходят, стихи в уме складываются... Не прочь он и выпить, но пьет, по его словам, не сильно, и как выпьет, так ложится спать. Если Иван З. — любитель плясать на вечеринках и балагурить, то Иосиф выступал на этих вечеринках, главным образом, в роли гитариста или гармониста. Иван — сангвиник, Иосиф — скорее флегматик, любящий спокойно посидеть и отдаваться своей печали. Его прошлое и настоящее рисуются ему в мрачном свете, но от будущего он ждет сам не знает чет, но чего-то светлого, радостного: Я живу среди людей столь же несчастных как я; в мраке бурных ночей жизнь проходит моя.

Не страшитесь, друзья,
Скоро «утро» придет.
«День жизни» настанет,
«Ночь жизни» — пройдет.

Но это светлое, радостное будущее должно придти, по его предположению, как-то да стороны, без его личных усилий, придет и всем станет хорошо. Никакого жизненного плана, с помощью которого он, Иосиф, мог бы завоевать это будущее для себя, у него нет, да и осмыслить это светлое будущее, хоть сколько-нибудь определить его ожидаемое содержание он не пытался. Его натуре, несомненно, присуща пассивность. Он — нытик, склонный жаловаться на судьбу, обстоятельства и других людей и мало способный напрягать свою волю к им самим поставленным целям. Что же побудило его совершить преступление? Раньше он судился лишь с Иваном З. за самогонку. Таким образом, он новичок на пути преступления, но преступную карьеру свою начал сразу с одного из самых тяжких и отвратительных преступлений, — с корыстного убийства. Он хорошо помнит подробности этого убийства, помнит, как они нагнали Воеводина, как Иван схватил его и повалил, помнит, как он ему крикнул «стреляй» и как он стрелял, помнит, что ему пришлось стрелять в затылок убитого в упор, в расстоянии одного-двух вершков, помнит, что затылок Воеводина, — которого он увидел в день убийства впервые, — не был седой, что воротник его мехового пальто был опущен, помнит место убийства и как они оттаскивали труп в лес. Вся картина преступления жива в его памяти. Он осуждает свой поступок и на вопрос: «а как же на фронте, ведь, убивал», отвечает . «на фронте, там природа заставляет, а здесь ни с того, ни с сего убить человека — сверхъестественно». Что же заставило его совершить поступок, который он называет сам «сверхъестественным»? Он ссылается на Николая К., который подал им эту мысль, обещал денег и подпоил их, а также на свою нужду: одеться было не на что, был праздник, нужен был пиджак, которого Николай не отдавал. То обстоятельство, что Иосиф пишет стихи и воспевает в них страдания и какое-то неопределенное «светлое будущее», ничего не говорит в его пользу. Многие преступники пишут целые тетради стихов, в которых даже прямо осуждают свое преступление, изображают себя игрушкой судьбы или жертвою несчастных обстоятельств и т. д., а потом вновь и вновь совершают те же преступления. Дело в том, что известные идеи, — и особенно идеи расплывчатые и неопределенные, хотя бы и с возвышенным оттенком, — являются у них чисто умственным построением, не сочетанным с такими нравственными чувствами, в силу которых они 'стали бы психическими комплексами, руководящими их поведением. Из этих идей у них не родится конкретных жизненных идеалов, стремление к осуществлению которых удаляло бы с преступного пути.

Желание получить к празднику новый костюм побудило Якова Л., 20 лет, принять участие 28 декабря 1922 года в бандитском нападении в Перове и вовлечь в это нападение описанного выше Ивана Ивановича Т. Л. жил в момент преступления в Кускове и работал в качестве подручного пекаря в булочной своего отца. Нужды он никакой не знал, так как у отца его колониальная лавка и булочная, и они жили довольно зажиточно, несмотря на то, что отец Л. сильно пил и много пропивал. Л. вполне сознавал, что кража и грабеж вещи плохие. Он — не глуп, развит средне, окончил городскую школу, не прочь почитать беллетристическую книжку, читал Тургенева, Достоевского и некоторых других авторов. Почему же он, сознавая, что кража и грабеж плохи, и будучи человеком не злым и добродушным, решился участвовать в бандитском налете? У него не было хорошего костюма, а он очень любит принарядиться; особенно любит, чтобы верхнее, видное другим, платье было хорошее, ну а белье, которого никто не видит, может быть и похуже. Отец мало денег давал на одежду. А приближение праздников делало потребность в красивом костюме и карманных деньгах особенно острой.

Стремление добыть себе обувь получше побудило двух крестьян — К. и М., — без особой нужды живших своим хозяйством в деревне, 25 июня 1923 года, в три часа утра, напасть на старика-крестьянина, проезжавшего по лесу, недалеко от их села, и отразить его. Оба они — ребята веселые, любят погулять и побалагурить с «дивчатами», а одежды и, главное, приличной обуви у них не было. Оба недавно вернулись с фронта и сильно пообтрепались. Заметив проезжавшего через их деревню колесника, как им казалось, богатого, они в два часа ночи расстались с девицами, с которыми гуляли, отошли с пол версты в находящийся около их деревни и стали поджидать, когда колесник, сделавший в их деревне тановку, поедет мимо. Обвязав лица портянками, чтобы не быть узнанными, они выскочили из кустов и крикнули колеснику: «отдай деньги!». Тот отдал им 4 миллиарда и просил оставить ему часть на чай. Тот, кто был знаком колеснику — М. —сказал другому: «ну, дай ему на чай». Потерпевший по этим словам узнал голос, и все дело раскрылось.

IV.

Теперь я остановлюсь на тех импульсивных преступниках, которые, судя по их преступлениям, склонны совершить преступление или для того, чтобы таким путем достать средства для кого-нибудь развлечения, напр., чтобы пойти на вечеринку, в кинематограф и т. п., в частности, для игры карты, или для кутежа, для посещения ресторанов, угощая приятелей, для приобретения себе наркотика, или для нескольких подобных целей сразу. Перспектива таких развлечений и увеселений является в их сознании с такими живыми антиципациями, из которых родятся сильные импульсы к преступлению, не задерживаемые у них ничем. Вот несколько представителей этих разновидностей.

Один кореец — Хер — чан, 26 лет, — откровенно признался, что принял участие в убийстве в Москве 4 человек, бывших в квартире Лебедева, куда он с товарищами явился с целью выпить самогонки, которою Лебедев торговал, и похитить имущество, потому что последние 3 месяца он мало зарабатывал, между тем приближался день его именин, для которого хотелось достать самогонки, а денег не было. Придя в квартиру Лебедева поздно вечером 1 апреля 1923 года вчетвером, они сначала выпили четверть самогонки, а затем один встал, объявил, что они пришли грабить, и началось самое исполнение преступления, в результате которого оказались убитыми жена Лебедева и еще 3 человека.

22 февраля 1923 года, в г. Дмитрове, два молодых человека — Федор Георгиевич К., 19 лет, и Иван Васильевич К., 18 лет, задумали лишить жизни торговцев, граждан Поповых, Василия 60 лет, Екатерину 75 лет и Александру 50 л., с целью похищения их имущества. Убийцы знали, что Поповы жили уединенно и у них мало кто бывал; они и рассчитывали, что их во время преступления никто не застанет. Они днем проникли в дом с задней его стороны, через незапертый сарай, с фомкой, и стали ломать хранилище. Вышедшую к ним навстречу старуху убили; первый ее ударил в спину Иван, а затем, когда она упала и захрипела, добили ее молотком оба и решили поджидать остальных, чтобы убить их. С полчаса «сидели без делов», поджидали своих жертв. Затем, Федор спрятался за дверь и, когда вошла Александра, нанес ей удар. Он же ударил через некоторое время вошедшего старика Попова, однако удар скользнул, и старик схватил его за руку, но в это время Иван ударил его сзади. Трупы оставили, как они лежали. Расправившись со всей семьей, убийцы стали «собирать имущество». По словам Федора «искали в каждой щели». От убитой ими первой — Екатерины — они узнали, где деньги, и все-таки тщательно обшарили весь дом, чтобы не пропустить чего-либо ценного. В общем, набрали одежды и монет золотых, серебряных и медных 3 мешка, положили их на салазки Поповых и увезли. Они привезли их к одной знакомой, ничего не подозревавшей, и просили ее временно положить их в чулане. Надо заметить еще, что удары своим жертвам убийцы наносили поочередно большим молотком — «кувалдой», найденным ими у Поповых. Вечером они вернулись в дом Поповых, полили разные части его керосином и зажгли с целью скрыть следы своего преступления, а сами уехали в Москву и поселились у некоего знакомого своего У., которого, затем, попросили съездить в Дмитров и узнать, что там нового. Тот поехал в Дмитров, узнал там об

убийстве и сообщил, о странном поведении приехавших к нему знакомых. Поехавший с ним в Москву агент уголовного розыска арестовал обоих убийц. Последние вынуждены были во всем сознаться, и указали, где находятся награбленные вещи. Оба убийцы ранее не судились.

Федор К. — брюнет, с большими желто-карими глазами навыкате, рассказывает обо всем с улыбкой. Отец его — курьер одного провинциального народного суда; прежде он сильно пил запоем и пьяный бил жену, теперь остепенился и пьет меньше. Пьяный он «никаких резонов не принимает», выгоняет из дому жену, которая вынуждена обороняться и раз сильно разбила ему голову. Кроме Федора, в семье еще четверо детей. Жили, конечно, бедно, но особой нужды не знали. Учился Федор в сельской школе два года «ничего себе», хотя жалуется, что память у него всегда была неважная. Он охотник почитать, как он говорит «романсы» и очень любит театр; часто бывал и в большом, и в малом, и в художественном театре, но более всего он посещал театр Струйского и всяким операм и драмам предпочитает «что посмешней». «Я, — говорит он, — к дому относился легкомысленно, а заботился, как бы в театр сходить». В 1916 году он был отдан в ученье в шорное заведение, пробыл в нем 2 года, но ничему не выучился. В 1918 году перешел в другое заведение и работал до 1921 года, когда его «уволили по сокращению штатов». Заработок его все время был мал, не хватало на прожиток, приходилось ездить в деревню, где тогда жили родители, и привозить продуктов. По увольнении вернулся к родителям и жил у них, иногда кое-что прирабатывая. С 1921 года по день преступления был безработным, имея по временам случайный заработок. Пил он редко и начал пить с 1921 года, когда сосед стал гнать самогонку. Половую жизнь начал с 14 лет, при чем сходился с женщинами не часто, раза два в месяц, денег на это не тратил. Про это свое преступление говорит: «попали по легкомысленности». «Гуляли, нужны были деньги, — было дело на масленице, все гуляют, а у пас даже на табак нет». «Мы с Иваном К. в хороших отношениях, сосед был, часто вместе гуляли». «Дня за 4 имели разговоры: хорошо бы украсть». «Мысль подал я». Его соучастник, наоборот, говорит, что мысль о бандитском нападении пришла в голову первому ему: как-то он проходил мимо двери Поповых, увидел висящий на ней замок, ему и запала в душу эта мысль; он высказал ее Федору, и тот на следующее утро пришел к нему, когда он подшивал валенок, и они решили пойти и совершить преступление. Итак, как бы то ни было, мысль о гулянье на масленице со свободными деньгами, — вот что лежит в корне деятельности Федора. Он не прочь выпить, хотя пьет не сильно; охотник погулять с девчонками, с одной уже 9 месяцев был в связи и считал ее своей невестой. Но у него очень плоха была одежда, и хотелось поприодеться получше. Не прочь он и на вечеринке побывать, и в ресторане посидеть. После убийства, когда устроили похищенное добро в чулане знакомой, пошли было в ресторан чай пить, а затем — на бал в гимназию, но туда их не пустили, хотя и перед преступлением, и во время его, и после они вина не пили и были; совершенно трезвы. После того, как они вечером подожгли дом Поповых, часа через 2 раздался набат, стал сбегаться народ на пожар, пошли и они; видели, как вытаскивали трупы. Екатерину не нашли, потому что они засыпали ее подушками. В народе пошел говор об убийстве. Иван и Федор почувствовали себя «неудобно» и решили уехать в Москву. Опасаясь, что на станции они могут встретить агентов, они отошли верст 5 от Дмитрова, на другую станцию и там сели на поезд. В их поведении после убийства видно было тревожное настроение и суетливость, которые показались странными и У., к которому они явились в Москве и обратились с странной просьбой съездить узнать, нет ли чего нового в Дмитрове. Ночь провели у У.

спокойно. О содеянном преступлении Федор сожалеет только потому, что за него приходится сидеть, — он осужден на 10 лет заключения, — да потом, когда выйдешь, «девчонки очень презирать будут», а ему хотелось бы, чтобы его невеста его дождалась. Жаль ему, что не все нашли у Поповых; оказывается, потом ребятишки в разрушенном доме Поповых нашли бадью и в ней золото и камни. Во время самого преступления он ни страха, ни сожаления не испытывал: бояться нечего было, знал, что никто не войдет. Из всего преступления он особенно ясно помнит самый процесс убийства и то, как они искали денег. После самого акта убийства они не менее 3 часов пробыли в доме Поповых. Федор тщательно там умылся, отпряг лошадь, на которой приехал старик Попов, «успокоил» корову, которая почему-то кричала, и т. д., словом, вел себя довольно спокойно и деловито. Относительно Поповых он говорит: «мне Поповых ни черта не было жаль». «Черт с ними, что их убили, они были звери, а не люди», и поясняет, в чем заключалось их зверство: у них была земля, которая после революции от них отошла, а на ней колодезь, из которого все брали воду; Поповы будто бы лили туда керосин. Убивать, по его мнению, вовсе не трудно, только волнуешься, но дело это — нехорошее, потому что за него приходится сидеть. Раз убитые все трое приснились ему во сне, причем старик требовал, чтобы он за него поставил свечу, но он ему ответил: «убирайся к черту». Теперь о них и не вспоминает. Что касается будущего, то он не может поручиться, что не будет воровать: не будет работы, так придется воровать. Вообще с представлением о воровстве его мысль примирилась. Воровство, по его мнению, лучше убийства и бандитизма; украдешь — жизнь у человека останется; при грабеже человека можно так напугать, что он через это жизни лишится.

Иван К. — широкоплечий деревенский парень с большой головой, сдавленной с боков, с узким лбом, с толстыми носом и губами, старается притвориться более бестолковым, чем он есть на самом деле. В момент преступления ему не было еще полных восемнадцати лет. Он ленив и на вид довольно апатичен. Отец его сначала был сторожем в г. Дмитрове и занимался сапожным ремеслом. Родители его жили очень недружно. Отец постоянно пил и дрался с женой и детьми. Из 6 человек детей выжили четверо, два сына, из которых Иван второй, и две младших дочки. Отца Иван избегал, ненавидел за побои; ему от него постоянно попадало: и ремнем, и кулаком, куда попало. Несмотря на свою строгость, отец давал Ивану водки и раз, когда Ивану было 9 лет, напоил его допьяна; при нем Иван стал и курить. Когда Ивану было с небольшим 9 лет, отец его умер от чахотки. Мать и старший брат старались вывести Ивана в люди, отдали: его в семиклассное высшее начальное училище и всячески старались, чтобы он ни в чем не терпел недостатка, хорошо одевали его и не отказывали ему в деньгах. Но ученье у Ивана шло плохо, и способности у него оказались плохие, да и лень и баловство ему мешали учиться. Он сам признается, что был большим озорником. Умственных интересов у него нет никаких, читать он не любит. Перед пасхой 1918 года он оставил школу, не окончив ее. Оставив школу, Иван делал попытки поступить на службу, но очень слабые. Так, он поступил в военный комиссариат переписчиком, как красноармеец-доброволец, но пробыл там лишь до июля 1919 года, служба ему надоела, он воспользовался декретом о демобилизации и покинул военный комиссариат. В течение 4 месяцев он оставался безработным, а потом поступил в Дмитровский продовольственный комитет счетоводом, но прослужил лишь до декабря, когда его уволили. Этим его служебная карьера кончилась. В это время вернулся с военной службы старший брат, и Иван снова стал пользоваться помощью родственников, но в меньшем, чем прежде, объеме: он имел у них квартиру и стол, а на остальное должен был зарабатывать сам. А между тем он привык быть недурно одетым. С 15 лет он стал выпивать и пил все сильнее, пил все: и самогонку, и ханжу, и политуру. Пьянеет он нескоро, но пьяный ко всем пристает и придирается, хулиганит, дерется, пристает к женщинам. Да и трезвый он вспыльчив, легко переходит к насилию. С 16 лет он начал половые сношения с проститутками, причем обладает большою половою возбудимостью. Надо добавить, что он — любитель поиграть в карты и повеселиться в компании. На все это, конечно, были нужны деньги и деньги. Он пробовал торговать самогоном, получаемым из деревни, но товар этот, нужно думать, был соблазнителен для него самого, а потому он обратился, как к подсобному источнику средств к существованию, — к кражам. С Федором К. он начал дружить с 13 лет и нередко выпивал вместе. Можно догадываться, что Федор участвовал и в некоторых его кражах. Про свое участие в последнем преступлении Иван говорит: «по пьянке было». «Был я, выпивши, пришел к Федору, у него еще выпили, день был базарный, я напился и пошел». У Федора К. будто бы в это время была ссора с матерью из-за денег. Он — несомненно, преувеличивает свое опьянение так же, как и глупость, — если он и был, выпивши, то не так сильно. Он запомнил и воспроизвел очень точно и полно всю картину своего преступления, рассказал, как они пошли, как он захватил фомку, думая, что придется ломать, как он ударил фомкой Екатерину, которая вошла и спросила: — «К., ты, что тут делаешь?» Федор жил вблизи от Поповых, и они его знали, Иван—с ними знаком не был. После того, как он ударил Екатерину, он положил ее на кровать и заметил, что голова у нее была разбита, а крови не было. Вторую вошедшую старуху Федор ударил кувалдой, а он —«гитарой» (т.е. фомкой), когда она уже лежала, при чем все время был спокоен. Когда, часа через 1-2, вошел старик, Федор ударил его кувалдой, а Иван — фоткой. После старика было много крови, Федор был ею забрызган и пошел умываться. Добра забрали много, искали долго и тщательно, одного серебра было пуда 17, бегло и золото. В Москве, когда они приехали к У., они не сказали ему прямо, что совершили убийство, а сказали, что «натворили много дел» и показали ему привезенные с собой золотые вещи. У. через день уехал в Дмитров по своей надобности, причем приятели поручили ему узнать новости, а сами все ходили в Москве по театрам. Спал Иван все время хорошо, никаких тревожащих снов не видал, только его почему-то все тянуло уехать из Москвы подальше, и он сожалеет, что поехал к У.. — «Глупо сделал, — говорит он, — что поехал в Москву к У., не поехал бы, не сидел бы». «Плохо, — говорит он, — что я погубил свою жизнь; что троих убил, об этом я не думаю», — замечает он, а беспокоит его то, что теперь ему нельзя приехать в Дмитров, а жизнь там ему нравилась. О матери и брате он не скучает, а тяготит его сидение в тюрьме: энал бы, как скучно сидеть, ни за что бы преступления не сделал. «Освободят, — говорит он, — пойду к матери; если брат не примет, не знаю, что и делать, брат за 3, года ни разу у него не был и ему не писал. Мать у него на свидании бывает. Не скучает он и о «девице», с которой гулял три года и никакой ревности не чувствует при мысли, что она с другими путается: «что же, — говорит, — я и сам с другими путался». Сравнивая его с соучастником, нельзя не заметить большого сходства между ними. Оба корыстолюбивы, жестоки, тупы нравственно — моральные имбециллы, — оба склонны к праздной жизни с кутежами. У обоих в центре их криминального типа стоит склонность к добыванию любыми средствами, на чужой счет, денег на кутежи. Но Иван — азартный игрок, беззаботный гуляка, легко и щедро расшвыривающий те деньги, которые попадают ему в руки, вспыльчивый буян, склонный выпить, приволокнуться за женщинами и повеселиться в компании. Федор — не картежник, но остальными удовольствиями не прочь попользоваться и он, только он более расчетлив, не так легко расстается с деньгами, любит покутить более на чужой счет и очень сожалеет, что не забрал всего имущества Поповых; он жаднее Ивана.

Вот еще один случай, виновник которого принадлежит к данной группе. 12 апреля 1922 года, около 9 часов вечера, в Москве, в районе Мясницкой улицы, между Фуркасовским и Златоустинским переулком, с одной стороны, и Лубянскою площадью, с другой, раздались громкие крики, и прохожие увидели человека, который бежал наискось через улицу, по направлению Фуркасовского переулка. За ним гнался другой субъект, весь в крови, с криком: «держите… родственник-убийца». На убегавшем была расстегнутая шуба и одежда военного образца. В вытянутой руке он держал мужские золотые часы. Собравшаяся толпа задержала убегавшего, причем гнавшийся за ним человек объяснил, что задержанный — двоюродный брат его жены — Владимир Б., который явился к ним на квартиру и, в отсутствие его, ударами топора убил его жену, Людмилу, бывшую на 6-м месяце беременности, после чего пытался ограбить квартиру, но этого сделать не успел, так, как был, застигнут им; что, ничего не подозревая, он, вернувшись, домой, долго звонил у дверей и лишь после того, как ему не отпирали, обеспокоенный, решил влезть в квартиру, разбив соседнее с входной дверью окно. Когда он влез, на него кинулся с топором Владимир Б. и нанес ему удар топором по голове, а затем пытался скрыться; так как удар не был столь сокрушителен, как, быть может, думал убийца, то потерпевший бросился из квартиры за убийцей. При задержании, кроме часов потерпевшего, у преступника были найдены: золотое кольцо с рубином, принадлежавшее также потерпевшему, и в боковом кармане френча пачка денег. Владимир Б. — молодой человек 21 года, довольно высокий, крепкого сложения. Волосы — темно-русые, глаза — зеленовато-серые, глубоко сидящие, с довольно хитрым выражением. Черты лица — крупные, несколько ассиметричные, лицо кажется старше его юного возраста. Держится спокойно и уверенно, говорит любезно, внимательно следя за своими словами; временами вскакивает, сильно жестикулирует, но без признаков особого волнения, а единственно с расчетом придать большую убедительность своим словам. Хотя он пойман с поличным, уличен свидетелями и, несомненно, виновен, он развязно, все время смотря в глаза собеседнику, пытается показать чрезвычайно искусственными объяснениями, что произошла печальная ошибка, что Р. смешал его с кем-то и поддался ошибке особенно легко, потому что ненавидит его — Владимира Б.

Родители Владимира Б. занимались торговлей; до Октябрьского переворота отец его имел свой склад извести и асбеста. Семья их была большая, 10 человек: отец, мать, четыре сына и четыре дочери. Образование Владимир Б. получил в гимназии, но последней не кончил, сдал экзамены лишь за 6 классов. В гимназии учился неважно и сам себя не считает способным; особенно слаб он был в математике. В высшее учебное заведение поступать не собирался; имел в виду, как свое будущее, хозяйничанье на принадлежавших родителям хуторах. Развитием Б. не отличается; хотя он говорит витиевато, утверждает, что много читает, но признается, что прочитанного не помнит и читает без разбора, что под руку попадется; он не производит впечатления интеллигентного человека. Умственных, духовных интересов у него нет никаких. Он — типичный прожигатель жизни, кутила, который, кроме болтовни и кутежей в веселой компании, ничем, в сущности, не интересуется. Сам себя он характеризует как человека очень веселого, который никогда не унывает. А так как для кутежей нужны деньги и жалованья не хватало, то он прирабатывал несколько спекуляцией. Незадолго до убийства, напр., он устроил перепродажу партии яиц и, по его словам, хорошо заработал на этом. Еще ему удалось «провести сделку на сахарин», и он предлагал Р. свое участие в сделке по продаже партии мануфактуры и т. д. Словом, тяготение к спекуляции у него сильное. Он желал и с Р. участвовать в спекулятивных сделках, но тот, видя в нем человека не серьезного, кутилу, на которого трудно полагаться, воздерживался от принятия его к участию в своих делах. Чувственный эгоцентрик, — он искал только развлечений и денег для них; и на этом пути он ни перед чем не останавливался. Когда он увидел у своей двоюродной сестры, с которой рос с детства, драгоценности и деньги, и у него мелькнула мысль о захвате их, он не остановился перед мыслью о убийстве этой женщины и убил ее с полнейшим бессердечием, в то время как она доверчиво и любовно, по-родственному, беседовала с ним. Владимир Б. в Москве жил временно; он приехал похлопотать о получении хорошего места по кавалерии. Приехав в Москву, он на другой же день пошел к Р. и был любезно ими принят; еще раньше Люся (так звали убитую), встретившись с ним в вагоне, взяла с него слово, что, когда он приедет в Москву, он сейчас же зайдет к ним: «тетя (т.-е. мать Владимира Б.) никогда мне не простит, если ты за время пребывания в Москве не будешь к нам заходить», — говорила она ему. Таким образом, отношения с Р. и, в частности, с Люсей у него были хорошие родственные й дружеские. И это не помешало ему иметь черные мысли и привести в исполнение мысль об убийстве заведомо беременной сестры, ради денег и золотых вещей. Он — несомненный моральный дегенерат, моральный имбецилл. Черты нравственной тупости были у него, по-видимому, с детства. Пребывание на фронте с 1918 года и участие в целом ряде боев довершили его нравственное огрубение. В кавалерии он последовательно занимал разные командные должности — эскадронного командира и др. Альтруистические чувства у него отсутствуют; быть может, нужны особенно близкие отношения родственные или плотские, чтобы у него слабо зазвучали струны этих чувств,.

Б. — человек душевно здоровый. Никаких признаков психопатии у него никогда не наблюдалось. В роду у него также не наблюдалось случаев душевного расстройства. С 1918 года он почти все время был на фронте и с этого времени стал сильно выпивать. К алкоголю его, собственно, не тянет, но, когда представляется случай выпить в веселой компании, от других не отстанет, пьет довольно много и охотно. В день убийства не пил. Раньше привлекался к ответственности лишь за дезертирство, в 1921 году, но был оправдан.

Бродячая военная жизнь с вечной сменой сильных ощущений и чувственных наслаждений более всего его к себе привлекала, «затягивала», по его выражению. После того, как познакомился с нею, его прежний идеал сельской жизни на родительских хуторах рухнул окончательно. Он стал желать быть только> кавалеристом, более всего он любит лошадей. «Лошади», — говорит он, — это — жизнь моя». «Лошадь я люблю и к лошади даже приревную». К насильственным действиям и к риску жизнью он привык на военной службе, где ему много раз приходилось участвовать в рукопашных схватках: «идешь, — говорит он, — по течению… невероятный подъем… или; может быть, действует чувство, что тебя могут убить, и ты за это бьешь»… Неудовлетворенности своих чувственных потребностей он не выносит; элементарно-животные потребности превалируют в нем над всем другим, даже над самолюбием: крупно поссорившись с кем-либо в тюрьме, Б. готов тотчас же обратиться с просьбой к обидчику, если последний может помочь ему, например, в утолении голода. Эту черту свою он склонен принимать за слабость характера. «Я слаб характером», — говорит он, выясняя эту не выносливость к неудовлетворению или к задержке в удовлетворении его элементарных чувственных потребностей. Что касается половой жизни, то любить он никого не любил; с женщинами у него бывали лишь мимолетные связи, длительного сожительства не было. О браке и семейной жизни еще не думал. В общем Б. представляет собою тип, у которого прочно господствует в душе склонность к свободному и непрерывному удовлетворению своих чувственных потребностей в формах веселой, беззаботной жизни с кутежами и пирушками, и желание всего того, что лежит в плоскости этого стремления, как средство для его удовлетворения; эта склонность осуществляется без задержек в виду его морального вырождения, жестокости, бессердечия и способности быстро решаться на насильственные действия.

Сходный тип, хотя и с несколько иным оттенком, представляет собою молодой человек, учинивший следующее преступление.

20 марта 1922 года председатель домового комитета дома № 8 по Грузинскому переулку заявил милиции, что в квартире № 10, занимаемой семьей Швецовых, произошло что-то подозрительное, при чем он видел вышедшего из этой квартиры с узлом и с перевязанной рукой, в крови, жившего у Швецовых Александра Б. Прибывшие власти, по вскрытии замка двери, нашли убитыми супругов Швецовых и полнейший беспорядок в их комнате. 21 марта Б был разыскан и сознался в убийстве Швецовых, но при этом ложно оговорил своего знакомого студента Л., утверждая, что убийство совершил — будто бы тот, а он был лишь его пособником. Впоследствии выяснилось, что Л. в этом убийстве не участвовал и совершил его один Б. Он выбрал утреннее время, когда сам Швецов уходил, а его дочь Маруся бывала в школе. Жизнь семьи Швецовых он знал хорошо, так как месяца за два до убийства он приехал в Москву и поселился у них; Швецовы доводились ему родственниками. Степень родства с ними он, в точности, не знает, звал их дядей и тетей. Жил он у них даром и вместе с дядей спекулировал; незадолго до убийства они ездили в деревни с красками и с мануфактурой, которые обменяли на топленое масло. Спекуляция производилась на деньги Швецова. Утром 20 марта Б. попросил у тетки дядину бритву побриться, затем, улучив момент, выстрелил в тетку из револьвера, когда она нагнулась к печке, выбежал в коридор посмотрел, не бежит ли кто на выстрел и, убедившись, что все благополучно, вернулся назад и перерезал тетке бритвой горло. Затем стал собирать вещи, вязать их в узлы и вывозить. Вещи он свозил к одной знакомой, которой сказал, что приехал из Самары и что это его вещи. Сделав две поездки с вещами: и вернувшись за третьей порцией, он встретил ждавшего на дворе дядю Швецова, оказал ему, что тетка ушла, а ключ у него, отпер, впустил его, выстрелил в него и дорезал бритвой и его. Первый транспорт вещей он отвез часа в 2 — в 3, а с дядей встретился на дворе часа уже в 4. Захватив последние вещи, он вышел и стал запирать дверь. В этот момент к нему подошел председатель домового комитета и заметил у него следы крови на повязанной руке. Л. в убийстве не участвовал, а только продавал некоторые из переданных ему Б. вещей, не зная, что они получены путем преступления. По его словам, Б. обещал ему сознаться в

ложном оговоре его и добавил, что припутал его к этому делу, чтобы оттянуть время, в расчете, что, может быть, станут мягче относиться к грабителям и бандитам.

Александр Б. — молодой человек, 19 лет, среднего роста, с маленькой головой и толстой шеей, блондин, с большими серо-зеленоватыми глазами, довольно холодно, но хитро посматривающими, с желтоватым, широким, неприятным и некрасивым лицом, с большим ртом и большими ушами, с небольшим толстым носом, с хрипловатым голосом. Происходит из крестьян Пензенской губернии. Отец его умер от малярии. Мать жива, страдает неврастенией. У него три брата и две сестры. О материальном положении семьи он говорит так:—«в течение последнего времени нужда была в отношении съестной провизии, последние года три». Лошади и коровы нет. Землю сдают в аренду. Однако большой нужды семья не знала, как можно отчасти видеть и из того, что Александр окончил пензенскую гимназию. Учился он средне, читал «слишком мало», «классиков, впрочем, приходилось читать, но больше читал научное». Романы его не интересуют, и он читать их не любит. Особенного интереса ни к чему не питал: «поскольку задавали, постольку и изучал». Сравнительно более всего другого его интересовало «медицинское деда», и он мечтал поступить на медицинский факультет; еще в гимназии читал кое-что по анатомии и физиологии. Впрочем, медициной он интересовался по соображениям практическим, как выгодной карьерой, причем по этому поводу он поучительно прибавляет: «каждый человек живет, если нет для него существования, то нет и жизни». Этой неуклюжей фразой он хотел, очевидно, отметить важность материальных средств. Уже из этой фразы видно, что — для окончившего курс гимназии, — он особенным развитием не отличается, от всей его личности веет умственной и нравственной тупостью. Друзей у него никогда не было. Что касается женщин, то он говорит, что «смотрел на это слишком просто, к сношениям с женщинами прибегал редко, «потреблял редко». Романов у него не было, были лишь мимолетные половые связи. Каких-либо развлечений он не любит: ухаживать за женщинами не любит, в карты не играет, пьет редко и «так себе», кокаина не нюхал. Всего больше он, по его словам, любит одежду и чистоту. Досуги свои он наполнял больше бездельем; так, бродил, на солнце грелся, предавался лени и покою. Его отношение к вопросам и благам жизни—вообще ленивое и пассивное. Он, по-видимому, равнодушен ко всему, что выходит за пределы его органических потребностей. Равнодушен он, в частности, к науке, искусству и религии. Что касается последней, то говорит: «это — загадочная вещь, не могу оказать, есть бог или нет; верить не мешает; придерживаюсь этой формы, молюсь по привычке». По окончании гимназии он служил в Пензе в центральной почтово-телеграфной конторе. Отсюда был командирован губ-профобром для продолжения образования в Самару, хотел поступить на медицинский факультет, но это ему не удалось и, чтобы не пропал год, он поступил в промышленно-экономический институт, где с полгода слушал лекции. Но ему трудно давалась математика. Из Самары он отправился в Москву с намерением найти здесь место и поступить на медицинский факультет. Поселился у Швецовых, жил у них даром! Но в последнее время они стали тяготиться его пребыванием и намекали ему, что ему следует поступить на место и им за квартиру и стол платить. На вопрос, как ему пришла мысль об убийстве, он рассказывает, что эта мысль явилась у него во время беседы со студентом Л. о том, что им обоим трудно жить и надо как-нибудь поправить свое материальное положение. Если из этого разговора исключить припутываемого Л., то станет ясно, что дело было так. У Б. денег не было, Швецовы намекали, что он должен или платить им, или уехать. Гнать они его не гнали и острой нужды, при которой приходилось бы думать о завтрашнем дне, у него не было, тем более, что у него был револьвер, который он мог бы продать, и они с Л. находили деньги, чтобы иногда выпивать самогонку. Несомненно, что он мог бы, несколько преодолев свою лень, более энергично помогать Швецову в его коммерческих операциях и тогда не был бы им в тягость. Он мог даже уговориться с Швецовым о каком-либо проценте за свою помощь. Не видно, чтобы он с должной энергией и место себе искал. В крайнем случае, он мог бы уже украсть что-нибудь у Швецовых, украсть ему не противно. Зачем же было убивать людей, которые как-никак его у себя приютили и про отношения которых к нему он решительно ничего дурного сказать не может? У него довольно ясно видны особенно большое значение, которое он придает в жизни материальным средствам, и хищническая склонность поживиться на чужой счет. Он груб и жесток. Раздражительности и вспыльчивости у него не заметно. Сильных порывов гнева в его жизни не видно. Когда он задумался о том, как бы немедленно выйти из затруднительного материального положения, ему явилась мысль об убийстве Швецовых, и эта мысль соединилась с его склонностью к хищническому обогащению на чужой счет в стремление к убийству, нашедшее себе кровавое выражение 20 марта. Что могло удерживать его? Жалость? Но ее у него нет или очень мало. Чувство благодарности? Но его у него также нет, и он к покойным никакой благодарности не чувствовал и не чувствует. Боязнь крови и инстинктивное отвращение к убийству? Но вид крови и трупа, по его словам, никакого впечатления на него не производит. Раны на него впечатления также не производят, и он не раз перевязывал их, добровольно помогая в больнице и с интересом относясь к самому процессу перевязки. Страх ответственности? Он, действительно, трусоват, что и сам признает, но в данном случае думал, что удастся скрыться и концы канут в воду. Моральная оценка убийства? Ведь он все-таки кончил гимназию и такую сравнительно простую нравственную проблему, казалось бы, мог решить. Но, несмотря на свой образовательный ценз, он малоразвит и даже говорит не интеллигентским языком, между прочим, употребляя такие выражения, как «грабежов», «судимоетев», а на вопрос, не любит ли он ловить рыбу, отвечал: «рыбную ловлю иногда имел». Правильной моральной оценки убийства у него нет. На вопрос, жаль ли ему убитых родственников, откровенно говорит, что нет. На вопрос же, почему именно их он выбрал своими жертвами, он откровенно отвечает, что знал это семейство хорошо, что и где у них находится, да и они к нему относились с доверием и его не остерегались, так что при таких условиях легче было оперировать. На вопрос о раскаянии он отвечает утвердительно, но добавляет: «лучше побираться, чем здесь на пайке одном сидеть». Убийство свое мотивирует так: «могу сказать, что голод все побеждает». Но, именно, голода-то у него и не было. «Теперь, — говорит он, — я себе отчет отдаю, что можно бы и без убийства сделать, я мог бы взять любую вещь у них, продать и уехать». На вопрос, почему же он так не поступил, он говорит, что не может объяснить. Но объяснение ясно: обокраденные живые дядя и тетка тотчас сообщили бы властям целый ряд сведений о нем, а оставшаяся одна Маруся этого сделать не могла. Во всяком случае, так было безопаснее. Интересно отметить еще, что после убийства он очень боялся, как бы покойные ему не привиделись. И во время нашей беседы он говорил: «при любом воспоминании я не могу находиться один». «Ночью появляется страх». «Боюсь, что появятся видения». Он боится даже один вечером войти в уборную, сознает, что это суеверие, но боится: «суеверия я отчасти всегда страшился», — говорит он. Раньше он не судился.

В приведенных выше случаях преступники хотели схватить некоторый куш денег, чтобы покутить, хотя бы недолго пожить в достатке, повеселиться, весело провести масленицу и т. п.[1] К этому же типу искателей развлечений, гуляк и кутил принадлежат два молодых человека — Иван М., 22 лет, русский, из крестьян Калужской губ., и Лев Д., 26 лет, еврей, родом из Черниговской губ., раньше не судившийся. 3 августа 1923 года, вечером, у полотна железной дороги, они убили секретаря краснопресненского народного суда Яковлева. Они уговорили последнего поехать с ними на пикник на 20-ю версту, причем Д., служивший делопроизводителем в том же суде, увел Яковлева прямо со службы, не дав ему зайти, домой и оказать, куда он отправляется. Расположившись в 2-х верстах от станции, они стали выпивать и закусывать. Когда захмелевший Яковлев наклонился в сторону, Д. шепнул М: «бей», а М., чтобы не возбудить у своей жертвы подозрения, запел: «бывали дни веселые» и с этими словами нанес Яковлеву удар ножом, которым резали колбасу, и перерезал ему сонную артерию. Забрав у покойного портфель, печать, ключ от несгораемого шкафа, где хранились вещественные доказательства, и браунинг, они покрыли труп шинелью, выпили еще на станции пива и часов в 12 ночи уехали в Москву. На следующий день М., по указаниям Т. сходил в шкаф, где хранились ценные вещественные доказательства, пользуясь тем, что шкаф этот оставался в старом помещении суда, где теперь была нотариальная контора и где М. никто не знал, взял оттуда золотые часы, браслет, несколько колец с брильянтами и 36 золотых 5 и 10 рублевого достоинства, вещи эти продали, а вырученные деньги разделили пополам и истратили на кутежи и проституток. Убийство было совершено именно с целью похищения ключа от шкафа. Того же Яковлева они хотели увить несколько раньше, заманив его также на пикник в Покровское-Стрешнево, но там им сделать этого почему-то не удалось. Кроме Яковлева, ими были намечены и другие жертвы с целью получения денег на кутежи путем убийств. Весь план убийства был разработан Д., М. был только исполнителем, причем Д. предварительно даже побудил Яковлева упаковать означенные вещественные доказательства, сказав, что их надо отправить в комиссариат финансов на хранение. Деньги этим молодым людям нужны были на кутежи. Оба они состояли на службе, оба холосты и нужды, в собственном смысле слова, не знали. Но оба — кутилы. Д. постоянно проводил время с проститутками, из которых с одной сожительствовал довольно продолжительное время. Жалованье он получал в суде небольшое и ему не хватало. Это—человек очень хитрый, осторожный, неглупый, но с слабой памятью, с отсутствием умственных интересов, несмотря на сравнительно высокий образовательный ценз — 6 классов гимназии, — лживый и трусоватый. Сам он не мог бы совершить акт убийства, по недостатку смелости, ему нужен был физический исполнитель, каковым он избрал М., жившего в одном с ним доме, любителя, выпить, которому выпивка, как он заявляет, дороже всякого свидания и которому жалованья также на прожиток не хватало. Сам Д. почти не пьет и во время этого преступления не пил. Привезенные 3 бутылки портвейна распили М. и Яковлев. Д. погряз в половом разврате, — к гульбе с проститутками сводились все его интересы. Надо добавить еще, что он раздражителен, зол, злопамятен и покойного Яковлева очень не любил, хотя на вид старался быть с ним в недурных отношениях. От семьи своей он давно отбился, равнодушен к ее интересам и о ней даже почти никогда не вспоминает. Из родителей у него жив отец, которого он характеризует как человека трезвого, но очень раздражительного, с тяжелым характером. М. — человек более простой, смелый, открытый, пьяница — кутила, сын сильного алкоголика, не окончивший начальной школы по лености и баловству, а также и по мало способности. Особенно «не укладывалась у него в голове» арифметика. Память у него плохая. Вспыльчив, но отходчив. Легкомыслен. Легко поддается чужому влиянию. Полагает, что кражу совершить можно, если у самого нет чего-либо, а у другого — много. Интересно отметить, что оба убийцы признаются, что с детства, лет с 9 —10, занимались онанизмом и занимаются им в тюрьме; на свободе будто бы занимались им с большими перерывами в несколько лет; Ж. — лишь до 1919 года.

Всматриваясь в личности преступников рассматриваемых разновидностей, между ними можно подметить, между прочим, одно интересное различие: одни хотят добыть себе хоть что-нибудь, что попадется, другие — на мелочи не идут, предварительно принимают меры, чтобы куш, который они схватят, был солиден. Эти последние уже приближаются к рассудочно-расчетливым преступникам, отличаясь, однако, от последних тем, что имеют в виду добыть для себя не новое материальное положение, более или менее радикально изменяющее течение их жизни, а временное более обильное удовлетворение их потребностей в материальных предметах, — чтобы хватило и приодеться, и жене хороший костюм сшить или шляпку купить, и на курорт проехать, в ресторанах побывать и т. д. Вот один из примеров такого типа преступника.

13 марта 1922 года, в понедельник, Борис Р., 34 лет, отправился с своим приятелем Б. на станцию Быково, под предлогом указать Б. источник дешевой покупки десятирублевых золотых. Б. и сам Р. занимались денежными операциями на черной бирже и комиссионерством и были в хороших, приятельских отношениях с давних пор. Приехав на станцию Быково, Р. в лесу выстрелом из револьвера убил Б., положил его труп на две перекладины из досок, подвез к заранее выкопанной яме, находившейся от места убийства приблизительно в 40 шагах, и, пользуясь привезенным с собою мешком, в который был завернут револьвер, стал перетаскивать землю. Засыпав яму землей, утрамбовав ее и покрыв сверху снегом, убийца отправился на прогулку в лес. Убийство произошло около 6 часов вечера. Пробыв в лесу до 11 ч. вечера и зная, что в это время приходил поезд из Москвы, убийца направился на дачу своего родственника И. Чемодан Б. с деньгами и револьвер он сначала оставил за хворостом на даче, а потом перенес на чердак дачи, что видел один из мальчиков, впоследствии рассказавший об этом. Приехав на следующий день в Москву, Р. направился к родителям Б., под предлогом навестить приятеля, и оставил на имя последнего записку, в которой, в нежно-приятельском тоне упрекал его в том, что он не пришел к нему в обещанное время. Когда агенты розыска напали на след убийцы, последний долго отрицал свое участие, но, наконец, должен был признаться и указать могилу Б. С целью смягчить картину убийства друга он выдумывал всякие фантастические версии. Так, он утверждал, что, когда они приехали на ст. Быково, то он, зная, что находящиеся при Б. деньги взяты последним под проценты, предложил приятелю симулировать ограбление, для чего хотел привязать его к дереву, произвести выстрелом в воздух «эффект ограбления», а деньги поделить пополам. Но Б. на это не согласился, и тогда совершенно случайно произошел выстрел, которым был убит Б. В беседе со мной Р. развивал другую, еще более фантастическую версию, что Б. будто бы убил кто-то другой, кого он назвать не хочет, но что этому — другому очень хотелось жить, ему, же Р. жизнь уже надоела, а потому он и взял его вину на себя. У убитого, в его чемоданчике, Р. нашел миллиард семьсот сорок миллионов; что в то время составляло очень большую сумму.

Р.1 — человек здоровый, никакими особенными болезнями не страдал. На вид, он высокий блондин, 2 аршина 6 вершков ростом, с некрасивым, не располагающим лицом, лысый, с голубыми глазами, с высоким тихим голосом. Лицо часто нервно подергивается. Заметно прогнатичен. Жалуется на расшатанность нервной системы, на исчезновение по временам памяти, особенно памяти на имена, отчества и фамилии. На лица у него память хорошая. В остальном память у него средняя. Со стороны наследственности можно отметить следующие факты: о родителях ничего особенного сказать нельзя, кроме того, что отец его — очень раздражителен и деспотичен, «держит всю семью в кулаке». Дед, со стороны отца, был алкоголиком, а трое дядей, с отцовской стороны, глухонемые. Учился Р. в рязанской гимназии, которую и окончил. Прослушал в московском университете 3 курса на математическом факультете и 3 курса — на юридическом. Женат. До ареста три года служил в Продпути и занимал должность секретаря коллегии. Последнее время перед убийством нигде не служил и занимался комиссионерством. Вся семья их состояла из 10 человек: родители, Борис, шесть его сестер и его жена. Жена его училась, затем поступила на службу, но в последнее время была уволена по сокращению штатов. Сестры служили. В материальном отношении семье в последнее время приходилось трудновато, хотя нужды большой не было. План одним ударом улучшить временно несколько стесненное материальное положение свое, жены и остальных членов семьи, по-видимому, сложился у Б. давно, но подходящего объекта не находилось. Одно время им был намечен в жертвы один служащий Продпути, но тот не смог достать денег для мнимой операции более шестисот миллионов, а это казалось Р. мало, и он остановился на своем молодом и неопытном друге Б.; Р. — человек злой, сухой, рассудочный эгоцентрик, жаждущий комфорта, довольства и для этой цели не остановившийся перед убийством. Он холодно и с обдуманным расчетом избрал для этого средством убийство. Эти комплексы прочно сочетались у него в очень опасное предрасположение к убийству. Оставалось приискать жертву. С поразительным бессердечием и холодностью он останавливается в выборе на своем доверчивом юном друге, выкапывает для него заблаговременно могилу, продумывает до мелочей план убийства, заманивает его на намеченное место и убивает, а затем с большою предусмотрительностью и холодной расчетливостью пытается скрыть следы преступления, является к родителям своей жертвы, не стыдится смотреть им в глаза и разыгрывает роль нежно сетующего друга их сына.

Р. — человек умный, интеллигентный, но — дегенерат, моральный имбецилл. Ему нельзя отказать в формальном, так сказать, умственном развитии; он складно говорит, вполне литературным языком, в разговоре довольно находчив, но устойчивых умственных интересов у него нет. Он, в сущности, ничем не интересуется, кроме устройства своей личной жизни и карьеры, при чем последняя интересует его только своей материальной стороной. Ни общественных, ни каких-либо возвышенных моральных интересов у него нет. Он пуст. Если прибавить к этому его раздражительность, злобность, решительность и достаточную смелость, то генезис его преступления станет вполне понятен. Раньше Р. не судился, это — первое его преступление.

V

Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники половые, изнасилователи и развратители подростков и малолетних. Это — субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают. В этой, так сказать, диссоциированной склонности к половым удовольствиям от моральных ограничений и состоит сущность их предрасположения к подобным преступлениям. Иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишенной комизма половой распущенности. Вот Несколько разнообразных образчиков представителей данного тина

Крестьянин Московской губернии, Бронницкого уезда, Иван Г., 55 лет, неграмотный, по профессии кузнец, на первый день рождества в 1920 году, в отсутствие жены своей, изнасиловал свою дочь Зинаиду 14 лет; сбросив с нее одеяло и сорвав рубашку, он совершил с ней половой акт, несмотря на все ее сопротивление. С этого времени и до лета 1922 года, угрожая ей избиением, он время от времени жил с ней. За это он приговорен к лишению свободы на 8 лет, с сокращением по амнистии срока на половину. Дочь, страшно запуганная, долго скрывала поступки отца, но, наконец, сообщила обо всем властям, причем, после возбуждения дела, просила следователя об изолировании ее отца, опасаясь его побоев.

Иван Г. — сын трезвых родителей, которые хотя и имели некоторый достаток, но отдали его с 9 лет в ученье, по кузнечной части. Выйдя из ученья, Иван работал все время в качестве кузнеца у разных хозяев, у одного, у Спасской заставы в Москве, прожил более 20 лет. Затем завел свою кузницу и работал в ней до последнего времени. С 18 лет стал сильно пить; пьет ежедневно и говорит, что «мастеровое дело — известно, не выпьешь и работать нельзя». Груб, драчлив, раздражителен. Лет с 18 начал заниматься онанизмом, но потом бросил. Женился 25 лет, до женитьбы с женщинами связей не имел. От жены имел 6 человек детей, из которых осталась жива одна Зинаида, остальные умерли в раннем детстве от неизвестных причин. С женой прожил 16 лет. После ее смерти 7 лет вдовел, а затем женился лет восемь тому назад. Во время вдовства имел с женщинами редкие половые связи «с кем попадется». С женой живет ладно, но уже лет 12 замечает, что у него все более падает половая сила и притупляется память: желание есть, а половой силы нет. Признается, что, раз, выпив 4 бутылки ханжи, «пристал к дочери». Изнасилование вообще и дочери, в частности, признает «неудобным», ну, а если бы она согласилась, тогда другое дело. Старается уверить, что дочь на него наговорила и что если по освидетельствованию она «оказалась тронутой, то кто же его знает кем?». Иван Г. представляет собою резко выраженный тип полового насильника.

В других случаях перед нами оказывается более или менее импотентный, сладострастный блудник, не доходящий до насильственного совершения акта совокупления, а ограничивающийся разными «блудными» действиями. Вот примеры представителей этой разновидности: Один из них — человек старый —

56 лет — Иван Иванович Х., русский, из крестьян Московской губернии, Звенигородского уезда. Он — сын трезвых родителей и сам пьет мало. Давно женат, старшей из его детей — дочери — 30 лет. Малограмотен. С 10 лет был отдан сапожнику в ученье и более 30 лет работал как сапожник. Затем служил

машинистом на водокачке, а последние 3 года — сторожем при одном заводе. Хвалится тем, что, живя 46 лет в Москве, ни разу даже свидетелем на суде не был и в участке не сидел. В половом отношении стал слаб, ссылается на возраст. Производит впечатление довольно бестолкового старика, склонного временами ворчать, а временами плакать без особых оснований. Приговорен в 1922 году на 2 года за развращение малолетних: зазывал в свою будку девочек лет 9 — 11 с фабричного двора, сажал их к себе на колени, ощупывал, вводил палец в их половые части и показывал им свой член. На суде, в качестве потерпевших, фигурировали 4 девочки, причем оказалось, что каждая из них неоднократно подвергалась, в разное время года, таким посягательствам со стороны Х. Он сперва пробовал отрицать свою вину: «При годах ли это такие дела делать», — восклицал он. Говорил, что и девочки эти, несмотря на свои 9—11 лет, не были уже невинны, как, будто отсюда вытекала его невиновность! Но потом признался, что «всяко бывает, может быть, выпил кружку бражки и…» Несомненно, мы имеем дело в данном случае с импульсивным преступником, у которого предрасположение ограничивается тесною областью указанных выше половых удовольствий.

Сходное преступление было учинено в Москве в июне 1923 года П., 38 лет, белорусском по национальности, уроженцем Гродненской губернии. Проходя вечером, часу в 8-м, погулять на Ваганьковское кладбище, он увидел по дороге 5 девочек в возрасте 10 — 13 лет, заговорил с ними и пригласил их на кладбище погулять, обещая дать им конфет, кольца и еще что-то. Придя на кладбище, он сел на лавку, вынул свой член, а девочкам велел поднять юбки. Но в это время вблизи появилась публика, и он позвал девочек на другое место, вглубь кладбища. Там он сел на памятник, а девочки попросили его дать им обещанные конфеты и кольца. «Дайте вы мне сначала ваши кольца, а потом я дам вам свои», — ответил он. Те сказали, что у них нет никаких колец, на что Сидор возразил: «Я покажу вам, что у вас есть кольца», — и он велел им поднять платья и набегать на него, а сам вынул член и прикасался им к верхним частям их ног. После этого он велел им ложиться на могилки, сказав, что так будет удобнее, но девочки убежали от него, а затем, когда он возвращался домой, они все время шли за ним и, как он выразился, «кричали разные неприятные вещи по адресу моего члена». Он свернул в переулок к портному, но они следовали за ним и туда. За описанное преступление он был приговорен к 3 годам лишения свободы без строгой изоляции и с поражением прав на 3 года.

П. происходит из бедной крестьянской семьи. Родители его люди трезвые и ни нервными, ни психическими болезнями не страдали. В семье его родителей царила довольно спокойная атмосфера; детей было трое, и все они и друг с другом, и с родителями жили дружно. Сидор учился в трехклассном народном училище и кончил его; учился, по его словам, «очень великолепно», все предметы давались ему легко. С 14 лет он начал работать в качестве чернорабочего на разных железных дорогах. В 1907 году он был призван на военную службу и, по возвращении с нее в 1910 году, устроился на службу по почтово-телеграфному ведомству и служил в московском почтамте и во время совершения своего преступления. Половую жизнь он начал с 19 лет; в 1920 году он женился и живет с женой хорошо. До 1917 г. он отличался большой половой потенцией 1917 г. особого влечения к женщинам не имеет. Во время военной службы он получил триппер, принявший у него хроническую форму и по временам проявляющийся у него снова. Пьет он мало и редко. Вспыльчив и не из добрых. Самолюбив. Злопамятен. Ревнив. В. раздражении легко может перейти к насилию. Одного знакомого, который, будучи у него на именинах, стал ухаживать за сестрой его жены, а потом и за его женой, он сильно избил и спустил с лестницы, после чего побитый довольно долго лежал в больнице. Упорно отрицает свою вину в развращении подростков, хотя всеми обстоятельствами дела и 8 свидетельскими показаниями вполне уличен. Дать моральную и социальную оценку он не в силах, хотя говорит, что считает такие поступки очень плохими, но мотивировать такую оценку как следует, не может. Импульсивный тип, носителем которого является П., ясен, но его предрасположение не идет далее сферы полового чувства и половых удовольствий.

То же можно сказать и о Ш., 32 лет, который в момент своего преступления состоял учителем пения и музыки в одном из детских домов. Он сумел завоевать себе симпатии детей, часто приглашал их к себе на квартиру, где у него были музыкальный ящик «Стелла» и разные птички, очень привлекавшие детей. В конце лета 1923 года жена Ш. уехала на время к родственникам, а он стал особенно часто приглашать к себе Шуру У., 8 лет, и Олю Г., 8 лет, сажал их к себе на колени, целовал, гладил их тела, запускал руку под панталоны, снимал с них панталоны и лизал их половые органы. При попытке девочек кричать, он приказывал им молчать, угрожал исключением из детского дома, а иногда даже убийством. Он обещал купить им по мячику и строго приказал никому ни о чем не рассказывать. Те повиновались. Кроме указанных двух девочек, он зазывал к себе еще двух девочек — К. и В., из которых каждой было по 10 лет. Этим девочкам и одной из вышеупомянутых он засовывал пальцы в их половые органы, чем причинял им физическую боль, от которой К. даже кричала. Кроме того, он вкладывал им в половые органы спринцовку, которой лечился от триппера, при чем на вопрос девочки В., что это такое, он ей сказал, что эту штучку он вставляет и в половой орган жены, когда последняя спит. И воспитанниц более старшего возраста Ш. не оставлял в покое, хотя к ним он в общем приставал меньше, опасаясь с их стороны протеста и жалоб. В1 конце декабря 1923 года дети были как-то в опере Зимина. Щ. вошел в ложу, где сидели девочки Анна Ю., 12 лет, и Элла Р., 12 лет, и, когда погасили огонь, стал их целовать и хватать за груди и только после угрозы детей рассказать все заведующему домом, оставил их в покое. Часто Ш. ловил Валентину С, 14 лет, приставал к ней, старался ее обнять и поцеловать. Во время ночных дежурств Ш. заходил в дортуары, сдергивал с девочек 8 — 9-летнего возраста одеяла и обнимал их голое тело, а когда испуганные девочки поднимали крик, он их успокаивал, говоря, что он поправлял одеяла, которые с них сползли. Такое положение вещей длилось до 6 января 1924 года. Дети старшего возраста стыдились рассказывать о приставаниях Ш., а дети младшего возраста были терроризированы им. 6 января дети отказались идти с Ш. в кинематограф. По случаю этого отказа был учинен опрос детей, раскрывший поведение Ш. и повлекший привлечение его к судебной ответственности. За свое преступление Ш. приговорен к 5 годам заключения со строгой изоляцией, с запрещением ему заниматься педагогической деятельностью и жить в крупных городах и с ходатайством перед комиссией НКВД о ссылке его в Нарымский край.

Ш., русский, происходит из мещан г. Елабуги. Ни со стороны отца, ни со стороны матери он не обременен дурной наследственностью. Отец его пил очень мало и очень редко и то лишь виноградное вино, водки же не пил совершенно. Характеры у родителей были мягкие, к детям они относились очень заботливо. Семья жила дружно и атмосфера внутри нее царила тихая и спокойная. У Ш два брата. И он, и братья обладают некоторыми музыкальными способностями. Он с 12 лет стал сочинять музыкальные композиции и пел сопрано в хоре Стахеева. Благодаря этому он постоянно бывал в церкви и в детстве и юности был набожен, но теперь думает, что религия выдумана для того, чтобы держать в руках темные массы. Однако, он верит, что где-то есть какое-то начало всех начал. Самое любимое его занятие: уединяться и предаваться музыкальному творчеству, жить в мире звуков. Другое любимое занятие: путешествовать. Окончив при поддержке Стахеева городскую начальную школу, а затем городское училище, Ш., на средства того же Стахеева, решил отправиться во Владивосток и поступить там в школу штурманов дальнего плавания. Учился он всегда легко и хорошо, что он приписывает хорошей памяти. Эксперименты подтвердили, что у него хорошая память. Из учебных предметов его особенно привлекали математика и география. Будучи учеником школы штурманов, он был два сезона в плавании и посетил разные порты Китая и Японии. В этой последней стоне, в поэтической обстановке «чайного домика», который он живо и подробно описывает, он впервые вступил в половые сношения с очаровавшей его гейшей. Ему было в это время 19 лет. Утверждает, что период полового созревания протек для него незаметно и что онанизмом он никогда не занимался.

Пробыв в школе 2 года, он получил звание зауряд-штурмана, но на этом и кончилась его морская служба. Родители, желая получать от него поддержку, убедили его избрать себе другую службу,

Он избрал педагогическую карьеру, сдал экзамен на народного учителя и три года — 1910 — 1912 — пробыл у себя на родине сельским учителем. В это время он «впервые сблизился с детьми и в совершенстве понял их психологию»; раньше он не обращал на них никакого внимания. Каждое лето он уезжал на отдых куда-нибудь к морю, на черноморское побережье и «здесь, где-нибудь в горах над Сочи, он творил, творил и творил»… Чудные звуки наполняли его душу, и в результате явилось около 100 музыкальных номеров, концертных и симфонических, однако ни один из них напечатан не был. Уединяясь для музыкального творчества, он вместе с тем наслаждался красотами природы, которую любит до безумия; бродил среди лесов, «как любитель и натуралист», с восхищением слушал «пичужек»…

В 1912 году, 22 лет, Ш. женился на богатой девушке старше его несколькими годами, без любви, по настоянию родителей. Супруга его была к нему также равнодушна. Она оказалась очень скупа, дрожала над каждой копейкой и «склонна к эксцессам»: однажды, например, получив за что-то от свекра замечание, перебила в квартире стекла. Когда у мужа открылся туберкулез, и он пожелал, для поправления здоровья, поехать на юг, она ни денег не дала, ни сама с ним не поехала. Осенью того же 1912 года Ш. уехал на юг один и больше к жене не возвращался. На юге он сначала жил частными уроками, потом с год дирижировал одним оркестром, затем перебрался в Елисаветполь и там, с лета 1914 по весну 1915 года, — служил в женской гимназии преподавателем пения. В 1915 году он был взят на военную службу, окончил Тифлисское пехотное училище и был отправлен на германский фронт, сидел в окопах и 6 раз участвовал в боях, причем 2 раза был легко ранен: один раз — в правую руку, а другой — в шею. В 1916 году заразился триппером, который принял у него хроническую форму. Около этого времени он заболел также возвратным тифом. В 1917 году был демобилизован. До апреля 1918 года перебивался кое-как частными уроками в Рязани, а в этом месяце поступил в «Хлеболес» и был отправлен в Омск для закупки зерна. Летом в Сибири произошел колчаковский переворот, Ш. был мобилизован и служил капельмейстером. В это время он приступил к созданию оперы «Смерть Ивана Грозного», в 5 актах, и над нею работал все время, заканчивая свою работу уже в таганской тюрьме, во время нашей с ним беседы. В 1918 году он женился в Омске второй раз и до последнего времени живет с женой хорошо.

Прослеживая далее историю жизни Ш., мы узнаем, что с падением Колчака он из Омска попал в Ярославль в концентрационный лагерь, с группой арестованных белых офицеров. Здесь он устроил хор из заключенных, который с успехом давал концерты, и одновременно преподавал пение и музыку в 1-й ярославской пролетарской школе. Затем, освободившись из лагеря, он поступает заведовать в Самарканде эвакуационным пунктом, пропускавшим тысячи детей, увозимых из голодных местностей. Здесь умерла от дизентерии его дочь, а он и жена вынесли сыпной тиф. Покинув место, совершенно больной, он жил несколько месяцев продажей вещей, а затем перебрался в Омск к родственникам жены и здесь был капельмейстером в театре. Затем в марте 1923 года, по не совсем ясным причинам он оказывается в Москве, будто бы посланный из Омска для участия в организации «Общества помощи русским композиторам». Вскоре после этого он обратился к поискам места и был назначен в детский дом для преподавания музыки и пения.

Д. — человек недалекий и лживый. Любит прихвастнуть своими влиятельными знакомствами и мнимыми музыкальными успехами. Он добр, хотя и не так, как говорит, добродушен и несколько восторжен. Причиняя детям большое зло, он, в силу крайней поверхностности своего мышления, не понимал всех размеров этого зла. Он сознается лишь кое в чем из того, что ему вменено судом, и находит, что вел себя непедагогично; он признает свое поведение бестактным для педагога и только. Хотя его нельзя считать малоразвитым для той социальной группы, к которой он принадлежал, однако углубиться в достаточной степени в моральную и социальную стороны своих поступков он не в состоянии; комплексов, из которых могла бы вытекать такая оценка и соответствующие ей импульсы, у него нет. В половом отношении, но только в этом отношении, он человек распущенный, предрасположенный добывать себе половые наслаждения всячески, даже путем насилия. Половая потенция его, по-видимому, ослаблена. Пьет он очень мало и редко. Раньше не судился.

В приведенных выше случаях преступники хотя и не могут считаться вполне нормальными людьми, так как у них есть склонность к описанным ненормальным поступкам, однако, лишены признаков какого-либо определенного нервного или психического расстройства. Но, конечно, чаще такие поступки совершаются людьми, нервно-психическая сфера которых более или менее сильно болезненно расстроена. Не имея возможности, по размерам настоящей работы, входить в рассмотрение этих случаев, я пополню серию приведенных выше примеров лишь еще одним небольшим примером.

Павел Л., 30 лет, русский, уроженец Симбирской губернии, сын крестьянина, который сам хозяйства не вел, а плотничал в разных местах, постоянно и сильно пил и часто бил и жену, и детей, которых у него было 9 человек, из них 5 осталось в живых. Павел — старший из них. Кончив 14 лет школу, он стал работать вместе с отцом и работал до 1913 года и об этом периоде своей жизни сохранил очень мрачное воспоминание: отец постоянно бывал, пьян и страшно бил его, требуя выдачи денег, которые он от него пьяного припрятывал. С 1913 г., после смерти брата, ведшего хозяйство, отец бросил плотничать, и они поселились в деревне. В 1915 г. Павел был мобилизован, поступил в фельдшерскую школу, кончил ее и с тех пор до последнего времени работал в качестве военного фельдшера. После окончания гражданской войны он был назначен фельдшером в высшую военную химическую школу и получил казенную квартиру в виде проходной комнаты, ведшей в помещение гражданки К., служившей в той же школе санитаркой и жившей имеете с малолетней дочерью Нюшей лет 7-8. Несмотря на то, что у него по службе было много работы, Д. поступил на рабочий факультет и имел в виду оттуда поступить на медицинский факультет. Учиться он любит и всегда учился хорошо. Собственно его больше влечет к строительной и сельскохозяйственной технике, но, раз уже судьба поставила его на медицинскую дорогу, он пойдет по ней… Он любит почитать научную книжку, особенно по политическим вопросам. Будучи занят буквально с утра до ночи, он часто чувствовал, что у него в голове как-то все путается и что он повышенно нервен. Особенно трудно было ему в таком состоянии овладеть математикой. В 1923 году он женился; в апреле 1924 года — демобилизовался, но остался на прежнем месте. 20 мая 1924 года он совершил преступление, в котором горячо и искренно раскаивается. В этот день произошло следующее. Около 10 часов вечера К., вернувшись в свою комнату, увидела Д., выходившего от нее, а свою дочь Нюшу в постели раздетой. На расспросы матери Нюша объяснила, что Д. вошел к ней в комнату, лег с нею на кровать и стал вводить свой половой орган в ее промежность, но она оттолкнула его и стала отговаривать; провозившись с ней минут 5 и заслышав шаги, он поспешил удалиться. Д. признался во всем и заявил, что, увидев раздетую девочку в кровати, он почувствовал половое возбуждение и желание иметь с ней сношение. Он добавил еще нам, что мать этой девочки постоянно приводила, к себе любовников, что девочка была посвящена в тайны половых отношений, и ему казалось, что и ей не чужды половые стремления. Д. — человек нервный, довольно бестолковый, склонный к фразерству и некоторой восторженности. Его мышление носит сильную эмоциональную окраску, но работает медленно, причем у него заметно повышенное преобладание зрительных образов. Лет с 11 —12 и до последнего времени он занимался онанизмом; и, живя с женщинами, он не оставлял онанизма, в чем откровенно признался и жене. Последняя иногда на его откровенность как-то обижается, но это происходит, по его мнению, от ее малокультурное. Откровенность—необходима, а скрытность и ложь — злейшие враги прогресса человечества. К сожалению, полной откровенности от всех можно будет требовать не так скоро, так лет через 50. В своей жизни он часто влюблялся, но по несчастной случайности он никогда не находился в связи с женщинами, которые ему нравились: предложить им простое сожительство он не решался, а жениться не позволяли внешние обстоятельства. Те же женщины, с которыми он жил, ему, собственно, не нравились: с одной он прожил месяца 2 — 3, с другой — около года. Между этими двумя связями был промежуток в несколько лет; в течение которых он занимался исключительно онанизмом. Женился он по расчету: не вечно же жить одному, это скучно и тяжело. С женой живет ладно и нередко ревнует ее к прошлому, так как она—вдова.

Психиатрическая экспертиза признала у Д. нервное расстройство на почве врожденной психопатии, с извращениями в области половой сферы. Состояние его вменяемости не исключает. Он был приговорен к лишению свободы на 1/2 года, с поражением прав на 3 года.

VI.

Как дальнейшие разновидности импульсивных преступников можно отметить:

1. Искателей легкого избавления от грозящих им опасности или неприятностей. Сюда относятся люди, у которых есть предрасположение, например, к насилию и т. п., но это предрасположение, так сказать, не созревает окончательно и не проявляется, пока они не очутились перед лицом какой-либо важной в их глазах опасности или перед угрозой более или менее больших неприятностей. Тогда, чтобы оттолкнуть от себя эту опасность или эти — неприятности, они совершают преступление. Таковы, например, многие воры, которые в своей воровской деятельности более или менее старательно избегают насилия, но отстреливаются от погони, : сопротивляются при аресте и т. д. В этом отношении между ворами наблюдается интересное различие: карманники и типичные домушники «по тихой», проникающие в квартиры без взлома, обыкновенно не сопротивляются, а застигнутые на месте преступления бегут, просят прощение и т. д. Воры-взломщики нередко отстреливаются, вступают в бой с застигшими их лицами и в этом случае могут совершить убийство. По степени их отрицательного отношения к насильственным" действиям, воров можно расположить в ряд, на одном конце которого можно поставить карманников и домушников «по тихой», «парадников», т.е. крадущих из передних, а на другом — воров, со взломом проникающих в квартиры («домушников — громил»), воров, обкрадывающих кооперативы, склады, магазины и проникающих туда со взломом, иногда со взломом полов, стен или потолков («шниферов»). Сравнительно реже встречается способность к насилию у первых и сравнительно чаще и резче она выражена у вторых.

Боязнь ответственности явилась движущей причиной преступления, между прочим, в следующем случае.

В ночь с 19 на 20 ноября 1920 года в товарном вагоне поезда ехала из Нижнего-Новгорода группа кубанских казаков на фронт; в числе их были Иван Б., 19 лет, и Григорий К., того же возраста. Оба — холосты. К ним в вагон попросились две незнакомые им Женщины с мешками. Такие просьбы со стороны проезжих в то время, вследствие крайне затрудненного железнодорожного движения, слышались постоянно. Казаки пустили в свой вагон женщин, а когда поезд тронулся, кто-то из них прорезал мешок одной из женщин, оттуда посыпались сухари, которые тут же все и расхватали. А затем стали «скидать» женщин, причем одной из женщин, протестовавшей против истребления ее сухарей, Григорий К. погрозил ножом. За эту историю оба казака и попали в тюрьму. Б. раньше не судился, а К. раньше сидел в тюрьме за кражу часов и некоторых других вещей во время обыска у одного прапорщика. Оба казака малоразвиты: Б. учился в школе 7 месяцев и очень мало грамотен, К. кончил школу с 3-летним курсом, но также малограмотен. Нравственные понятия очень малоразвиты и у того, и у другого; что дурно, а что хорошо, они плохо разбирают. На вопрос, какой поступок он считает хорошим, Григорий К., после долгого размышления, наконец, усвоив себе смысл вопроса, говорит: «хорошо это — когда на мельнице не ждешь, а скоро отпускают». На аналогичный вопрос о дурном поступке он ответил: «плохо бить брата или сестру». Оба они — люди трезвые, из довольно зажиточных семей, заметно любят деревенскую жизнь и крестьянские работы. Очень привязаны к родителям. Чувства сострадания и уважения к личности у них заметно недоразвиты. Но и у того, и у другого сильно развито уважение к старшим и подчинение отцовскому авторитету. Иван Б. на вопрос, что он вообще считает хорошим, отвечает: «работать и слушаться родных». Этим, повидимому, в его представлении исчерпывается область добра. Поступок своего товарища Григория К. он считает плохим, потому что «он пригласил женщин по-хорошему, а потом, скинув их, поступил «по-свински». Про себя говорит, что его оговорили товарищи.

2. Последнюю разновидность, которую я отмечу в пределах первого типа импульсивных преступников, составляют искатели легкого выхода из материальных затруднений, состоящих в недостатке денег для удовлетворения более или менее серьезной потребности. Эти материальные затруднения могут быть очень различны: от недостатка денег на сравнительно неважную потребность, удовлетворение которой могло бы быть отсрочено, до действительно тяжелого материального положения. Нужда, в тесном смысле слова, в смысле недостаточного удовлетворения первых потребностей самого преступника или его семьи, потребностей в пище, одежде, жилище или в лечении, вовсе не часто встречается в числе причин преступления. И в тех случаях, когда ее приходилось встречать, она нередко была следствием преступления и отбытого заключения, после которого человеку трудно бывает найти себе место и устроиться. Встречаясь с случаями такой нужды, осязательно чувствуешь неотложную необходимость патронатской помощи освобожденным из мест заключения. Вот, для иллюстрации, небольшая статистическая справка относительно материального положения обследованных мною 250 бандитов. Из них в действительной материальной нужде находились 34 человека, 13 — имели значительные средства, а 201 имели необходимое для удовлетворения своих первых потребностей и в нужде, в тесном смысле слова, не были; в двух случаях выяснить имущественное положение, во время преступления, не удалось. Нередко уже из той попойки, которая устраивалась перед нападением, из факта покупки или наличности дорого стоящих револьверов, из приезда на извозчиках на место преступления и т. п. подробностей дела — ясно, что большой нужды у этих бандитов не было и не от нее исходил главный толчок к преступлению.

Вот несколько примеров рассматриваемого типа с выпавшими на долю виновных очень различными по тяжести материальными затруднениями.

Вот, например, два кавалериста, которые в августе 1923 года совершили бандитское нападение, тотчас по возвращении со службы на родину, в Тверскую губернию, из далекого Туркестана. Дорогой они проели свои деньги, один из них, Михаил Григорьевич С, 23 лет, проел все, что у него было, и занял у своего спутника 700 руб. Он надеялся, что у родных достанет денег и отдаст товарищу. Поэтому он предложил последнему заехать к нему в деревню на несколько дней. Тот согласился сделать эту небольшую остановку, тем более, что от этой деревни до — того места, куда он ехал, оставалось лишь несколько станций. У жены Михаила денег не оказалось, у родных также. Он пошел с своим товарищем Григорием Л. в другую деревню, к брату. По дороге встретили молодого крестьянина той же деревни, 18 лет, некоего К., который разговорился с ними об их военной службе, совсем ли они приехали и т. д. Михаил попросил у него взаймы 700 руб., тот отказал, но предложил им ограбление, которое они и согласились учинить. Приехали они с военной службы в Москву 11 августа, 12-го уехали из Москвы в деревню Михаила, в ночь на 13-е августа совершили свое бандитское нападение. Сорвав дверь с крючка, они проникли в общежитие детского дома при станции Подсолнечной; угрожая кинжалом и долотом, они связали руки спавшим там двум сестрам и забрали принадлежавшие им вещи. Подговоривший их крестьянин К. стоял на страже, опасаясь войти внутрь, так как его там знали. Третья спавшая там сестра успела незаметно выскочить в окно и поднять тревогу; Заметив приближение людей, К. дважды подал С. и Л. сигнал об окончании и убежал к себе домой. Услышав его сигналы, С. и Л. бросились с вещами бежать и много вещей побросали; не нашли потом 8.000 руб. денег, золотое кольцо и 17 аршин полотна. Пойманные С. и Л. во всем сознались и сообщили, что они колебались и обсуждали предложение, сделанное им К., — напасть на общежитие — в течение часов 3, что К. дал им кинжал, долото и платье, в котором они были в момент нападения, что он же привел их на место преступления, которое отстояло от местожительства родных С. верст на шесть, что, не встреться он им, они никогда не совершили бы этого преступления. К. признался в подстрекательстве, но указал, что он имел провокационную цель предать С. и Л. в руки правосудия. В результате К. приговорен к 6 годам заключения, а. С. и Л. — на 4 года каждый.

В условиях жизни и в свойствах С. и Л. много общего. Им обоим по 23 года. Оба они — сыновья достаточных родителей. Оба — здоровы, не обременены наследственностью и никаких признаков душевного расстройства не обнаруживают. Оба окончили сельскую школу, но не имеют никаких умственных интересов и умственно малоразвиты. Оба — легкомысленны и являются поклонниками легкой жизни с постоянными развлечениями. Оба — не прочь поживиться тем, что «плохо лежит» и не в состоянии дать моральную и социальную оценку бандитизма. Оба раньше не судились, но на преступный путь, хотя и в первый раз, решились без нравственной борьбы и серьезных колебаний. Оба они женаты и не подумали перед преступлением, как оно отразится на их семьях, к которым они только что вернулись. Оба рассчитывали на безнаказанность и соблазнились перспективой взять на 25 — 30 червонцев добра. Оба — сапожники по профессии и имели в виду часть похищенного истратить на покупку кожи для изготовления обуви по заказам. Наконец, оба они служили в одном и том же кавалерийском полку в Ташкенте, Верном и других городах и оба не раз ходили против басмачей и участвовали в рукопашных схватках. Поводом к преступлению послужило то, что один другому был немного должен. Но кредитор не настаивал на немедленной уплате долга, а должник не очень тяготился отсутствием денег для уплаты. Этот долг послужил лишь небольшим толчком в сторону преступления. Подводчик их К. —18 с небольшим лет, крестьянин соседней деревни, сын достаточных родителей, холостой. Он окончил сельскую школу и 2 года с небольшим учился в высшем начальном училище. Читал довольно много классиков — Пушкина, Гоголя, Толстого, читать любит. Ученье ему надоело, высшего начального училища он не кончил; так как начался голод, ушел на службу в продовольственный отряд, в котором пробыл 14 месяцев: отбирал излишки у крестьян в Воронежской губернии. В 1921 году к пасхе вернулся со службы домой. В декабре 1921 года и январе 1922 года с месяц снова служил в продовольственном отряде в своем уезде. Рекомендует себя как человека «с военными способностями», чего на самом дел; не было, и говорит, что в данном случае действовал как провокатор, желая впоследствии С. и Л. предать в руки правосудия. В такой роли ничего предосудительного не видит. В общем, он представляет собою тип легкомысленного недоучки, с большой путаницей в голове, с желанием поживиться на чужой счет, от плодов совершенного другим преступления.

Материальные затруднения и необходимость достать денег для содержания семьи в достаточном довольстве дали толчок к преступлению двум цыганам барышникам лошадьми, троюродным братьям, впервые осужденным за бандитское нападение, сопровождавшееся покушением на убийство. Дело было так. 4 апреля 1921 года, в одиннадцать часов ночи, один из них — Иван Павлович Г., 36 лет, выстрелил, с умыслом убить, в спину извозчика, на котором они ехали за Спасскую заставу. Другой — Иван Никитич Г., 25 лет, — когда брат сообщил ему о намерении убить извозчика, взять у него деньги, костюм, экипаж и лошадь, — отговаривал от совершения 1 такого преступления, но потом помогал брату в похищении вещей' этого извозчика. Оба они происходят из зажиточных цыганских семей, которые имели в г. Клину свои дома и вели довольно широкую торговлю лошадьми; последняя им, как их отцам и дедам, давала хороший доход. После революции их имущественное положение ухудшилось, но все-таки они нужды, в собственном смысле слова, не знали и продолжали торговать лошадьми. Кроме этого занятия, они знают еще: Иван Павлович — кузнечное дело, а Иван Никитич — шорное. Умственный уровень того и другого невысок: Иван Никитич — совсем безграмотный, а Иван Павлович — учился немного в начальной школе, но ее не кончил; ученье давалось ему трудно, особенно трудна ему была арифметика. Сейчас он подучивается в школе исправдома, учит дроби. Ни тот, ни другой не читали никаких книг и вообще умственных интересов никаких не имели. Память у обоих слабая, у Ивана Никитича — несколько лучше, чем у брата. Все их интересы — в торговле лошадьми и в семейной жизни. Оба они — на вид добродушны, хитры и плутоваты. У обоих есть прочно сложившийся комплекс хищнического приобретения денег. В их конской торговле не все обстояло благополучно, — было много плутовства: они как-то и зубы поджигали лошадям, и разными другими приемами надували покупателей. В этих обманах при продаже лошадей оба не видят ничего дурного и даже удивляются, когда их спрашивают, не считают ли они это — плохим делом: ведь так все делают, так делали их деды и отцы, а они были не хуже их, почему же им этого не делать. В справке о судимости Ивана Павловича есть указание на то, что в 1920 году он был приговорен к концентрационному лагерю на 3 года, а в 1921 году — на 2 года, в виду амнистии — условно; в первый раз — за конокрадство, а во второй — за спекуляцию лошадьми и дезертирство. Иван Никитич также судился за конокрадство. Оба они совершили ряд побегов из концентрационных лагерей. Оба были на военной службе: Иван Павлович был призван в 1915 году, участвовал в бою под Барановичами, где и был контужен воздухом во время разведки, после чего стал плохо слышать. Осенью 1917 года был демобилизован. Иван Никитич на фронте не был, служил в тылу год, — с 1916 по 1917, — после чего его уволили, так как его ударила лошадь в бок и последний у него разболелся.

Оба они пьют, Иван Никитич — часто и довольно сильно, причем пьяный склонен драться, «вспомнить старые грешки жены и постегать ее кнутиком», Иван Павлович — пьет сравнительно редко и не сильно, только во время данного преступления был изрядно выпивши. Отцы их также пили и сильно. У обоих братьев заметны уважение к старшим, особенно к родителям, и признание большой ценности семейной жизни. Оба очень ревнивы, считают неверность жены великим для себя позором. Иван Никитич говорит, что ни за что не простил бы неверности своей жены, а или убил бы ее, или выгнал вон. Он женился 17 лет и скоро овдовел. Теперь он женат вторым браком на молоденькой цыганке 18 лет и очень тоскует о семье в тюрьме. Когда его вели в тюремную больницу, потому что у него вновь разболелся ушибленный бок, он по дороге сбежал, так как «дома жена молодая, не охота в тюрьме сидеть». У Ивана Павловича семейная жизнь не удалась. Первая его жена прожила с ним около 10 лет, прижила 4 детей, но как-то, во время отсутствия мужа, сбежала с другим цыганом. Иван Павлович был в бешенстве и ясно обнаружил свою склонность к насилию; он ездил по округе, грозил убить всякого, кто, зная, где его жена, не скажет ему об этом, но разыскать ее не мог. Тогда он распродал всех лошадей, ликвидировал свое хозяйство в Переяславле, где тогда жил, запил горькую и уехал в Москву и в Клин. Здесь он со своим братом Егором снова занялся торговлей лошадьми и кое-как оправился. Вскоре он влюбился в молодую цыганку 22 лет .ив хора Стрельны и взял ее к себе в жены. Мать его была против этого брака, так как считала его новую жену «белоручкой», с «дворянскими замашками», женщиной, которой нужны будут «мамки да няньки», а на это денег нет. Действительно, содержание новой жены стоило ему много денег, и он испытывал постоянную нужду в последних. Во время его сидения в концентрационном лагере вторая его жена ему изменила, рассорилась с его родными и ушла к другому цыгану. По освобождении он сумел с ней примириться, но должен был поселиться с ней отдельно, а матери давать денег на своих детей от первого брака. Он испытывал острую нужду в деньгах в момент своего убийства.

Материальные затруднения и желание найти временный выход из них сыграли видную роль и в следующем преступлении.

20 декабря 1923 года, в селе Богородском под Москвой, в корпусе общежития для рабочих по постройке железнодорожной ветки к фабрике, была убита жена сторожа этой ветки Варвара Хряпина. Разломанный шкаф и сундук указывали на то, что убийство было совершено с целью похищения имущества. Убийцами сказались сторож той же ветки Григорий Н. и, незадолго до того уволенный за сокращением числа рабочих, чернорабочий Иван Д. Дело было так. Как-то муж убитой — сторож Хряпин, — подвыпивши, сказал Григорию Н., что у него есть 15 червонцев, о чем Григорий Н. сказал Ивану Д., с которым они месяцев 6 работали вместе по проводке железнодорожной ветки. Работы приходили к концу, и началось сокращение рабочих. Приблизительно за неделю до преступления был «сокращен» Иван Д., скоро должен был быть «сокращен» и Григорий Н., о чем он уже знал. Зная, что у сторожа Хряпина скоплено 15 червонцев, они решили убить жену Хряпина, в отсутствие ее мужа, и похитить эти деньги. Григорий Н. говорит, что мысль об убийстве подал Иван: «Гришка, — сказал он, у Хряпина деньги есть, пойдем, убьем»... Иван утверждает, что инициатива принадлежала Григорию, который раньше еще предлагал убить Хряпину другому рабочему — Ж., а когда тот отказался, обратился с тем же предложением к Ивану. Показание рабочего Ж. заставляет

думать, что так и было. Уговорились совершить убийство дня за два; при, чем по уговору Григорий должен был набросить на Хряпину одеяло или что-нибудь подобное, а Иван — убить ее топором. Так как Григорий раньше жил в той же казарме, где помещались Хрялины, то он хорошо знал наличность у них топора, время отсутствия Хряпина и других, живущих в той же казарме, вообще всю обстановку, при которой придется действовать. На преступление пошли вместе, часа в 2 дня; по дороге Иван Д. остановился и довольно долго беседовал с каким-то «земляком», а Григорий Н. тем временем забежал в чайную, с похмелья выпить 2 бутылки пива. Третьей бутылки он пить не стал из экономии, хотя деньги у него были; по его словам у него тогда было 16 тысяч рублей, что в то время составляло не такую уже маленькую сумму. Идти им пришлось с пол-версты. Григорий последнее время жил в другой казарме, находившейся от местожительства Хряпиных приблизительно в указанном расстоянии. Иван Д. с Хряпиным был едва знаком, Хряпину до преступления видел лишь раз и то издали. Григорий, как прежний сожитель Хряпиных по казарме, знал их хорошо, ни в каких особых отношениях к ним не находился и никогда с ними не ссорился; раз как-то только Хряпин обыграл его в карты, но никакой ссоры и вражды по этому поводу между ними не было. В день убийства Григорий вошел в избу первый и стал беседовать с Хряпиной как гость, расспрашивал о том, как они праздновали Николин день и т. п. Иван Д. вошел минут через 10 — 15 — 20 и присоединился к их беседе, при чем сказал, что он зашел к Хряпину с целью поговорить по поводу одной «спекуляции», о которой они будто бы раньше с ним говорили. Побеседовав некоторое время — с час или полтора — приятели стали друг другу подмаргивать, указывая один другому, что пора приступать к выполнению намеченного. Но в течение некоторого времени начать выполнение плана не решались. Григорий говорит, что Хряпина как, будто что-то забеспокоилась, отошла от них несколько и полулегка на стоявшую невдалеке невысокую печку, сказав, что холодно. Иван Д. все «подмаргивал» Григорию; последний, наконец, собрался с духом, быстро набросил на Хряпину бывший около пиджак ее мужа, а Иван раза 3 ударил ее изо всех сил стоявшим около печки колуном. Она и не вскрикнула. Григорий говорит, что, набросив пиджак, он отвернулся, так как не хотел видеть, «как бьют человека», однако заметил, что Иван нанес 2 или 3 удара с большой силой и очень быстро. Отвернулся он и потому, что боялся увидеть кровь, которой очень не любит. «Я, — говорит он, — если самостоятельно кровь увижу, то такая приторность является, кушать не могу». Свою кровь он может видеть без особой «приторности». Но к чужой крови, несмотря на то, что на войне видел не мало раненых, он привыкнуть не мог. Притом, он очень боится покойников. Совершив задуманное, убийцы принялись за имущество. Иван набрал мешок разного добра: сапоги, кое-что из платья и белья и ушел с мешком в одну дверь, а Григорий, найдя шкатулку, где были червонцы, вышел в кухню, там разбил эту шкатулку и вынул червонцы, которых, по его словам, оказалось 8, а Иван утверждает, что было 9 и один червонец утаен Григорием. Он утверждает также, что Григорий набрал еще с мешок добра и исчез с ним в другую дверь. Они ушли врозь, чтобы не возбудить подозрений, так сказать, из соображений большей безопасности. Григорий утверждает, что, опасаясь быть замеченным, он ушел с одними червонцами, так как его в этой местности все знали и нести что-нибудь ему было опасно. Как бы то ни было, убийцы скрылись и были арестованы лишь через несколько дней. Ушли они с места преступления уже в пятом часу, когда становилось темно. Григорий Н. с убийства вернулся в свое общежитие и, так как там в это время был парикмахер, то побрился и постригся и пошел на дежурство. Когда он стоял на дежурстве, ему сообщили: «Слышал, Хряпину убили?». «Я, — говорит он, — и виду не подал». «Стоял, ветку охранял». «Только слышу, как будто кто из лесу кричит: «Гриша!» Глядь, нет никого». Два дня после убийства он волновался, спал плохо, видел неприятные сны, будто утопает в болоте, видел и убитую. «Для успокоения пил самогон», но не помогало. Через два дня его арестовали, как раз в день, когда он получил расчет и был уволен от службы. Когда он вернулся с получкой, ему сказали: «за тобой приезжали в автомобиле». Сначала он, испугавшись, спрятался за кадкой, но потом решил, что все равно найдут, и когда агенты розыска явились, он уже не прятался, Сначала при обыске у него червонцев, не нашли, но потом оказалось, что он привязал их к половому органу.

Имея в виду, что один из убийц был уже уволен, а другой — намечен к увольнению, о чем он знал, нельзя не признать, что материальное положение их было плохое, хотя нужды, в тесном смысле, еще не было. Оба они имели пристанище у своих родных в деревне и все необходимое. У Григория, в самый момент преступления, было 16 тысяч, так что он не стеснялся выпить 2 бутылки пива; в перспективе у него была скорая получка. Про свое преступление Григорий говорит: «Сделал великую ошибку». «Такая пала мысль, в заблуждении был». «Сам теперь не понимаю». «У меня не было белья, нужны были деньги для поддержания жизни: хотел поступить на другое место, на фабрику в верстах 70 от Москвы, без денег нельзя было, нужно было для этого кое-кому подсунуть, а у меня денег было мало»… «Думая и домой ехать в деревню, и здесь остаться». «Если бы в деревню приехал, отец бы сказал: что же, жил, жил, а денег не привез»… «Сделал очень плохо, большое преступление, у человека жизнь отнял»… «Человек без ошибки не может пробыть». «Это моя великая ошибка»… «Человека втянуло в алкоголь»… Во всех этих его объяснениях ясно сквозит его собственное сознание, что «без ошибки» можно было обойтись, что, хотя была недохватка денег, но не было ничего такого, что говорило бы о действительной нужде; выход был простой и нетрудный: ехать в деревню, поручив приятелям известить его о месте, когда последнее представится, или поехать за 70 верст на фабрику и попытаться устроиться там, на место, без «подсовывания». К чему привела бы эта попытка, неизвестно, во всяком случае, до нее прибегать к такому преступлению никакой нужды не было. Иван Д. также мог ехать в деревню, родные его даже звали, но он находил, что «зимой в деревне делать нечего», и боялся, что его родители женят, а он жениться не хотел и из власти родительской выйти не смел. Обращаясь к фактам, рисующим прошлое наших героев, их нравственный облик и семейные условия, узнаем следующее.

Григорий Н. происходит из крестьян Смоленской губернии, родился в 1895 году. Его родители живы и занимаются крестьянским хозяйством. Живут они, по словам Григория, не богато; у них есть и лошадь, и корова, но хлеба на весь год не хватает. Кроме Григория в семье есть еще брат и две сестры моложе его. Отец его когда-то работал в Ленинграде на заводе, а затем осел в деревне, пьет запоем, часто скандалит, очень горяч, иногда бьет жену. Григорий окончил сельскую школу, учился «так себе»; сравнительно более его интересовала и легче ему давалась арифметика. Вообще его интересует только то, что приносит непосредственную практическую пользу. Книжку с таким непосредственно полезным содержанием он не прочь почитать, но вследствие близорукости читает редко и мало. Романов он не читает, потому что, по его мнению, «романы читать можно, когда есть достаток», интересуется больше книгами, в которых «больше из жизни». Собственных романов у него никогда не было; имел лишь мимолетные половые связи с деревенскими девками, то с одной, то с другой. Выпить любит. «Пью, говорит он, когда есть, приходилось часто и сильно выпивать». В пьяном виде не буянит, но становится весел и очень разговорчив. Судился он лишь раз «за самогонку» и был приговорен к штрафу. Драться ему в жизни никогда не приходилось. Если же его кто бил, то он держался всегда такого правила: «если ударивший здоровее, — спускал, а если слабее, — сдачи сдавал». В семье ни с кем не ссорился. У отца он не любимый, отец его своим не признает и нередко «давал ему по шапке». Но он всегда думал, что на это он не должен обращать внимания и отцу дерзостей говорить нельзя: «а не, то он из дому выгонит». Мать и сестер Григорий любит, к остальным членам семьи — довольно равнодушен. С 1915 года он был на военной службе, по конец 1917 г.; в перестрелке бывал и стрелял по врагу издали; в атаках бывать не приходилось. С 1918 года по 15 августа 1921 года служил в красной армии и участвовал в боях на польском фронте. В конце 1922 года поехал в Москву работать. Ремесла он никакого не знает. Служил чернорабочим. Никаких неладов, которые мешали бы ему вернуться в деревню и пережить там трудное время, не было, одежда и обувь у него были, деньги на проезд также были. Даже если предположить, что своим приездом он доставил бы своей семье, особенно отцу, некоторую неприятность, то ведь преступлением он, несомненно, доставил еще большую. Он сам понимает, что семье тяжело будет узнать о его преступлении. «Сплю плохо, — говорит он, — досадую на себя за свою ошибку». «Стыдно будет, когда узнают в деревне». «Писать домой ничего не хочу, мать узнает, просто с ума сойдет». Итак, ехать он в деревню мог и, во всяком случае, своим преступлением он доставил гораздо более неприятности, чем мог бы доставить своим появлением в качестве безработного, да и работу себе в деревне он мог бы найти. Все дело в том, что его соблазнили 15 червонцев, хотелось из них получить половину, чтобы увеличить свой бюджет, а там видно бы стало, что делать; очень вероятно, что некоторое время ничего делать бы не стал, а сначала попил бы всласть, а потом уже поехал бы в деревню. Интересно отметить, что, решаясь на убийство, он никакой твердо поставленной цели не имел: ехать ли в деревню или искать место и «подсовывать» кое-кому. Он откровенно сознается, что это он потом бы решил, может быть так, а может быть и этак, деньги, же нужны были и для того, и для другого. Григорий Н. — человек сухой, черствый, с эгоцентрическим складом характера. Алкоголик. Он ценит и понимает только непосредственную практическую пользу и последнюю постоянно принимает в расчет. Ему нравится только непосредственно для него полезное, служащее приятному удовлетворению его органических потребностей; и как скоро его сознанию представится возможность получить такую непосредственную для себя пользу, он не останавливается даже перед убийством. На последнее он решился без всяких колебаний, без какой-либо нравственной борьбы: недохватка денег в данный момент и представление возможности получить 71/., червонцев, — вот единственные движущие силы его преступления. Совершенное кажется ему только «ошибкой», и если он считает его плохим, то потому, что в деревне за это осудят. Никакого сожаления к убитой, никакого внутреннего возмущения самым фактом убийства беззащитной женщины, про которую он ничего плохого сказать не может и которая ему ничего не сделала! Только — страх покойников и нерасположение к виду крови заставили его подыскать себе сотоварища, который выполнил бы самый акт убийства. Эта моральная нечувствительность, то, что я называю моральной имбецильностью, выражена у него очень ясно. У него есть некоторая привязанность к матери, не настолько большая, однако, чтобы подумать о страданиях матери перед преступлением, но кое-какая любовь к матери есть; заметны и следы некоторой любви к сестрам, — и только. Более этот человек ни к кому симпатии не питает, ко всем остальным глубоко равнодушен. Интересно отметить еще яркой чертой проходящий через его жизнь расчетливый гедонизм. Он любит выпить, но на выпивку тратит лишь часть наличных сумм, потому что иначе потом не на что будет выпить, да и вообще все тратить нельзя; и он воздерживается от третьей бутылки пива, хотя ему выпить хотелось. Он не прочь вступать в половые сношения с женщинами, но лучше с разными, в связи мимолетные, не заводя продолжительных отношений, «а то еще привяжется». Он очень любит поиграть в картишки—21, но раз сильно проигрался, проиграл сапоги и перестал играть, придя к такому выводу о карточной игре: «последний человек, — кто в карты играет, все проигрывают»… И эта расчетливость проявляется во всех его суждениях. Он осуждает кражу потому лишь, что сидеть в тюрьме неприятно. Украсть все же лучше, по его мнению, чем убить: у человека взяли вещи — он может еще нажить, а у убитого жизнь отнимают. Таков первый убийца этой кровавой драмы.

Его соучастник — Иван Д. несколько моложе его, ему 19 лет, в лице у него есть что-то детское. На руке, между большим и указательным пальцем, татуировка: якорь. Родители его — крестьяне и занимаются крестьянским хозяйством. Кроме него, у родителей есть еще один сын 14 лет. Таким образом, семья их состоит из 4 человек. Отец его — человек тихий и мало пьющий; с матерью он почти не ссорился и не дрался, выпивал лишь иногда по праздникам, детей бил мало, только иногда стегал Ивана ремнем и всегда за дело. Иван также человек тихий; говорит, что обижать ему никого, сколько помнит, не приходилось. Он окончил сельскую школу и после этого еще год пробыл в училище в г. Михайлове; дальнейшему учению воспрепятствовал недостаток средств. Память у него хорошая, учился он недурно; особенно его интересовала русская история. К родителям Иван относится почтительно и отношения у него с ними хорошие. В 1919 году, он, из-за пайка, поступил добровольцем в армию, побывал на войне, в атаках не участвовал, но в перестрелке бывал много раз, причем в кого стрелял — не видел, «в прицел не брал», а стрелял, потому что приказывали. В 1920 году болел тифом и дизентерией, теперь здоров.

Пить он пил всего несколько раз. Водки не пил; раз, выпив самогонки, был совсем пьян. «Пристрастия, по его выражению, к алкоголю не имеет». Умственных интересов, как и у его соучастника, у него нет никаких. Читать не любит; «романов не обожает», потому что в них все пишут про женщин, а он — женофоб. Желает читать «про планету»… Половое влечение у него по временам к женщинам бывает, но это не мешает ему, в общем, их «ненавидеть», и в этой ненависти есть что-то ребячеeко-мальчишеское. Признаков склонности к гомосексуализму незаметно. Сильно побаивается, как бы родители его не женили, а из воли их он выйти не решится. Отчасти поэтому он не желает ехать в деревню и долго оставаться там. 26 августа 1923 года он уехал в Москву работать, поступил на железнодорожную ветку и работал вместе с Григорием Н. Отец писал ему из деревни, что прослышал, будто сыну плохо живется в городе, и, если это так, то пусть приезжает домой и, во всяком случае, «избегает плохих людей». «Не подчинился я, дурашливая башка», — говорит про себя Иван. «Дело такое вышло, недели 3 как уволили, деньги прожил, а тут

Гришка говорит: у Хряпиной 12 червонцев, давай убьем»… Он сознается, что у него были знакомые, у которых он мог на дорогу занять. Знакомые говорили ему, что верстах в 70 от Москвы можно было бы место получить. Думал и домой поехать, и решил поехать на Рождество, но и не хотелось ему временами ехать: «что делать в деревне зимой»? Побаивался, что и женить его родители могут. На преступление его пригласил Григорий И., который будто бы раньше предлагал ему стащить пишущую машину у инженера, но он на это не согласился. Однако на данное убийство он согласился сразу, без борьбы и колебаний. Когда тот сказал: «у Хряпина 12 червонцев есть, давай, убьем Хряпину»… он сразу согласился, и они вместе в общих чертах наметили план убийства. В условленное время он зашел к Григорию Н., который в то время спал пьяный, разбудил его и, чтобы отвести глаза присутствовавшим жильцам казармы, сказал: «поедем, Гриша, в Москву». Тот понял намек, встал и они пошли. Во время беседы с Хряпиной у него мелькала мысль уйти бы, «провались они, червонцы», но он не шел, и когда Григорий набросил на Хряпину пиджак и сказал ему: «ну, действуй», он быстро нанес ей не то два, не то три удара. Всю обстановку происшествия, фигуру и позу убитой хорошо разглядел и помнит, как она перешла на печку, что на ней был белый платок, помнит ее лицо, помнит, что она была старая. О преступлении вспоминает без особых усилий, но с неприятным чувством. К убитой он относится и относился безразлично, почти не знал ее, видел всего один раз и то издали. Покойников он не боится, кровь особенного впечатления на него не производит; после нанесенных им ударов крови не заметил, сейчас же принялся тащить имущество, при чем во все время убийства волновался, —«как на ходенях ходил», — набрал имущества и негодного, напр., взял два сапога от разных пар, один хромовый, другой — какой-то старый. О своем преступлении он плохого мнения, потому что оно — «позорный поступок». «Теперь себя замарал. Обо мне, — говорит он, — вся деревня отнесется: тихий мальчик». «А теперь будут говорить: разбойник, каторжник». «Теперь мне веры не будет». Украсть, по его мнению, менее позорно, гораздо лучше; украсть у Хряпина червонцы он бы согласен, а убивать не следовало, — позорное дело: «по этому преступлению, говорит он, согласно закона, бить надо». «Должен нести наказание, так как сделал позорный поступок».

Не трудно заметить, что все указанные разновидности импульсивного типа близки друг к другу и часто переплетаются в том смысле, что у одного и того же субъекта мы наблюдаем склонности, характерные для разных разновидностей. В таком случае его, приходится относить к той разновидности, черты которой у него выражены резче всего. Различение этих разновидностей и отнесение субъекта к той или иной из них имеет, однако, несомненное значение, так как фиксирует внимание на тех, именно, элементах конституции личности, которые имеют наибольшее криминогенное значение.

VII.

Перехожу теперь ко второму основному типу импульсивных преступников, к тем, у которых сложилась уже склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от трудовой жизни и приспособленному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. У этих преступников представление известного образа жизни, с его особыми требованиями, выступает как особая мотивирующая сила, подкрепляющая их предрасположение к преступлению и распространяющая его на все те поступки, которыми поддерживается данный образ жизни. У преступников этого второго типа мы встречаем те же склонности, что и у описанных выше разновидностей, но подкрепленные большею или.меньшею привязанностью к нетрудовому образу жизни. При этом у них чаще встречается совмещение у одного субъекта характерных свойств отдельных разновидностей импульсивного типа с преобладанием тех или иных из них.

В пределах этого второго типа импульсивных преступников я различаю две разновидности: 1) лиц с наметившейся декларацией и 2) деклассированных. Процесс деклассации первых еще не закончился, а только наметился и идет; они не порвали еще окончательно с нормальным, трудовым существованием и, так сказать, одной ногой стоят на трудовом пути, но не сегодня, так завтра они окончательно порвут с ним. У носителей второй разновидности процесс деклассации уже закончился. Но и начало деклассации практически очень важно отметить. К лицам с наметившейся и закончившейся декларацией принадлежит громадное большинство импульсивных криминолоидов и профессионалов. В пределах каждого из этих видовых типов надо различать еще моральных дегенератов от лиц лишь с чертами морального недоразвития, алкоголиков, эпилептиков, истериков, вообще невропатов — от не алкоголиков и людей, вполне здоровых в нервном отношении. Затем, не лишено интереса отметить, что именно особенно привлекает субъекта в нетрудовом, паразитарном образе жизни: возможность ли неограниченных половых удовольствий и излишеств, злоупотребление наркотиком, алкоголизм, кокаинизм и т. п., или просто беззаботное прозябание изо дня в день, без какой-либо дисциплины и труда, с возможностью предаваться лени, азартным играм и т. д. Сначала остановлюсь на преступниках с наметившейся деклассацией, но все-таки еще кое-чем привязанных к трудовой жизни. Вот один из примеров этого рода состояния.

Влас Васильевич Б., 23 лет, и Николай Николаевич Д., 22 лет, познакомились на вокзале и уговорились вместе напасть на сторожку около станции Бескудниково, Савеловской железной дороги. В сторожке в это время находилась одна гражданка Люляева. Придя к ней часов в 12 дня, 9 октября 1923 года, наши молодцы сначала попросили у нее хлеба, а затем, получив отказ, повалили ее на пол и стали душить. Один из бандитов ударил Люляеву несколько раз стоявшим рядом колуном и нанес ей 5 тяжелых ран, от которых она тут же потеряла сознание. Затем, бандиты собрали находившееся в сторожке имущество в принесенный с собою мешок и пытались скрыться. Но один из них — Д. — был задержан погнавшимся за ним братом потерпевшей и несколькими работавшими в поле крестьянами. Б. успел скрыться, но вскоре был задержан в Москве. В преступлении оба сознались и подвергнуты в наказание за него заключению на 4 года каждый с поражением прав на 3 года.

Оба героя этой драмы — русские и имеют по одной судимости за кражи. Оба — холосты. Оба не знают никакого ремесла и не имели постоянной работы, а пробивались случайным, поденным заработком на железной дороге, разгружая вагоны, нося пассажирам вещи и т. д. В день преступления Б. стоял утром на вокзале и ждал прихода пассажирского поезда. К нему подошел Д., заговорил с ним и предложил пойти украсть или ограбить, говоря, что «так больше выработаем». Оба они в данный момент были трезвы. Кокаина не нюхает ни тот, ни другой. Д. утверждает также, что он и не пьет ничего никогда. Б. признается, что пьет, но не сильно, «так себе» и редко. Д. играл более активную роль в преступлении: он повел Б. в сторожку, он и наносил Люляевой удары колуном.

Николай Д. происходит из бедной крестьянской семьи, которая жила в Слонимском уезде, Гродненской губернии, занимаясь крестьянским хозяйством. Отец, кроме того, прирабатывал на заводе в качестве чернорабочего. Детей в семье было трое. У Николая два брата, из которых один — старше, а другой — моложе его. Отец его пил мало и редко, с женой не дрался, детей бил, но редко и только «за дело». Характер у отца — злой и раздражительный. Несмотря на это, семья жила довольно дружно и особого разлада в ней не было. В 1915 году ей пришлось, при отступлении русской армии, бежать, и она переселилась в Гомель. Здесь, верстах в 50 от города, отец получил участочек земли и кое-как устроился; хотя и бедно жили, но имели свою лошадь, корову, телку и несколько овец. Николай и его младший брат попали на казенный счет в гимназию, но проучились там очень недолго. Николай утверждает, что дошел в гомельской гимназии до 5 класса, но при проверке его знаний оказалось такое полное отсутствие всяких следов гимназического образования, незнание даже названий предметов, которые он должен был изучать в третьем или четвертом классе, что в лживости его уверения, будто он прошел 4 класса гимназии, не остается, ни малейшего сомнения. Его образовательный уровень очень низок, он очень малограмотен. Учился, по собственному признанию, неважно. Умственных интересов не имеет никаких; из литературы кое-что читал в тюрьме: русские сказки, некоторые рассказы Гоголя и Тургенева. Умственно он развит мало, его мышление работает медленно и вяло, с эмоциональной окраской злобного характера. Он — зол, раздражителен, мстителен и жесток, склонен к выражению раздражения в насильственных формах, по-видимому, притом, самолюбив, довольно хитер и очень лжив; в разговоре часто противоречит себе. Его узкое лицо, со злыми, серыми глазами, с небольшим, несколько вздернутым вверх носом, бледное и довольно угрюмое, производит неприятное, отталкивающее впечатление. Покончив с школьными занятиями, которые его нисколько не привлекали, он одно время торговал папиросами и газетами, а в 1918 году, по уговору старшего брата, поступил добровольцем в армию, сражался в Сибири против Колчака, под Петроградом — против Юденича, участвовал в усмирении Кронштадтского бунта, в боях против Антонова и против Врангеля. На фронте пробыл около 4 лет, в боях участвовал часто, участвовал не раз и в штыковых атаках. Сначала бывало страшно, бывали случаи, что он убегал с линии, но потом привык. Бывали случаи, что он добивал раненых. Об одном таком случае он вспоминает не без удовольствия: один раненый поляк долго отстреливался ручными гранатами и Д., сильно разозлившись, с удовольствием его приколол штыком, при чем находит, что процесс втыкания штыка в тело малозаметен и что убить человека вообще ничего не стоит, однако «у всякого есть жалость» и у него, — как у других. За время своей военной службы Д. болел малярией, дважды был ранен пулями, один раз в голень, другой — в бедро и однажды — сильно контужен под Кронштадтом. После этой контузии он вылежал более 2 месяцев и стал страдать эпилептическими припадками. О военной службе он, в общем сохранил недурное воспоминание, только к виду крови он привыкнуть не мог, и она на него всегда производила неприятное впечатление. Его товарищ по преступлению — Б. — рисует его как человека очень злого и рассказывает, что он бил Люляеву топором с большим ожесточением, «даже зубами скрипел». В его прошлом есть один условный приговор к шестимесячному заключению за кражу, в 1922 г., один привод за дезертирство в 1923 году и приговор за дезертирство к 6 месяцам лишения свободы в 1923 году. По поводу истории этих преступлений он дает какие-то путанные и противоречивые объяснения, из которых ясно только одно: в 1922 году он украл у кого-то белье, его догнали, избили и арестовали; его дезертирство также не было случайным опозданием из отпуска, как он хочет представить, а было сознательным уклонением от военной службы. Он производит впечатление человека опустившегося и совершенно облениившегося, отбившегося от своей семьи, которая, по-видимому, порвала с ним всякую связь, безнадежно махнув на него рукой; да и он о семье мало вспоминает. Центральным признаком его является склонность к выражению злобного раздражения в насильственных формах и к бесшабашной жизни, без плана и регулярного труда, со скитанием по улицам и притонам большого города, с удовлетворением своих органических потребностей то путем милостыни, то путем недлительной и неутомительной случайной работы, в роде носки пассажирских вещей, то путем преступления. Он совершил лишь одно бандитское нападение с убийством Люляевой, но в нем чувствуется уже профессионал-бандит, рождающийся из криминолоида. Самое пребывание его в Москве имеет, в сущности, лишь одно основание: желание пых формах, повидимому, притом, самолюбив, довольно хитер и очень лжив; в разговоре часто противоречит себе. Его узкое лицо, со злыми, серыми глазами, с небольшим, несколько вздернутым вверх носом, бледное и довольно угрюмое, производит неприятное, отталкивающее впечатление. Покончив с школьными занятиями, которые его нисколько не привлекали, он одно время торговал папиросами и газетами, а в 1918 году, по уговору старшего брата, поступил добровольцем в армию, сражался в Сибири против Колчака, под Петроградом — против Юденича, участвовал в усмирении Кронштадтского бунта, в боях против Антонова и против Врангеля. На фронте пробыл около 4 лет, в боях участвовал часто, участвовал не раз и в штыковых атаках. Сначала бывало страшно, бывали случаи, что он убегал с линии, но потом привык. Бывали случаи, что он добивал раненых. Об одном таком случае он вспоминает не без удовольствия: один раненый поляк долго отстреливался ручными гранатами и Д., сильно разозлившись, с удовольствием его приколол штыком, при чем находит, что процесс втыкания штыка в тело малозаметен и что убить человека вообще ничего не стоит, однако «у всякого есть жалость» и у него, — как у других. За время своей военной службы Д. болел малярией, дважды был ранен пулями, один раз в голень, другой — в бедро и однажды — сильно контужен под Кронштадтом. После этой контузии он вылежал более 2 месяцев и стал страдать эпилептическими припадками. О военной службе он, в общем сохранил недурное воспоминание, только к виду крови он привыкнуть не мог, и она на него всегда производила неприятное впечатление. Его товарищ по преступлению — Б. — рисует его как человека очень злого и рассказывает, что он бил Люляеву топором с большим ожесточением, «даже зубами скрипел». В его прошлом есть один условный приговор к шестимесячному заключению за кражу, в 1922 г., один привод за дезертирство в 1923 году и приговор за дезертирство к 6 месяцам лишения свободы в 1923 году. По поводу истории этих преступлений он

дает какие-то путанные и противоречивые объяснения, из которых ясно только одно: в 1922 году он украл у кого-то белье, его догнали, избили и арестовали; его дезертирство также не было случайным опозданием из отпуска, как он хочет представить, а было сознательным уклонением от военной службы. Он производит впечатление человека опустившегося и совершенно облениившегося, отбившегося от своей семьи, которая, по-видимому, порвала с ним всякую связь, безнадежно махнув на него рукой; да и он о семье мало вспоминает. Центральным признаком его является склонность к выражению злобного раздражения в насильственных

формах и к бесшабашной жизни, без плана и регулярного труда, со скитанием по улицам и притонам большого города, с удовлетворением своих органических потребностей то путем милостыни, то путем недлительной и неутомительной случайной работы, в роде носки пассажирских вещей, то путем преступления. Он совершил лишь одно бандитское нападение с убийством Люляевой, но в нем чувствуется уже профессионал-бандит, рождающийся из криминолоида. Самое пребывание его в Москве имеет, в сущности, лишь одно основание: желание ютиться в притонах этого большого города незамеченным, изо дня в день, пробиваясь то преступлением, то милостыней, то случайным заработком. Он — нравственный имбецилл, приближающийся в состоянию полного нравственного вырождения. Он нравственно изуродован атмосферой войны, в которой протекала его юная жизнь. Он не имеет ни особого пристрастия к женскому полу, с женщинами имел лишь нечастые, мимолетные половые связи, не вступая ни с кем в сколько-нибудь продолжительное сожительство и никого не любя. У него нет любви к нарядам, хотя он не прочь иметь хороший костюм; но для добывания его особых усилий прилагать не станет. Он не особенно любит вечеринки, редко танцует, не любит карт. Более других развлечений ему нравятся кинематограф, и пойти поухаживать за женщинами, но и к этим развлечениям его не очень тянет, они кажутся ему лишь сравнительно более привлекательными. Убийство он осуждает, осуждает и свой поступок, но делает это холодно, без живого раскаяния, без сожаления об убитой женщине: его осуждение есть лишь слово, с которым в его эмоциональной сфере не связывается отражения, способного удерживать его от таких насильственных поступков. Он холоден, жесток и чувственно-эгоцентричен.

Его товарищ по преступлению — Влас Б. — несколько иного склада. История его жизни, в немногих словах, такова. Родители его — бедные крестьяне Харьковской губернии, Изюмского уезда. Отец его умер в 1912 году, мать — в 1918 году. Родители часто и сильно ссорились. Отец сильно пил и постоянно бил мать и детей, которых было 5 человек, три сына и две дочери. Влас не любил отца и имел тяжелое детство, из которого в его памяти сохранились тяжелая работа и постоянные побои. После смерти отца мать вторично вышла замуж, и Власу жилось гораздо лучше: материальное положение семьи улучшилось и постоянные побои прекратились. Отношения с отчимом до смерти матери были недурны, но, когда мать умерла, отчим прогнал его и братьев из дому. Учился Влас в сельской школе, ходить в нее не любил, ленился и обладал плохою памятью; мать часто прогоняла его в школу, но он не всегда ее слушал. Умственных интересов у него нет никаких, читать не любит. После того, как отчим выгнал его из дому, Б. поступил в сельские рабочие. В 1919 году «белые» взяли его к себе с повозкою в обоз, затем увезли в Крым, а после эвакуировали в Турцию. Из Турции он попал во Францию, поступил в «иностранный легион» и был отправлен в Африку, а оттуда — в Сирию. За полуторагодичную службу в легионе Б. скопил порядочно денег и мечтал на них, по возвращении домой, купить земли и завести хорошее хозяйство. Надо заметить, что в 3 легионе он служил хорошо и за усердную службу получил нашивки. Однако стремление на родину заставило его бежать, и он, вместе с 15 другими товарищами разных, национальностей, с солидной суммой золотых монет, с золотыми часами и с некоторыми другими вещами пустился в бегство. Дорогой их дочиста ограбили арабы. Оставшись без ничего, он с большим трудом добрался до Турции, а оттуда — в Батум. Здесь он попал в тюрьму, как белогвардеец, а затем был отправлен в Нижний— Новгород. Отбыв 6 месяцев заключения, он кое-как дотащился до Москвы и здесь находил себе кое-какую работу на железной дороге — грузил и разгружал вагоны, носил пассажирам вещи, а иногда — нищенствовал, нередко — голодал. В 1923 году был осужден за кражу белья на 6 месяцев заключения. В злополучное утро 9 октября он стоял на вокзале и ждал прихода пассажирского поезда. К нему подошел Д. и предложил идти на грабеж. Он сперва возразил ему, а потом согласился, но никак не предполагал, что будет убийство. Первый бросился на Люляеву Д., стал ее душить и велел Б. держать ее. Люляева отбивалась и кричала «караул». Неожиданно Д. схватил топор и стал наносить удары. Б. категорически осуждает убийство. Ему не приходилось даже скотину убивать. Никакая нужда, по его мнению, оправдать убийства не может. На фронте он не был, раненых, и крови не видел. По природе он человек не злой, добродушный, не злопамятный, сдержанный, никогда не дрался и храбростью не отличается. Во время преступления сильно волновался и испугался. Один такого преступления он никак совершить бы не мог. Из других черт его характера заслуживает упоминания его любовь к красивым нарядам, особенное внимание, как на часть туалета, он обращает на сапоги. Вечеринок, карт и ухаживания за женщинами не любит; имел лишь мимолетные связи с проститутками и то редко. Не прочь выпить в трактире, но, по недостатку средств, позволял это себе редко. Что касается видов на будущее, то желает уехать на родину, в Харьковскую губернию, и там, при поддержке двоюродных братьев, завести свое крестьянское хозяйство. «Умру, — говорит он, — а больше воровать не буду». Сравнивая его с Д. и принимая во внимание, что он не воспользовался возможностью добраться на родину так же, как он добрался до Москвы, вспоминая его судимость за кражу, его следует признать импульсивным кри-минолоидом со склонностью к бесшабашной жизни и к хищническому добыванию средств для нее.

Вот еще один представитель той же разновидности, но у него к упомянутым склонностям присоединилась склонность к наркотикам.

Иван Васильевич Г., 32 лет, русский, из мещан Сергиевского посада. Его отец — фельдшер — пил запоем и страдал туберкулезом. Мать — эпилептичка. Семья жила бедно на небольшое жалованье отца. Из 9 человек детей 2 умерло в раннем детстве, а 3 — взрослыми, причем один из них от оспы, 1 — от туберкулеза и 1 покончил самоубийством. Иван Васильевич учился в Сергиевской гимназии и, дойдя до 6 класса, оставил ее из-за недостатка средств, пытался сдать при округе экзамен на городского учителя, за 6 классов гимназии, но провалился. Оставив ученье, он поступил на фабрику Келлера конторщиком и одновременно стал учиться на бухгалтерских курсах, которые и кончил. Но устроиться на бухгалтерскую службу ему не удалось, а места у Келлера он лишился, вероятно, потому, что стал сильно пить. Еще 14 лет он потихоньку начал таскать из аптеки спирт, а во время службы у Келлера пил уже сильно. Лишившись места, он до 1913 года жил уроками, а в этом году был призван на военную службу. С 1914 года по 1916 год он был на фронте, но работал, главным образом, в канцелярии артиллерийской бригады. Военная служба оставила у него хорошее впечатление: сначала немного жутко, «а потом чувство притупляется». В 1916 году он получил контузию, в результате которой 3 недели не говорил, потерял ряд зубов, и у него некоторое время было трясение головы и припадки эпилептического характера; все это впоследствии прошло, повторяются только головокружения, но без потери сознания. После контузии он был направлен в Бобруйск в качестве чиновника военного ведомства. При Керенском он был выбран командиром рабочего батальона, который вскоре был расформирован. После октябрьской революции у него начинается бесконечная смена мест: он служил в штабе военного округа в Москве, в земском и городском союзе в 1918 году, в городском совете народного хозяйства, а в 1919 году поступил добровольцем в Красную армию, служил в полевом штабе и в центровоентруд комиссии. В октябре 1921 года был демобилизован и поступил на службу в наркомпрод. К этому времени относится его первая судимость: он зашел как-то на службу к брату, который поручил ему вынести с места службы партию резиновых подошв. За это он был приговорен тогда к 3 месяцам принудительных работ. Нужды он в это время никакой не знал. Еще в 1918 году он женился, и жена его, работая в качестве парикмахера, хорошо зарабатывала. Его семейная жизнь продолжалась с 1918 по 1922 год, когда жена с ним развелась, по его словам, из-за тещи, с которой он не ладил, и по материальным соображениям. После развода с женой он запил горькую и пил все время. С женщинами он сходился мало, а сейчас половой потребности не чувствует и считает себя совершенно бессильным прежде же обладал средней половой силой. Начал вступать в связи с женщинами с 15 лет и считает, что всегда был в половом отношении человеком сдержанным, особой пылкости не обнаруживал. Жену он любил и любит до сих пор. Говорит, что за время семейной жизни он избегал даже наркотиков, к которым пристрастился раньше, — алкоголя, кокаина и морфия. Больше всего ему нравится алкоголь. От кокаина у него наступало удрученное состояние, и появлялась даже мания преследования; под влиянием кокаина он избегал женщин и становился, по его выражению, как бы деревянным. Кокаин он начал употреблять потому, что в то время нельзя было достать алкоголя. От кокаина он старался отучить себя при помощи морфия, который действовал на него, напротив, возбуждающе. После развода с женой он окончательно предался пьянству. В последнее время — в 1923 году — он служил в Подосинках делопроизводителем в авиационной части и постоянно пил и на свой, и на чужой счет… С упразднением должности лишился места. После этого у него бывали лишь на короткий срок места переписчика и случайный заработок на железной дороге, по нагрузке и разгрузке вагонов. Случалось день-другой и голодать. Однако, кокаина он не бросал. Ночуя в Ермаковском ночлежном доме, он всегда доставал там кокаин, даже без денег; поэтому его и тянуло туда. Там он познакомился и с соучастником своего последнего преступления К., который несколько раз говорил: «хоть бы придушить кого-нибудь, только бы достать денег». Под влиянием этих разговоров и у него стала вертеться в голове мысль о преступлении. По обсуждении этой мысли он «предпочел аферу, как способ более чистый и безопасный». Ему вспомнилась одна дальняя родственница жены брата— Телицына, — о которой он знал, что муж ее умер, а сын за границей служит в иностранном легионе. Старушка жила одна в Сергиеве и по соображениям Г-на должна была иметь много ценностей и денег. Он решил выманить у нее деньги следующим образом: написал подложное письмо от ее сына, и, основываясь на этом письме, хотел просить у старухи денег для сына, якобы вернувшегося из-за границы и находящегося в Ташкенте в ожидании денег. Убийства не предполагалось. Но возможность открытого нападения, в случае неудачи с письмом, предполагалась; иначе незачем было брать с собой К. Это подтверждается и ответом Г-на на вопрос: «а что если бы ему не была известна Телицына?» Он ответил: — «Масса таких старичков и старушек, которые сами сидят и другим ничего не дают». Телицына была богата, «у нее еще человек на 50 хватило бы», так что колебаний у него не было. Только уже в доме у нее появились колебания, показалось как будто неблагородно, да перспектива остаться снова ни с чем одержала верх. Иван Г. выдал себя старухе за белого офицера, а К. представил как общего денщика — его и

Телицына. Старуха, прочитав письмо, в котором якобы ее сын просил оказать полное доверие подателям этого письма, впустила их, не узнав подделки. Она поставила самовар и напоила их чаем, но, когда речь зашла о деньгах, у нее, по словам Г., повидимому, закралось подозрение, и она объявила, что денег у нее нет. Тогда Г. бросил свою, роль и сказал, что если она сама не даст, то он все равно возьмет, а так как она продолжала отказываться, то Г. связал ей: руки и платком завязал рот; оставив К. сторожить (дело происходило в кухне), он сам пошел в комнаты разыскивать ценности. Ему представлялось, что должна быть какая-то шкатулка с деньгами и драгоценностями. Поиски оказались тщетными, и он вернулся в кухню, где увидел задушенную К. Телицыну. Это было для него, по его словам, полной неожиданностью, так что он «обалдел». На самом же деле, как указано в приговоре, они оба бросились на Т., повалили ее, и связал Г — руки, а К. — заткнул рот платком. Затем он предложил К., чтобы пустыми не возвращаться, захватить шелка. Шелка взяли в 3 мешках червонцев на 130 —150. Шелк был старинной выработки. Уехать же в Москву им не удалось; они опоздали к поезду. На станции Сергиево агент обратил на них внимание и их арестовали. Особенно Г. не волновался, даже когда забрали. «Я сознаю, — говорил он, — что это, конечно, очень подлое дело, но если все детально разобрать, что побудило меня к этому, то много можно найти смягчающих обстоятельств», и он в преувеличенных чертах описывал свою нужду: ходил без подметок, ноги почти отморозил, голодал, денег совсем не было, последнюю гимнастерку продал, на самом же деле у него была и ватная верхняя куртка. Брату стеснялся на шею сесть, у него у самого случайный заработок был. «Когда увидел убитую, — рассказывает он, — неприятное чувство было. Все-таки есть разница между убийством на войне и здесь». «Там все о смерти помышляют и являешься подневольным убийцей, а здесь мирный .человек и не думает о смерти». «Лично бы не стал убивать». О совершенном преступлении Г. старается не думать. Раскаяния у него не видно. «Мне не старуху жалко», — говорит он. «Убить нехорошо, но раз убийство произошло случайно, то я не накладываю на себя особенной вины. Сына Телицыной жаль». «Если он вернется, то окажется ни с чем, так как все имущество поступило в Собес, а старуха отжила свое». В будущем Г. думает уехать в Ташкент, где у него есть знакомые, и там устроиться на службу. За время сидения в тюрьме надеется отвыкнуть от наркотических средств, в чем можно усомниться, а это-то и помешает ему вести нормальный образ жизни. Раньше не хотел уезжать из Москвы, так как надеялся снова сойтись с женой. Нельзя отрицать, что Г. действительно нуждался в период совершения преступления, но все же братья не порвали с ним, и, как это ни тяжело, он мог бы найти у них временную поддержку. В Ермаковский дом его тянула страсть к вину и кокаину. Случайно брошенная фраза К.: «придушить бы кого-нибудь и взять денег» не встретила в его душе никакого протеста. Он развивает эту мысль, «отстраняя только, по его словам, убийство», потому что «афера чище и безопаснее». Он, несомненно, импульсивный криминолоид с чертами алкогольной дегенерации.

Процесс деклассации еще не совсем закончился и у Василия Терентьевича Петрова, 52 лет, жившего в Москве под фамилией Комарова и представлявшего собой в высшей степени яркий тип импульсивного убийцы-профессионала и, вместе с тем, алкоголика-дегенерата, морального идиота. Он прожил в Москве 2 года и за это время совершил свыше 30 убийств; сам он, в разговоре со мной, признавал себя виновным в 27 убийствах. В среднем, по его мнению, приходилось одно убийство в неделю; бывало, что и по 2 — 3 недели он воздерживался, потому что не представлялось подходящего случая. Первое преступление он совершил в конце февраля или в начале марта 1921 года, а второе— месяца через 2, Начиная с 13 марта 1921 г. в уголовный розыск стали поступать сведения о найденных — то на пустыре Конного переулка, то на берегу Москвы-реки, то в подвале одного дома, на дворе и на огороде — мешках с трупами, связанными одинаковым образом. Постепенно раскрылись десятки его убийств. Сам он точного числа их не знает, и, в минуту откровенности, на вопрос о числе убитых им людей, говорил: «да, хрен их знает, нешто я их считал и записывал, ищи в Москве-реке» и при этом заливался своим беззубым, злобным смешком. Техника всех его преступлений была очень проста. Он утром шел на конную площадь, толкался среди покупателей, присматривался к ним, выбирал «провинциала», т.е. не московского жителя, а приехавшего из провинции и приискивавшего себе по сходной цене лошадь. Комаров подробно и с большой аффектацией рассказывал мне и моим ассистентам, по каким признакам он узнавал провинциала, как с помощью разных провокаторских вопросов он убеждался в том, что данный провинциал, действительно, желает и ищет купить лошадь. Выдавая себя за служащего, он говорил такому провинциалу, что может ему доставить по такой-то сходной цене казенную лошадь, вел его к себе на квартиру и там убивал. Его рассказ о том, как он заманивал к себе, свидетельствует о том что, несмотря на видимую простоватость и даже бестолковость, он — человек хитрый, понимающий психологию простого человека, знающий, как быстро залезть в его душу и завоевать его доверие. С одним он, бывало, поругает современные порядки, другому — особенно распишет доверие, которым он пользуется на службе, третьему расскажет о каких-либо вымышленных злоключениях своей жизни, как раз таких же, которыми недоволен его новый знакомый и на которые тот жалуется, и т. д. И все это с необыкновенным простодушием, сопровождая свою речь, горячей жестикуляцией и увеличивая ее красноречие кучей площадных ругательств, столь привычных уху простого русского человека. В результате в короткое время он становился чуть не приятелем своего нового знакомого и зазывал его к себе на квартиру, чтобы «кончить дело» или посвободнее о нем поговорить. Нередко перед этим он заходил со своим новым знакомым в чайную или трактир, выпить с ним самогонки, даже выпивал иной раз на его счет, а затем вел его к себе на квартиру. Приходили обыкновенно часов около трех дня. Здесь уже готова была закуска, иногда колбаска или что-либо подобное, самоварчик и т. д. Посетитель с хозяином усаживались и начиналась беседа, иногда довольно продолжительная, в течение 2 — 4 часов, при чем и гость и хозяин выпивали. На вопрос, а как бывало, если гость не пьет, Комаров отвечал: «а не пьет, дело быстрее пойдет»… Затем, когда, как он говорил, требовала его «алкогольная температура», он поднимался, отходил в сторону, незаметно брал приготовленный заранее очень тяжелый молоток и, приблизившись к ничего не подозревавшему гостю сбоку, наносил ему сильный удар в переносицу или в висок, второй удар наносился обыкновенно ошеломленному гостю из-под подбородка и иногда с такой силой, что лицевой скелет значительно сплющивался. Большею частью жертвы не успевали оказывать сопротивления. Но был один случай, по рассказу Комарова, когда получивший от него удар гость вступил с ним в борьбу, и Комарову пришлось долго с ним возиться, пока он его не одолел. После одного-двух ошеломляющих ударов, Комаров набрасывал на шею жертвы петлю и туго затягивал ее, чтобы уменьшить кровотечение и устранить всякое сомнение, не осталась ли жертва жива. Из убитого он старался выпустить как можно более крови, чтобы труп менее пачкал мешок и был легче. Кровь сначала выпускал на рогожи, но потом приспособил для этого особое оцинкованное корыто, а то расход на рогожи стал уж очень велик. Голова трупа обматывалась тряпками, чтобы кровь не просачивалась чрез мешок. Труп Комаров связывал особым образом: сначала руки назад, а затем притягивал ноги к животу. По однообразному способу связывания агенты розыска впоследствии узнавали, убиты ли найденные в мешках трупы Комаровым или кем другим. Связанный труп запихивался Комаровым в мешок от овса, который он предварительно для этого подшивал и делал шире. Упакованный труп сначала прятался в маленький чуланчик, который был внутри квартиры Комарова, при переходе из комнаты в кухню, а ночью вывозился и закапывался или сбрасывался под откос на набережной.

Не всегда сразу удавалось Комарову найти среди покупателей подходящую жертву. «Иногда и день, и два, и более проходишь», — говорил он, — пока найдешь такого. О жертвах своих Комаров отзывался презрительно, как о простофилях-дураках, без всякой жалости. На вопрос, помнит ли он лица убитых, Комаров отвечал утвердительно, но никаких кошмарных снов или тревоживших его видений он, по его словам, никогда не видел. Убийства приходились обыкновенно на среду или пятницу, в дни конных ярмарок, а в четверг и субботу иногда Комаров ходил в церковь отмаливать грех. «В среду согрешишь, в четверг — помолишься, греха и нет». Внешняя, наружная набожность у него сохранилась, хотя свою веру он считал сильно поколебленной. Интересно, что он ссылался на то, что на него действовала будто бы неблагоприятная атмосфера, в которой он находился в последние годы: «все чертями стали, ну и я чертом стал» — говорил он. Немногие, зайдя к Комарову на квартиру в качестве покупателей лошадей, выходили оттуда живыми: был один-два случая, не более, когда слишком быстро покупатели ушли, да еще один или двое в комнату не пошли, а предлагали купить и расплатиться на дворе. Особенно недоволен был Комаров девушкой лет 16 — Лопатиной, — единственной женщиной, убитой им: «брата убил, а деньги-то у нее»… «не идет в комнату, насилу затащил». Он был очень недоволен тем, что она двойную работу дала: вместо одного трупа пришлось вывозить два. Свои убийства Комаров совершал по склонности пьянствовать в компании и по склонности к насилию. На указание, что он имел возможность получить деньги на выпивку и без убийства, как извозчик, он ответил: «я уже и сам не знаю, хотелось попьянствовать». А в другой раз сказал: «пришло такое меланхольное дело и запутался». «Если бы я один пил, а то в компании». На вопрос, волновался ли он во время убийства, он, махнув рукой, со смешком ответил: «я спокойно, чего там!». Однако есть указания, что после убийства возбуждение у него проходило, не сразу и сопровождалось головной болью. На это он и сам указывал, и его жена, которая, возвращаясь, когда убийство уже было кончено, заставала мужа в возбуждении ходящим по комнате. Никакими душевными или нервными болезнями Комаров до самого последнего времени не страдал. Болел тифом. В молодости была венерическая болезнь, по его словам, мягкий шанкр. Теперь жаловался на грыжу и на то, что по утрам у него иногда бывает головокружение и, затем, бывает удушье от того, что сердце не в порядке. На вид, он — человек здоровый и сильный, поднимает пудов до 5, а в молодости — до 8 — 10; роста — среднего, с окладистой с проседью бородкой, с морщинистым, простоватым лицом, с карими глазами. Часто морщит брови. В некоторые моменты лицо, особенно глаза, принимают у него злое выражение. Внешним видом своим он напоминает ночного сторожа, дядьку какого-либо учреждения или что-либо подобное. Человек — довольно веселый. Много говорит, с юмором, прибаутками и площадною бранью. Сильно жестикулирует. Отвечает осторожно, вспоминая, не сразу. Хорошо владеет собой. Не теряется. Когда нашли первые трупы его работы, он был в толпе, ничем не выдал своего присутствия и, говорят, даже сам принимал участие в выкапывании трупов. Раз его арестовали по какому-то подозрению, но потом выпустили, так как никаких против него говорящих доказательств не нашли. С видом оскорбленной невинности, он энергично протестовал против всяких падающих на него подозрений: «знать ничего не знаю, ведать не ведаю, работаю на бирже извозчиком, такими делами не занимаюсь» и т. д. Его отпустили. Был у него обыск по подозрению в изготовлении самогона, присудили его за самогонку на несколько месяцев условно, но никаких указаний на убийства у него не нашли. Да и в этот раз, — в мае 1923 г. — не нашли бы, приди немного позднее с обыском; тогда он сумел бы увезти труп. А то пришли и нашли запертый чулан. Потребовали ключи. Жена крикнула сидевшему у окна мужу: «Василий Терентьич, скажи верхним жильцам, чтобы дали»… Тот что-то крикнул, спрыгнул со второго этажа и убежал. Через 5 — 6 часов его арестовали в нескольких верстах от Москвы.

О прошлом этого выдающегося преступника мы знаем следующее. Он — родом из Витебской губернии, русский, из бедной крестьянской семьи. В семье их было 11 братьев и все пили. Жили не дружно и друг другом не интересовались. Василий Терентьевич давно потерял из виду своих братьев и ни с одним из них в дружеских отношениях не был. Ни он им, ни они ему никогда писем не писали: Его жена говорит, что за свои одиннадцать лет супружеской жизни она никогда не видела родственников мужа. О семье своей Василий Терентьевич вспоминал без теплого чувства, даже с раздражением и злобой. Не было у него, в частности, и к матери того теплого отношения, следы которого обыкновенно не трудно подметить даже у очень тяжких преступников. И у Котова, убившего 116 человек, во время беседы о его матери, заметны были следы, если не любви, то все же некоторого уважения и теплого отношения к памяти матери. Мать выделялась в его сознании из всей массы остальных людей. У Комарова я не только не заметил этого, но нашел даже довольно злобное отношение к матери. На вопрос, вспоминает ли он когда о матери, он прямо заявил: «а что она мне хорошего сделала, чтоб мне ее добром вспоминать». Вспоминает, что в детстве отец его сильно колачивал, да и от матери ему доставалось. По-видимому, живя в своей семье, Василии Терентьевич не встречал сердечного к себе отношения и большой ласки. Семья, состоявшая из пьяницы-отца, кучи детей и вечно рожавшей или беременной матери, жила, по-видимому, хотя и без особой гнетущей нужды, но бедно и недружно; внутри нее царили вечные раздоры, наложившие свою мрачную печать на характер Василия Терентьевича. Семье некогда было заботиться о его воспитании. Он остался безграмотным и никогда не учился никакому ремеслу. Алкогольная наследственность, личный алкоголизм и тяжелая атмосфера семьи сделали его крайне раздражительным и злобным человеком. Он никогда не знал чувства симпатии ни в одной из форм его выражения, ни в виде любви, ни в виде дружбы. Больших друзей, с которыми он был бы связан сердечной привязанностью, у него никогда не было. Были лишь приятели-собутыльники, которых он, по его словам, нередко угощал водкой и самогонкой, но к этим приятелям он относился очень легко, без особой привязанности, и полагал, что и они к нему относились так же. Угощал он их не из какой-либо симпатии или склонности сделать что-либо приятное другому, а бахвальства ради, чтобы, так сказать, себя показать: «чувствуй, мол, что могу угостить, и меня уважай». На вопрос, как он относился к гибели своих приятелей на войне, долго ли горевал о них, он, с некоторым даже раздражением, отвечал: «кой черт мне о них горевать, помер и все тут, и они обо мне не стали бы горевать».

Василий Терентьевич был дважды женат и недоволен обеими женами. Любви он не испытывал ни к одной, много-много у него было к ним похотливое влечение. С обеими женами он постоянно дрался. Детей также бил постоянно и ремнем, и веревкой, и пьяный, и трезвый. Семейная жизнь его жены представляла жуткую картину непрерывного деспотизма и избиений ее и детей вечно пьяным мужем.

Несколько раз Комаров был на военной службе: в первый раз он вернулся с нее в 1898 г., затем был взят на фронт в японскую войну, а в 1918 — 1919 г. пошел на войну, поступив в Красную армию добровольцем, по причинам, которых он не мог указать и о которых, поэтому, можно разве догадываться. Политических убеждений у него не было никаких, и, поэтому, не политическое сочувствие руководило им при поступлении в армию добровольцем, а что-то другое. Невольно является предположение, что его влекло туда желание постранствовать, а, может быть, и помародерствовать. Все указанные факты из жизни Комарова, с детства и до последнего времени, объясняют нам, как у него постепенно сложилась склонность не останавливаться перед применением насилия для удовлетворения своих чувственных потребностей. С давних пор у него развилась склонность к хищническому, нетрудовому приобретению имущества. В его прошлом есть судимость за кражу: когда ему было лет 40, он судился за кражу яблок. Затем, с 1921 г. по 16 апреля 1922 г. он служил возчиком в центроэваке и торговал фуфайками и другими вещами, похищенными со склада и переданными ему для продажи на условии 50% цены проданных вещей за комиссию. Таким образом, у него постепенно развилась и склонность к хищническому приобретению имущества. Вместе с этою склонностью сплелись в одно целое склонности к выпивке и насилию и образовали чрезвычайно сильное предрасположение, которое и выразилось в его чудовищных преступлениях. Алкоголизму Комаров обязан и своей импотенцией, и особым состоянием своего мышления. Он — не глуп и даже довольно хитер. Но его мышление отличалось своеобразной неустойчивостью. Его память и комбинаторная способность значительно понижены. События какими-то отрывками вставали в его памяти, при чем многое в этих событиях вспоминалось очень плохо и с большим трудом. Связь между событиями находилась им с большим трудом, а иногда не находилась вовсе или найденная быстро исчезала из сознания. Он по пальцам высчитывал года и нередко сбивался в счете. У него заметны юмор алкоголиков, большая болтливость и, вместе с тем, сбивчивость изложения и мысли под влиянием врывавшихся «боковых» ассоциаций, нарушавших общее течение мышления и рассказы запутывавших его мысль в мелочи, из сети которых она потом не могла выбраться. Начав рассказывать об известном факте, с ажитацией, с трехэтажными ругательствами и с видимым интересом к описываемому событию, он быстро сбивался в сторону других фактов, затронутых при описании первого факта и игравших роль, казалось бы второстепенных подробностей; подхватив какую-нибудь из последних, он скоро уходил в сторону и от нее и т. д. В результате получалась какая-то скачка мысли в сторону все новых фактов, свидетельствующая о неустойчивости внимания, о преобладании в мышлении ассоциаций по внешним признакам, об ослаблении связности мышления. Память на места, где он зарывал или бросал трупы, у него оказалась хорошая, вообще память на отдельные факты у него сохранилась, но память связи и последовательности событий сильно ослаблена.

VIII

Перейду к деклассированным импульсивным преступникам.

Федор Григорьевич Н., 21 года, русский, сын крестьянина Тамбовской губернии, Лебедянского уезда. На вид, это — крепкий молодой человек, с энергичным лицом, очень решительный и смелый. На вопросы отвечает бойко, отчеканивая каждое слово, нисколько не смущаясь и не задумываясь. Он участвовал в двух бандитских нападениях бандита Губина. Первый налет был учинен в мае, а второй — в июне 1923 года, оба — в Москве. За участие в этих делах он получил от Губина авансом 30 миллиардов рублей. Оба нападения были произведены в утренние часы. В первый раз они вторглись впятером с револьверами в квартиру, где оказалось человек 20 народа, загнали всех в одну комнату, перевязали и наорали всякого имущества червонцев на 200. Пробыли в квартире часа 4. Между прочим, во время грабежа, в квартиру пришли молочницы, которые также были ими задержаны. Вскоре после этого одну из них Федор Н. встретил на Чистопрудном бульваре, она его узнала, и они даже немного поговорили. Во время этого нападения Федор с револьвером в руках сторожил связанных людей и был совершенно спокоен. Роли распределял Губин. Награбленное затем продали и деньги разделили поровну. Второе нападение было в Грохольском переулке, часов в 9 утра. Когда вошли в квартиру, одна еврейка закричала, но Губин ее «успокоил» сильным ударом револьвера. Здесь также всех перевязали, чем попало. Пробыли в квартире часов до 3 дня. Имущество взяли все, какое только было возможно. Приготовлен был один извозчик, оказалось мало, и Федор поехал приискивать другого, вернулся к месту преступления, нагрузил на своего извозчика часть награбленного и поехал. Едва он успел отъехать, как услышал сзади крики, а затем выстрелы; тогда он повернул извозчика в другую сторону и скрылся. Впоследствии оказалось, что, когда Губин и другие соучастники стали грузить вещи на второго извозчика, то один из связанных потерпевших развязался и поднял в окно крик. Губин в него выстрелил, но на крик потерпевшего прибежали какие-то красноармейцы с винтовками, а позднее и агенты уголовного розыска, и началась перестрелка. Губин и один из его соучастников успели вскочить на извозчика и поехали к вокзалам. Около южного моста лошадь, на которой они ехали, была убита. Губин соскочил с пролетки, залег за тумбу и продолжал отстреливаться, чем дал время своему товарищу скрыться. Будучи ранен в живот, он все-таки пытался скрыться, а когда увидел, что ему это не удастся, застрелился. Кроме участия в описанных налетах, Федор Н. совершил еще несколько побегов: первые два раза он убежал по дороге, когда его вели к следователю; при этом он во второй раз засыпал сопровождавшему его милиционеру глаза табаком; третий раз он пытался бежать из таганской тюрьмы вместе с одним заключенным, через дымоход, но побег не удался. «Но сидеть я все равно не буду», откровенно заявляет он. То, что он сделал, он не считает преступлением, заслуживающим наказания, и сам себя считает отчаянным, на все способным человеком. «Таким меня сделал фронт», — заявляет он.

Знакомясь с историей его жизни, мы узнаем, что он с трехлетнего возраста живет в Москве. Отец его служил здесь артельщиком страхового общества «Якорь». Кроме Федора, в семье было еще двое детей: оба его брата моложе его. Отец Федора сильно пил и даже несколько раз болел от пьянства. Мать Федора не пила вовсе, Федор учился сначала в городской школе, а по окончании ее был отдан в коммерческое училище. В 1917 году умер от тифа его отец, и он, за неимением средств, прекратил ученье, вышел из 5-го класса коммерческого училища и поступил добровольцем в армию, «сочувствуя идее защиты революции». Сначала он был писарем в штабе, а с 1919 года перешел в строй и был назначен в армию Буденного, все время участвовал в боях и никакого страха не испытывал. В одном бою был контужен, после чего у него было нервное расстройство. В 1921 году он был демобилизован и начал заниматься торговлей: покупал в деревнях кур, муку и другие продукты и продавал в Москве. Торговал, между прочим, и самогонкой, как видно из того, что, зайдя к одному знакомому, он попал в засаду, причем при нем был обнаружен бидон с сильным запахом самогонки. К этому времени относится его встреча с Губиным, которого он знал по военной службе. Он рассказал Губину о своем незавидном материальном положении и получил от него приглашение участвовать в бандитском налете. Сначала он колебался, жаль было мать и братьев, которые пропадут, если его посадят, а потом согласился, — очевидно, личные интересы взяли верх над жалостью к семье. В результате он принял участие в описанных выше бандитских нападениях. Ему были нужны деньги. Он любит хорошо принарядиться, с женщинами погулять, в театр сходить. Пить он не пьет и кокаина не нюхает. Не прочь он и почитать, при чем читал наших классиков и некоторых иностранных писателей — Гете, Шиллера, а также философские сочинения — Ницше, Шопенгауэра, но ни с одним из них ни в чем не согласен. Вообще у него, по его признанию, странный характер: он ни с кем никогда не соглашается. Кроме того, он очень вспыльчив, задорен и самостоятелен. Моральной оценки своему поступку, при его совершении, не давал, об этом, вообще, не думал. Он не глупый, довольно хитрый и сообразительный человек. У него уже вполне сложилась склонность. нужные ему для удовлетворения его органических потребностей и развлечений средства приобретать нетрудовым образом, на чужой счет, не останавливаясь перед применением насилия в его крайних формах. Эта склонность и образует тот элемент его конституции, который, с точки зрения криминальной психологии, представляет наибольший интерес. Убийство он осуждает, но в тоже время откровенно заявляет, что при малейшем сопротивлении со стороны потерпевших он сейчас же, — не колеблясь, пустил бы в ход оружие. Он оставляет впечатление рассудочно-эгоцентрической натуры, человека отчаянного, способного на все. Интересно отметить у него крайне пониженную болевую чувствительность. За исключением некоторых частей его тела, например, левой стороны поясницы, у него наблюдается почти полная потеря чувствительности.

Не менее интересен другой бандит с вполне выкристаллизовавшейся конституцией профессионала.

Александр Б. — глава шайки, совершивший ряд бандитских налетов, 25 лет, из крестьян Московского уезда, Московской губернии, холостой, алкоголик, кокаинист, развратник, болевший всеми венерическими болезнями, сифилисом с 1920 года. Отец его — крестьянин, занимавшийся исключительно крестьянским хозяйством, также был сильным алкоголиком, человеком очень вспыльчивым и раздражительным. Несколько лет тому назад он умер от тифа. В виду малоземелья и невысокого качества земли семья Б. жила бедно. Воспитывался Александр у родителей до 17 лет; лето он проводил в деревне, а на зиму приезжал в Москву и здесь на средства фабрикантши Генки учился сначала в городском училище, а по окончании последнего — в среднем коммерческом; в последнем прошел 4 класса, кончить ему не удалось, потому что фабрикантша перестала помогать, а родная семья не имела средств. Учился Б. плохо, говорит «памяти не было», с трудом запоминал прочитанное. Объясняет он это отчасти тем, что в детстве ему ушибла голову лошадь, и ему делали операцию. В детстве у него бывали припадки, но точно описать их он не может, помнит только, что припадки случались редко; по-видимому, это были эпилептические припадки. На правом глазу у него бельмо. Половую жизнь он начал с 15 лет, при чем связи имел все время с проститутками. Сам признает, что допускал половые излишества и рекомендует себя как очень похотливого человека. У него 2 брата и 2 сестры, все моложе его. Одна из сестер — 16 лет — по его словам, «совершенно дефективная», и, судя по его рассказу, умственно отсталая.

Семнадцати лет, выйдя из коммерческого училища, Александр уехал в деревню и прожил там год, в течение которого, по его собственному выражению, «черпал знания» у одного родственника: знания эти носили, главным образом, политический характер. Затем он возвратился в Москву и здесь начался ряд его служб на разных местах: месяца четыре служил конторщиком у отца своего школьного товарища, но был уволен за вредное влияние на хозяйского сына, с которым устраивал попойки и кутежи. После этого целое лето занимался комиссионерством, продавал крючки для военных шинелей, которые покупал у кустарей. Осенью поступил счетоводом в кооператив служащих одной железной дороги и прослужил месяцев 6. Эту службу покинул вследствие романа с одной служившей там у женщиной, муж которой дал ем Публично пощечину. Оставив это место, он поступил счетоводом на завод «Проводник», но здесь его служба была прервана призывом на военную службу в 1917 году. Его отправили в гор. Бахмут в запасную часть. На фронте не был, в сражениях не участвовал, принимал участие лишь в усмирении бандитских шаек на юге. Октябрьская революция застигла его в госпитале в Смоленске. По выходе из госпиталя был демобилизован, вернулся в Москву, отсюда в свою деревню и, затем, занимал в уезде ряд должностей секретаря волисполкома, председателя комитета бедноты, секретаря народного суда, милиционера, агента уголовного розыска, помощника начальника уездного уголовного розыска и получил назначение начальником уголовного розыска Терской области, но здесь его служебная карьера прервалась. По дороге к новому месту службы он был арестован по обвинению во взяточничестве, затем освобожден, но вскоре, по новому доносу, опять арестован и подвергнут наказанию — заключению на 1 год в концентрационный лагерь за хулиганство и драку. С 1920 года началась бандитская Деятельность Б. Впрочем, она носила не исключительно бандитский характер. Он составил шайку, в которой было не мало его односельчан, и с нею в 1921 году напал на склад продовольствия санатории, находившейся недалеко от его деревни; В нападении принимало участие 8 человек, при чем, по свидетельству Б. и его соучастников, с ними заодно был сторож санатории, который просил их связать его по окончании грабежа. В это время Б. находился в той местности на службе. В этом же году ими была разграблена одна пустая дача, из которой они вывезли все находившееся там, в ящиках имущество, при чем их ждало большое разочарование: в одном самом тяжелом ящике оказались старые испорченные водопроводные принадлежности, а в другом — жестяные велосипедные номера. Но главные преступления шайки выпали на 1923 год, носили бандитский характер, редко происходили в уезде, большею, же частью в разных частях Москвы, главным образом, в центре. Обыкновенно налеты совершались по вторникам, — понедельник тяжелый день, — под вечер или вечером, до 12 часов ночи. На налеты Б. обыкновенно шел от проститутки и к проституткам же отправлялся часто после преступления. Своей квартиры у него не было, — нельзя было ее иметь, так как агенты уголовного розыска слишком хорошо знали и помнили его, — жил он или у товарищей, или ночевал у проституток. Дележ добычи производил Б. и, — по общему отзыву всех его соучастников, с которыми мне и моим помощникам пришлось беседовать, — львиную долю брал себе; бывали случаи, когда он им совсем или почти ничего не давал, уверяя их, что золотые вещи он отдал продать знакомому комиссионеру, а последнего арестовали, и т. п. Техника нападений была проста. Исполнением руководили Б. и Василий X., ближайший сотрудник Б. Сначала шайка нападала на склады и пустые дачи, а затем в 1922 — 1923 годах — на частные квартиры биржевых деятелей и спекулянтов. Работали всегда с «подводчиками», от которых получали некоторые предварительные сведения об обитателях квартир и о расположении комнат. Самый процесс налета был таков. Стучали в< дверь. В ответ на вопрос, кто стучит, заявляли, что пришли произвести обыск. Испуганные хозяева отворяли. Входило несколько человек: 4, 5, 6 — 7, в некоторых случаях лишь 2. Двое оставались сторожить дверь, остальные входили внутрь квартиры. Обитатели квартиры собирались в одну комнату и около них кто-нибудь ставился на страже. Затем Б. один или с кем-нибудь, отозвав хозяина квартиры, шел с ним в другие комнаты, требовал открытия ящиков, столов, комодов и шкафов и производил изъятие ценностей; обыску подвергался и отозванный хозяин, а затем и все остальные. После этого, заперев всех в уборную или ванную, бандиты удалялись. В случае, если обитатели квартиры требовали ордера, им говорили, Что ордер у старшого, который сейчас покажет или принесет; если спрашивали, почему нет представителя домоуправления, то говорили, что за председателем послано и он сейчас придет, но что «при нем лучше не будет, так что если он и запоздает, то не важно» и т. п. Обращение было очень вежливое; одной расплакавшейся беременной даме сейчас же был подан стакан воды с просьбой не волноваться, так как это может быть опасно в ее положении, и с указанием, что вреда никому никакого причинено, не будет, что просят всех оставаться совершенно покойными и т. д. Иногда заявляли хозяину квартиры, что ему надо будет потом пойти с ними ненадолго в милицию с целью устранить или предупредить подозрение, что они, на самом деле, не органы власти. Одного почтенного старца, таким образом арестовали, повели за собой, а затем в глухом переулке сказали ему, что они бандиты и чтобы он, не оглядываясь, скорее шел домой. Сопротивления шайка ни в одном случае не встречала и на вопрос, что бы они стали делать в случае сопротивления, Б. и его сподвижники в один голос утверждали, что они бросились бы бежать и ни в коем случае никого убивать бы не стали. В одном случае, хотя им и не было оказано сопротивление, но поднялся шум и крики, они сейчас, же бросились бежать. Оружия у Б. и его соучастников, по словам Б. и многих членов шайки, не было; другие говорят более уклончиво, что может быть, у Б. и X. оружие и было, но они его, ни разу не употребляли и не показывали своим жертвам; некоторые члены шайки признают, однако, что они держали правую руку в кармане, как будто у них там скрыт револьвер. Б. положительно утверждает, что, хотя он человек решительный и смелый и равнодушен к виду крови и ран, но, ни в каком случае убивать или наносить раны или побои не стал бы. То же говорили и его соучастники. По их словам, когда они решались на преступление, у них и в мыслях не было, что ими может быть совершено убийство или нанесение раны; если бы встретили препятствие, убежали бы Однако, на вопрос, почему же он относится столь отрицательно к убийству, Б. достаточно полного ответа не дает: или вовсе не отвечает, или говорит, что не дорожит своей жизнью, а потому перспектива опасности не могла бы его побудить совершить такое дело и т. д. Сколько бандитских налетов совершил Б., сказать точно нельзя; он этого и сам не знает, несомненно, однако, что много. Его ближайший сотрудник X. признает себя виновным в 11 налетах и говорит, что не участвовал во многих предприятиях Б. и что Б. начал гораздо раньше его заниматься подобными делами.

Главным мотивом преступной деятельности Б. была постоянная жажда грубейших чувственных наслаждений и денег как средства получения их. Пьянство и кутежи с проститутками — вот все его интересы в жизни. Семье своей он никогда не помогал, все тратил на себя и откровенно признается, что, «когда шайка работала, жил хорошо», т.-е. много прокучивал в ресторанах и «с девочками». Для этих наслаждений он живет день за днем, не ставя себе никаких особых целей и идеалов. Он — яркий пример чувственного эгоцентрика, ставшего импульсивным бандитом — прожигателем жизни. По его словам, женщины имеют роковую роль в его жизни, — желание обладать ими и толкает его на преступление. «Когда я встречаю, — рассказывает он, — какую-нибудь «шикарную женщину», я говорю себе: «сегодня я должен обладать такою же». Единственный путь для выполнения этого, данного им себе, приказа — бандитизм. Правда, он признает, что иногда в его мысли мелькали и иные возможные пути, пути «легальные», но они казались ему длинными, трудными и такого быстрого достижения соблазнительной цели дать не могли. Для алкоголя и кокаина также требовались деньги. Ради этих наслаждений он и совершал свои преступления. Если принять во внимание, что жажда половых наслаждений и наркотиков соединялась у него с вспыльчивостью, порывистостью, с неумением обуздывать себя, с раздражительностью и равнодушием к чужим страданиям, со смелостью и со знакомством с техникой преступлений, приобретенным еще на службе в уголовном розыске, с отсутствием развитого воспитанием нравственного чувства, то внутренние пружины его поведения станут вполне понятны. В преступлениях своих он не раскаивается и потерпевших не жалеет. Людей он, по его словам, ненавидит. Он даже склонен оправдывать себя. Когда он совершал или подготовлял преступления, он не думал, хорошо это или плохо, не думал и о наказании. Правда, после преступлений ему иногда приходила в голову поговорка: «сколько веревочке не виться, а концу быть», но он думал, что поговорка эта верна не для всех случаев, что при некоторой ловкости, которая у него есть, «дела могут продолжаться и без конца». Теперь, когда он сидит в тюрьме, ему «горько и досадно, что он ошибался». Когда он готовился к преступлению и шел на последнее, «рассудок у него молчал и выступал на сцену уже после», почему он сам называет себя «человеком эмоциональным, у которого рассудок говорит уже после поступка». После совершения преступления он иногда думал о нем, старался найти оправдание и находил. «Являлась мысль, — говорит он, — что преступление нехорошо, люди и закон говорят это». «Я начинал разбираться и приходил к выводу, что закон недостаточно гибок, не может ко всему примениться». «Я видел, что невинных наказывают, а виновных оставляют без наказания, и что люди это делают и пишут законы оттого, что от этого им хорошо». «А, значит, к черту их закон»… Таково его убеждение, сложившееся в ответ на смутный протест, поднимавшийся у него самого против его подвигов и свидетельствующий, что где-то на дне его нравственного сознания сохранились следы нравственного чувства, хотя и очень слабо, но по временам его тревожившего. Он выдает себя за сторонника Штирнера, называет себя анархистом-индивидуалистом и говорит, что «все, что бы я ни делал, правильно и хорошо, а до того, что думают другие люди, мне дела нет». Но он сознается, что все эти «оправдания» он придумал уже после своих преступлений и что в генезисе его преступлений эти его «убеждения» роли не играли. Да и убеждения эти он не считает еще окончательными. А потому он не решается и категорически ответить на вопрос, стал ли бы он совершать новые преступления, если бы его освободили: неизвестно, какие убеждения у него сложатся, в конце концов. Во время беседы с ним он был еще подследственным и говорил, что ждет себе «высшей меры наказания» и к этому равнодушен, так как жизнью не дорожит. Несомненно, что тяжкая наследственность, постоянный разврат и пьянство, а также сифилис наложили ясную печать на состояние нервной системы Б. К числу нервно здоровых его причислить нельзя, хотя и какой-либо душевной болезни у него нет. Он хорошо осмысливает окружающее, довольно находчив, склонен к резонерству, действует с осторожным учетом всех обстоятельств и способен сдерживаться, если признает это выгодным для себя и нужным. Он говорил, между прочим, что оружие они не брали п не находили нужным им угрожать, потому что вполне учитывали «обстановку действия и психологию русского обывателя», что он не грозил, не ранил и не убивал, потому что не боялся опасности и не находил нужным этих действий, что карманных краж, например, он не стал бы совершать, потому что они редко бывают выгодны и т. д. Своих сотрудников он убеждал своей диалектикой, вообще имел явное на них влияние. Некоторые сотрудники говорили, что он собирал их, читал им какие-то книги Дарвина, при чем выдержками из этих книг старался убедить их в верности приписываемого им Дарвину принципа, что свое счастье надо, не стесняясь, строить на чужом несчастье. На одного из сотрудников проповедь этого принципа произвела удручающее впечатление, он с ним примириться никак не мог, считал его неверным и решил отстать от шайки, другие же сотрудники или относились к этому учению равнодушно, или даже проникались им. Было бы ошибочно, однако, на основании этих поучений зачислять Б. в ряды преступников-резонеров. Он сам признает, что поступал не в силу каких-либо убеждений, а подчиняясь голосу чувственных потребностей, требовавших денег для полового разврата и пьянства. Резонерство у него служило для того, чтобы после преступления устранить поднимавшуюся из глубины критику и чтобы ослабить или уничтожить протест нравственного чувства у других членов шайки. В заключение характеристики его надо добавить, что он выдал всех своих соучастников, по его объяснению, под влиянием кокаина, а более вероятно, — по соображениям выгоды, может быть, даже с надеждой вновь вернуться на службу в уголовный розыск. Он был арестован 20 сентября 1923 года тотчас после преступления и, по его словам, «занюханный», «не будь я занюхан, — говорит он, — живым бы в руки не дался, а то и сам завалился, и всю шайку завалил».

Резко выраженный тип прожигателя жизни представляет и ближайший помощник Александра Б. — Василий Х., 25 лет, из крестьян Черкизовской волости, под Москвой, по профессии слесарь, холостой, раньше не судился. Все детство провел в деревне у родителей. Лет 13 окончил сельское училище, учился «так себе», «не особенно хорошо, воспитание получил не такое», — поясняет он. Живя в деревне, все время занимался крестьянскими работами и одновременно подучился слесарному делу. С 16 лет был отдан в Москву в слесарную мастерскую. «Я больше всего обожаю свое слесарное дело, — говорит он, — могу быть и механическим, и водопроводным, и строительным слесарем». В голодные 1918, 1919 и 1920 годы служил в Москвотопе комендантом. С деревней он связи не порывал и время от времени ездил туда. В 1921 году сгорел оставшийся ему после родителей дом в деревне, — отец его умер в 1920 году, мать — раньше; ему дали «на погорельце» дачу на слом, но не было денег построиться. Инвентарь также постепенно исчез, и его связь с крестьянским хозяйством и деревней порвалась. К этому времени и относится начало его совместной преступной деятельности с Б., с которым он был давно знаком, как с односельчанином. Лето 1921 года он проработал у одного подрядчика, к осени хозяин его рассчитал. «В первый день Рождества, — говорит он, — пришлось без хлеба сидеть». В это время встретившийся с ним Б. предложил ему «дело», т.-е. участвовать в бандитском налете. Он не утверждает, что Б. соблазнил его на ограбление. «Я не знаю, — говорит он, — как это взрослого человека соблазнить можно». «Я сам знаю, что можно, а чего нельзя». Но обстоятельства, по его словам, были трудные, а пример Б., жившего «этими делами», показался Василию Х. соблазнительным. После некоторых колебаний он согласился участвовать в конце 1921 года в первом ограблении, а затем в 1922 и 1923 г.г. — совершил еще ряд бандитских нападений. В общем, он признает себя виновным в 11 нападениях. Многие из этих нападений он учинил совместно с Б., другие же самостоятельно, пригласив себе на помощь Дмитрия А. В шайке Б. Х. играл очень видную роль, он был главным его помощником; по-видимому, в недрах этой шайки, как ее ответвление, существовала группа участников, которая работала то с Б., Х. и остальными вместе, то с Х., под его руководством. Таковы, например, два налета, учиненные Х. совместно с Дмитрием А. Характер нападений шайки Б. описан выше: приходили к частной квартире, стучали или звонили, входили под видом обыска, собирали всех в одну кучу, командовали «руки вверх», отзывали хозяина и в то время как остальных что-нибудь из шайки — один или вдвоем — сторожили, с хозяином осматривали шкафы, комоды и сундуки, забирали деньги и драгоценности, а иногда и некоторые дорогие вещи из платья и удалялись. Иногда потерпевшие до самого конца не догадывались, что стали жертвой бандитского нападения, иногда догадывались довольно скоро, но сделать ничего не могли. Василий Х. играл в этих нападениях важную роль: производил «обыск», связывал, обыскивал и т. п. На свою деятельность он смотрит не с особенно строгим осуждением. Во-первых, он оправдывает себя нуждой, хотя нужда, если и толкнула его, то лишь на первое преступление. Да и в этом случае ссылка на нужду может быть принимаема с большим сомнением и осторожностью, если не терять из виду, что Василий Х. — человек одинокий, опытный слесарь и имеет брата, который у Ваганьковского кладбища держит свою мастерскую, где и ему находилась, по показанию Дмитрия А., работа. Деревня все равно, по его собственному признанию, обеспечивала его хлебом очень мало. Надо добавить еще, что объяснение его первого преступления нуждой подсказано ему, до известной степени, его общим взглядом на причины преступности, который он выражает так: «экономика родит преступников». Во-вторых, в бандитизме он ничего особенного не видит и считает его, во всяком случае, лучше кражи: «Я беру открыто, — говорит он, — а не тайком». «Я не возьму шубу или гимнастерку, а беру золото, ценные вещи, а вор унесет и последнюю одежду». «Бандит исправим, а жулик — нет». «Теперь все бандиты «спецы», которые могут работать, а не жулики». Одно преступление, по его словам, трудно сделать: дальше «само собой сделается соблазнительным, раз человек отведал легкую жизнь, легкий труд». Во второй раз преступление легче совершить, сперва — нужда, а потом пойдет, как он выражается, «лесть к корысти и к капиталу». Этой последней он откровенно объясняет и свои преступления; первое преступление, по его словам, он совершил из нужды, а потом пошла «лесть к корысти и капиталу». В этих словах ясно выражается им самим чувствуемая, сложившаяся у него «установка» на бандитизм. У него образовалась прочная склонность таким путем удовлетворять свои материальные потребности. Он уже отстал от трудовой жизни. Желая получить деньги на еду, одежду и развлечения, он совершил одно за другим ряд бандитских нападений, вербовал себе соучастников и руководил ими. Он — человек, знающий ремесло, сильный, вполне здоровый и одинокий, откровенно признает, что легкая нажива его соблазняла на преступление и что деньги как легко доставались ему путем преступления, так «легко и уходили». Надо добавить, что он — не алкоголик, к женщинам, по его выражению, «апатичен», «к роскоши не привык». Значит, деньги были нужны ему на прожиток и развлечения. Он — несомненно, импульсивный профессионал, легкомысленный, ленивый, отбившийся от трудовой жизни, деклассированный человек. С умственной стороны он не представляет ничего особенного: не глуп, развязен, довольно находчив, обладает хорошей памятью, любит почитать; читал Гоголя, Л. Толстого, Достоевского и некоторых других писателей. Более всех ему понравился Толстой, так как его читать и понимать легче. Уже в тюрьме с большим интересом прочитал

«Воскресение» Толстого». Достоевский ему не понравился: «трудно читается». Длительных и сколько-нибудь напряженных умственных усилий он не любит и мало к ним способен. Так как сидение в тюрьме ему неприятно, то полагает, что больше он налетов делать не будет; впрочем, это зависит от того, в «какие государственные условия он попадет».

Резко выраженный тип профессионалки-воровки с большой привязанностью к нетрудовой жизни и со склонностью к хищническому приобретению средств представляет Анна Григорьевна В., 20 лет, крестьянка Тверской губ., Кимрского уезда. Отец ее — довольно зажиточный человек — сапожник, который имел мастерскую в Москве на Рождественке и поставлял обувь одному большому магазину. Женат он был 2 раза и имел от двух жен 8 человек детей, из которых Анна была младшей от первого брака. Он почти ежедневно и сильно пил, играл в карты, на бегах и на скачках. Возвращаясь, пьяный домой, сильно бил вторую жену, детей же не трогал, так как вообще стоял от них далеко. Каковы были его отношения к первой жене, Анна не знает, так как ее мать умерла, когда ей было всего год, но от нее всегда скрывали причину смерти матери, и она слышала, как говорили про отца, что он вогнал в гроб свою первую жену. Отец Анны раз судился, но за что, она точно не знает, слышала, что за буйство в пьяном виде. Под конец отец стал переставать пить, после того, как сломал себе ногу. Мачеха относилась к детям мужа от первого брака скорее равнодушно, чем плохо, но всегда делала заметную разницу между ними и своими детьми. Девяти лет Анна поступила в четырехклассное городское училище, училась хорошо и кончила в 13 лет. Все предметы давались ей легко, только математика представляла для нее некоторое затруднение и ей не нравилась. По окончании школы она была отдана в исправительный приют для девочек при ст. Болшево. Причиной послужило то, что Анна уже с 8 — 9 лет постоянно воровала. Несколько раз она попадалась, ее приводили в полицейский участок, но затем отдавали отцу на поруки. Отец жестоко бил ее за кражи ремнем, говорил, что она позорит всю семью, но ничто не помогало. Каждый раз, чтобы избавиться от побоев, Анна обещала, что больше красть не будет, но потом продолжала воровать, крала и у своих, и у чужих, так что в доме все приходилось от нее прятать и запирать. Воровать ее научила их жилица, профессионалка — городошница, одинокая женщина лет 50, которая водила ее, когда ей было 8 — 9 лет, по рынкам и магазинам, покрывала ее платком, а Анна брала все, что ей нравилось. На добытые кражей деньги Анна покупала сласти, ходила в театры, ездила на лихачах и катала многих ребятишек со своего двора. Процесс кражи очень понравился Анне с первого же раза, и она вскоре, не удовлетворяясь теми случаями, когда ее брала с собой жилица, стала сама ходить по магазинам и совершать кражи. В болшевском приюте Анна пристрастилась к чтению романов, причем особенно ей нравились романы Пазухина и другие, «где говорится про преступников». Приют, из которого она вышла 15 лет, не только не исправил ее, но послужил для нее школой, давшей хорошую теоретическую и практическую подготовку к воровству. На воровском поприще Анна утвердилась окончательно и считает его хорошим и интересным. По выходе из болшевского приюта она была помещена отцом в шляпную мастерскую, но через три месяца была оттуда уволена, так как брала принадлежавшие хозяйке или заказчицам шляпы и продавала их, а если они ей очень нравились, оставляла себе. Через три недели по увольнении из этой мастерской отец поместил ее в другую шляпную мастерскую, из которой ее уволили еще скорее по той же причине. Отец ругал ее, говорил, что она «делает подлость и позор», но это нисколько не помогало. После революции, в 1917 году, семья Анны переселилась в деревню, а она осталась в Москве, никуда на работу уже не поступала, а жила на средства своего сожителя, сына квасного заводчика из Марьиной рощи, с которым познакомилась около этого времени и сошлась через месяц после знакомства. Он ее заразил сифилисом, но она последний залечила и прошла полный курс лечения. С этим молодым человеком она прожила около года, в 1918/19 году, причем — он ее бросил за легкомыслие и распутство, а она совершенно не желала поддаваться его попыткам исправить ее на свой лад. Через месяц после этого она сошлась с вором — «кооператором», поселилась у него и прожила с ним года 2. На «работу» она с его шайкой не ходила, так как шайка женщин в свой состав не принимала. Жила с ним, в общем, недурно, хотя не раз случалось, что он ее сильно бил, «наслушавшись разных о ней сплетен». Надо заметить, что «на дело» она иногда ходила, независимо от шайки, вдвоем со своим сожителем. В 1919 году она попалась с ним на месте преступления в домовой краже с взломом и была присуждена к 3 месяцам заключения условно. Надо заметить, что это была не первая ее домовая кража. Первую домовую кражу она совершила еще в 1917 году. Живя с вором и не принимая участия в действиях шайки, очищавшей кооперативы, она «работала» нередко вдвоем с сожителем по домовой: он ломал двери и замки, она входила вместе с ним в квартиры, вязала узлы и несла их, — на женщину с узлом меньше обращают внимания, чем на мужчину. Краденое они сбывали скупщику. После удачных краж она с сожителем и его шайкой ездила на лихачах, кутили в ресторанах и т. п., причем за дам платили мужчины вскладчину. Сожительство ее с этим вором прекратилось в 1921 году, потому что он был арестован и сослан в Архангельск. Вскоре Анна сошлась и поселилась с одним из членов шайки своего арестованного сожителя и с ним совершила ряд домовых краж. В 1921 году она судилась 2 раза и во второй раз была приговорена к году заключения в концентрационном лагере. С третьим сожителем она расстается так же, как и со вторым, в виду ареста его, и переезжает к четвертому, также вору, от которого вновь переходит ко второму, вернувшемуся по отбытии наказания. С ним она и жила у его матери перед последним арестом; отношения у них очень хорошие, он по большей части сидел дома, не гулял. Оба они добывали средства к жизни домовыми кражами, а «свекровь» вела дбмашнее хозяйство. По утверждению Анны, ходила она «на работу» только тогда, когда выходили деньги, которые лично ей нужны были только для того, чтобы одеться и купить кокаина; предпочитала ходить «на работу» одна, чтобы другие не мешали; удавалось брать только по мелочам, хорошие куши попадались редко.

В настоящее время Анна отбывает наказание (1 год с высылкой из Москвы на 3 года) за покушение на кражу. Задержана днем одна в чужой квартире, мимо которой проходила случайно и в которую проникла, убедившись, что она пуста, с помощью оказавшегося подходящим ключа от ее собственной квартиры. Изнутри не заперлась, так как знала по опыту, что при открытой двери легче отговориться и доказать отсутствие взлома. Обстановку единственной комнаты, в которой она успела побывать, она запомнила хорошо, несмотря на то, что все время прислушивалась. В таком положении ее захватили вернувшиеся домой хозяева квартиры.

За все время своей деятельности Анна Б. имеет 2 судимости за домовые кражи, одну — за покупку краденого и 11 приводов в уголовный розыск по подозрению в краже. Она не скрывает, что совершила много домовых краж, не дошедших до суда; ни бандитизмом, ни карманным воровством она никогда не занималась. Она не скрывает и того, что любит воровскую профессию. Воровское дело понравилось ей с первого раза, когда она была еще ребенком, и она вносит в свою воровскую деятельность элемент какого-то спортивного азарта. Не без нескрываемой досады и волнения она рассказывает, как однажды, спускаясь с лестницы от своей портнихи, которую не застала дома, она увидела господина, вышедшего из квартиры и запревшего за собой дверь на ключ: она спохватилась, что у нее нет с собой отмычек и «даже сердце заколотилось от досады». Анна раздражительна и нетерпелива, во время совершения краж сильно волнуется и думает только о том, как бы скорей кончить и уйти. С нравственной стороны она представляет картину полного нравственного вырождения. Высших, нравственных эмоций у нее нет. Она совершенно равнодушна к другим людям и ни к кому неспособна испытывать привязанности. Между прочим, и к своим сожителям, по ее словам, она ни к одному не испытывала любви; сходилась с мужчинами, потому что «с мужчиной жить покойнее, он и накормит, и оденет». Расставалась она с своими любовниками без всякого сожаления; равнодушно меняла одного на другого, раз только он мог не хуже прежнего добывать деньги. Равнодушно она относилась и к тому, что все ее сожители попадали в тюрьмы. Не трогали ее и картины горя потерпевших от краж лиц, свидетельницей которых ей иногда приходилось быть. Она — чувственно-эгоцентрическая натура, которой дело только до самой себя и все заботы которой сводятся лишь к тому, чтобы удовлетворить свои чувственные потребности, — потребность в еде, в нарядах, — принарядиться она любит, — половую потребность и т. д. Она весела, общительна, любит попеть и поиграть на гитаре. Она знает, что красть нехорошо, ей это много раз говорили, но она на этой мысли не останавливается и сама ничего плохого в краже не видит. Иногда она как будто устает от воровской деятельности и ей приходит в голову мысль бросить это занятие, но, по-видимому, это — так, на словах, лишь минутное настроение, испытываемое ею в тюрьме и подсказываемое беспокойностью жизни вора, которому вечно приходится бояться и остерегаться, что, несомненно, многих воров сильно утомляет. Но никаких планов в направлении удаления с преступного пути она не делала. На вопрос, почему это так, она отвечает ссылкой на свое крайнее легкомыслие и слабохарактерность; благодаря последней, ее старые знакомые воры легко увлекают ее за собой и заставляют бросать мысль об оставлении воровского занятия. Она, действительно, непредусмотрительна и легкомысленна, но, кроме того, любит жизнь, полную одними лишь развлечениями и чувственными наслаждениями, без регулярного, планомерного труда, с «вольными» деньгами и без такого порядка, который заставлял бы себя более или менее продолжительное время держать в руках и к чему-либо принуждать; именно, эта страсть к жизни, лишенной такого порядка, такой самодисциплины, к жизни бесшабашной и веселой и сделала то, что все усилия ее родных вернуть ее к нормальной, честной жизни оказались совершенно бесплодными, а предложения ее товарок и любовников на кражи не встречали с ее стороны никогда отказа. Известную долю участия в выработке ее легкомысленного, порывистого и нетерпеливого характера надо отвести и алкогольной наследственности и тому внутреннему разладу, который царил в семье благодаря постоянному пьянству отца. Рано лишившись, матери, Анна была лишена заботливого домашнего воспитания, которое приучало бы ее постепенно к трудовой жизни и создало бы у нее круг интересов, способных более или менее противодействовать соблазнам преступления. А к этому присоединилось еще систематическое развращающее влияние жилицы, приучавшей девочку к кражам. Старшие, по-видимому, не особенно интересовавшиеся Анной, просмотрели это влияние и дали ему пустить глубокие корни. Анна, несомненно, ленивая, с трудом поддающаяся приучению к планомерной и сколько-нибудь длительной трудовой деятельности, а тут, вместо этого приучения, было систематическое развращение ребенка. Интересно отметить еще две черты этой женщины: она, во-первых, не любит детей и никогда не желала их иметь, беременна была 3 раза и делала себе аборты; во-вторых, алкоголя она не переносит, у нее поднимается от него рвота. Кокаин же ей нравится: «занюханная можешь делать все, что нужно, даже такое, что без этого ни за что не сделаешь». Но последнее время она стала плохо себя чувствовать и от кокаина и стала его избегать.

В высшей степени ярким типом профессионала бандита является Василий Котов. Есть основание думать, что не все его преступления были раскрыты, но вот краткий перечень тех, которые удалось раскрыть:

- Осенью 1917 года в Гжатском уезде Смоленской губ., в селе Островцы, была убита семья церковного старосты. Всего было убито из револьвера 3 человека.
- Осенью 1918 г. в г. Гжатске, в Акушерском переулке, было убито из револьвера двое граждан.
- Зимой того же года, в 4 верстах от Гжатска, в имении Шле-герс убиты из револьвера владелица хутора и ее дочь.
- В ночь с 23 на 24 ноября 1920 г. в г. Курске убита топором се.мья Макара Лукьянчикова из 5 человек.
- В январе 1921 г. в Курске была убита топором семья одного китайца и несколько пришедших к нему гостей, всего 16 человек. Немного позднее, в том же Курске, убита семья из 6 человек.
- В начале осени 1921 г. в Гжатском уезде были убиты топором женщина, мужчина и двое детей.
- Осенью же 1921 г., в Можайском уезде Московской губ., была убита семья хуторянина Соловьева из 5 человек.
- Осенью же 1921 г., близ Вязьмы, было совершено разбойное нападение на церковного старосту одной сельской церкви.
- В январе 1922 г. в Курске была убита из револьвера семья неизвестного по

фамилии «хромого» гражданина из 5 человек.
- Около того же времени в Гжатске была убита семья Мешал-киных из 2 лиц.
- В 20-х числах января 1922 г., в г. Гжатске, из револьвера были убиты супруги Тихоновы.
- В феврале 1922 г. близ Москвы, на Поклонной горе, убита топором семья Морозова из 6 человек.
- Зимой 1922 г. убито молотком на хуторе Разговорова, в Гжатском уезде, 3 человека.
- В феврале 1922 г. в Москве, на Красносельской улице, убиты муж и жена Малец и их жильцы, всего 4 человека, г
- Летом 1922 г. на хуторе Федотова убита одна старуха.
- 20 июня 1922 г., в Боровском уезде Калужской губ., была зарублена топором семья и работники хуторянина Лазарева — всего 16 человек, при Чем на месте преступления оставлены 2 окровавленных топора.
- 17 сентября 1922 г., в Гжатском уезде, близ станции Батюшкове, вырублена семья хуторянина Яковлева из 6 лиц, при чем одна из жертв — девочка 15 лет — перед убийством была изнасилована.
- Раньше, 2 мая, близ станции Шаликово, Верейского уезда, убита топором семья Поздняк, всего 8 человек, и 3 проходивших мимо хутора охотника.
- 8 мая 1922 г., в Воскресенском уезде Московской губ., убита семья Суздалевых из 5 человек й бывшие у них 3 гостей, все убиты большой гирей, завернутой в полотенце, а затем всем было перерезано горло.
- Через несколько дней, 15 мая, близ станции Нара, Нарофомин-ского уезда Московской губернии, убита топором семья хуторянина Иванова из 13 лиц.
- В сентябре 1922 г. Котов убил своего ближайшего сподвижника — Морозова.

Таков, — несомненно неполный, — список подвигов котовской шайки или, вернее, котовских шаек, так как все эти преступления Котов совершал в компании с разными лицами, часто с многократно судившимися, старыми каторжанами. В последних убийствах соучастниками его были, между прочим, карманные воры Гаврилов и Борисов, несколько членов крестьянской семьи Крыловых и, затем, бывший каторжанин Морозов-Саврасов, с которым он познакомился летом 1921 г. С декабря 1921 года Котов сошелся с Серафимой Винокуровой, которая также принимала участие в некоторых его нападениях.

Общее число убитых Котовым и его соучастниками, по данным уголовного розыска, достигает 116 человек, но, в действительности, оно было, вероятно, гораздо более.

Просматривая приведенные выше данные, сразу можно сделать несколько интересных выводов:

1. Во-первых, деятельность Котова носит яркую печать упорной преступности бандита-профессионала. Он совершает одно убийство за другим; в мае, напр., 1922 года в течение первой половины месяца им организовано было 3 кровавых нападения.
2. Во-вторых, его нападения происходили на территории нескольких губерний, требовали постоянных разъездов и быстрой организаторской деятельности. Уже одно их территориальное распределение говорит, что Котов был энергичным и быстро действовавшим организатором, которому некогда было

долго задумываться над своими планами и колебаться их осуществлять.

3. В-третьих, нападения Котов делал главным образом на одинокие хутора, расположенные вблизи станции, или в отдаленных частях городов.

Очевидно, он действовал строго рассчитано, внимательно взвешивая риск своей деятельности, не гонялся за первым мелькнувшим кушем, который можно украсть. Он действовал, так сказать, с большой выдержкой, и этим отчасти объясняется, что в течение нескольких лет он оставался неуловимым. Надо добавить, что этой выдержкой Котов в значительной мере обязан своему большому уголовному прошлому. Он — старый преступник. По его словам, его первая судимость относится к 1904 году. Он был тогда еще мальчиком в трактире и судился в Гжатске за растрату данных ему в трактире для оплаты марок, за что будто бы был приговорен к 3 месяцам тюрьмы. Затем, он судился за кражи в 1912 г., был приговорен к лишению особенных прав и к исправительным арестантским отделениям; в 1914 и 1916 г.г. судился за кражи с взломом и приговаривался к исправительным арестантским отделениями. Революция застала его в тюрьме в Петрограде отбывающим это наказание; по амнистии 1917 года он был освобожден. По освобождении, он некоторое время занимался мешочничеством, а затем, как показывает вышеприведенный список его преступлений, стал заниматься бандитскими нападениями. Таков, так сказать, его послужной список. Постараемся теперь заглянуть в его внутренний мир.

Василий Родионович Котов происходит из крестьян Смоленской губернии. Во время суда над ним ему было 38 лет. Его родители занимались крестьянским хозяйством и жили, по его словам, не хорошо, не плохо, — «как все крестьяне живут». Семья состояла из родителей и еще, кроме Василия, из 4 братьев. Отец судился за неоднократно совершенные им кражи из лавок и амбаров, не раз сидел в тюрьме и отбывал 4 года исправительных арестантских отделений. Братья почти все также судились за кражи. Родители его оба пили, но, по его словам, «не шибко». Воспитывался Василий дома у родителей, пока его не отдали в город, в мальчики, в трактир. Но сносного воспитания, как видно уже из биографических сведений о его родителях, он в семье не получил. Его не научили никакому ремеслу и не отдали в школу. Он — почти безграмотный: неважно читал и мог только расписываться. Из того, что и отец, и братья его судились за кражи, ясно, что семейная атмосфера не могла воспитать в нем честности в имущественных отношениях, и нет ничего удивительного, что он довольно скоро, служа в трактире мальчиком, попал под суд и, может быть, не по столь невинному даже поводу как растрата нескольких марок. Отец его, по его словам, был человек строгий, но строгость свою проявлял главным образом тем, что бил детей довольно часто и больно; доставалось и Василию, но это, конечно, не содействовало внедрению нравственных правил в душу мальчика. Про мать свою Василий также говорит, что она была строгая, и это, по-видимому, все, что сохранилось в его памяти о ней. Сам он — и по отзывам Винокуровой, и по своим собственным словам — также строгий, и, по-видимому, в том же смысле как отец. Чего-либо особенного о детстве и юности Василия Котова сказать нельзя, потому что они, по-видимому, были бесцветны и, после первого осуждения в 1904 году, в значительной части протекали в тюрьмах. Ничто никогда особенно его не интересовало, кроме, разве, торговли, которою он, время от времени, занимался; торговал он, впрочем, по-видимому, почти исключительно вещами крадеными или добытыми его разбойными нападениями, и только одно время — в 1917 году — мешочничал. Но из всех легальных занятий торговля ему всего более по душе.

Никаких умственных интересов и навыков в каком-либо полезном труде он с детства и юности не приобрел, а потом жизнь его стала прочно на колею борьбы с уголовным законом и по этой колее шла до последнего времени, когда он, наконец, предстал перед уголовным судом за длинный список своих кровавых дел. В окружавшей его обстановке и в условиях его воспитания не было ничего, что могло бы возбуждать и развивать какие-либо альтруистические чувства в его душе, и если у него были какие-либо зародыши этих чувств, они заглохли, атрофировались. От его кровавых преступлений веет таким бессердечием, такой спокойной и непоколебимой жестокостью, что с трудом верится, чтобы душевно-здоровый человек мог совершать их с такой настойчивостью и организаторской ловкостью, которой все они отличаются. А между тем врачебное исследование не обнаружило у Котова никаких признаков нервных или душевных болезней. Он — не эпилептик и не сумасшедший. В его внешности нельзя уловить никаких признаков вырождения. На вид, это — человек, ничем не отличающийся от обыкновенного прасола или мелкого лавочника, на которого он похож своею внешностью. Он — среднего роста. Обыкновенное лицо. Тонкий нос с горбинкой. Холодные, серо-зеленые глаза. Лицо — спокойное, не склонное к улыбке, с выражением сдержанности и сосредоточенности. Это лицо — не располагает к себе, но и не отталкивает. Оно — вовсе не говорит о той поразительной жестокости, которою веет от его преступлений. Вот, например, как было совершено убийство 11 человек на хуторе гражданина Поздняка. Картину этого убийства можно воспроизвести с полнейшей точностью, потому что, по счастливой случайности, одна из намеченных жертв этого преступления — Христина Поздняк — ускользнула от рук убийц. По ее рассказу, 2 мая под вечер, когда было еще совсем светло, из леса вышли 2 мужчин и одна женщина и пошли к их хутору. Войдя во двор, они объявили себя какими-то представителями административной власти, потребовали хозяина и сказали, что произведут обыск. При этом строго велели всем собраться в избу. Собравшимся, угрожая револьвером, крикнули «руки вверх» и поднятые руки перевязали. Связанные были отведены в чулан. Через некоторое время в этот же чулан были приведены три охотника со связанными руками. Они объяснили остальным, что проходили мимо хутора на охоту и обманно были завлечены в избу, под предлогом, что они должны принять участие в обыске в качестве понятых. С наступлением вечера бандиты перевели всех из чулана в избу, поставили в один ряд у стены и скомандовали «садись». Все сели. Севшим перевязали ноги, а некоторым и глаза. Пришедшая с бандитами женщина (Винокурова) с револьвером в руках осталась сторожить связанных, а мужчины стали выбирать и увязывать вещи. После отбора вещей высокий рыжий мужчина вышел из избы и через несколько минут вернулся одетым в длинный серый армяк, что-то придерживая под полой, при чем сказал товарищу: «ну, все готово». С этими словами он приблизился, рассказывает Христина, к моему отцу, сидевшему первым в ряду, и со всего размаха ударил его топором по голове. Все связанные в ужасе стали метаться, кричать и расползаться как могли, моля о пощаде. Особенно просил о пощаде один из молодых охотников, плакал и умолял оставить его в живых ради 7 малолетних его детей, при больной матери. Все было бесполезно. Бандит продолжал рубить голову за головой, отвечая на все грубейшей площадной бранью. Разбив череп матери семейства, сидевшей рядом с отцом, а затем братьям, убийца стал приближаться к Христине. В этот момент она неожиданно для себя, откинувшись назад, попала под стоявшую в комнате кровать с длинным пологом, дернула под себя ноги и заползла под провалившиеся под кроватью половицы, а затем с большим усилием — под стойки, на которых была сложена русская печь. Смутно она помнит, как кто-то из связанных как будто пытался поползти за ней под кровать, но был отдернут убийцей назад. Вскоре крики и стоны утихли, очевидно, все были убиты. Скрывшаяся слышала и видела, как в противоположном от нее конце избы убийцы, вынув половицы и предварительно осветив подполье электрическим фонарем, стали бросать под пол трупы. В этот момент она потеряла сознание и когда очнулась — была уже полная тишина и было светло. С трудом освободившись от повязок, она выползла из своего убежища и направилась в соседнюю деревню, где все и рассказала. Она сообщила, затем, все виденное агентам уголовного розыска и, как могла, описала внешность и приметы убийц.

Через несколько дней, 15-го мая, близ станции Нара, Наро-фоминского уезда, при сходной обстановке, была убита семья хуторянина Иванова из 13 лиц. В этом деле один из потерпевших, — сын хуторянина Николай Иванов, — каким-то чудом прожил с разозженным черепом некоторое время и иногда ненадолго приходил в сознание. Очень отрывочно, но он смог кое-что рассказать; из его отрывочных сообщений можно было составить картину, сходную с тем, что говорила Христина Поздняк: было 2 мужчин, из которых один рыжий, высокий, и черненькая, молодая, красивая женщина, так, же одетые, как убийцы Поздняк. Таким же образом был совершен и самый акт убийства. И в других случаях техника преступлений была поразительно проста и однообразна. Приходили, связывали людей, увязывали вещи, причем на процедуру отбора и увязки вещей тратили, иногда много часов, так что, придя на хутор утром, уезжали с награбленным на лошади убитых, поздно вечером, иногда — ночью. Во все время отбора вещей связанные сидели где-нибудь в чулане, затем, перед отъездом их выводили, сажали в ряд и разбивали им головы. Били топорами, иногда молотком, в одном случае — гирей по голове, иногда стреляли. Для убийства надевали особый брезентовый халат. Заботливо удаляли связанные узлы награбленных вещей с места убийства, чтобы на них не попали брызги крови и частицы разбиваемых голов жертв. Иногда женщины перед убийством насиловались, хотя насиловал ли их сам Котов или лишь его соучастник — Морозов, — остаюсь невыясненным. Заслуживает внимания, что Котов постепенно истреблял своих соучастников, по мере того, как они становились ему не нужны. Так, среди убитых им было несколько семей скупщиков краденого, которым он продавал награбленное и от которых хотел избавиться. Таковы, например, были муж и жена Малец, а также семья убитого неизвестного «хромого». Интересно, как он убил своего ближайшего сподвижника Морозова, который стал слишком пить и становился опасен для него своею пьяной болтливостью. С Морозовым, казалось, его связывают приятельские отношения и прочные узы арестантской солидарности. Иван Иванович Морозов-Саврасов, выступавший под именем Ивана Ивановича Иванова, был, как и Котов, старый преступник, человек с большим уголовным прошлым, выпущенный в начале революции, по амнистии 1917 года. Он был освобожден с каторги, к которой был приговорен на 15 лет за убийство пытавшегося его задержать городового; и раньше он, по словам Котова, судился за «мокрые дела», т.е. за убийства. Морозов был убит Котовым, по рассказу Котова, при следующих обстоятельствах и по следующим мотивам. В сентябре 1922 г., именно 23-го сентября, к ночи, Котов и Морозов приехали на станцию Апрелевка Брянской железной дороги, и засели в лесу, между Апрелевкой и деревней Горки, в версте от станции, с намерением ограбить и убить «подходящих» проезжих крестьян или дачников. Некоторое время они ждали бесплодно. Тогда Котову пришла мысль, приходившая ему и ранее, о необходимости избавиться от Морозова, который ему сильно надоел и становился не безопасным, так как стал слишком сильно пить. В разговоре со мной он приводил и еще новый мотив своего убийства: будто бы он желал бросить преступную дорогу, устроиться с Винокуровой семейно где-нибудь на Кубани и заняться торговлей, а Морозов мешал ему, вовлекал его в преступления. По обычаю арестантов валить все на умерших или скрывшихся соучастников, Котов склонен винить Морозова в своей упорной преступной карьере, хотя она началась задолго до его встречи с Морозовым и раньше протекала в не менее кровавых формах. Он не раз подчеркивал, что головы обыкновенно рубил Морозов, хотя вынужден был признать, что иногда акт убийства приходилось совершать и ему самому. Как бы то ни было, мелькнувшая у него 23-го сентября мысль отделаться от сотоварища, с обычной для него решительностью, сейчас же была им осуществлена: двумя выстрелами из револьвера в упор, сидевший рядом Морозов был убит.

Во время продолжительной моей беседы с Котовым, а также наблюдая его поведение на суде и внимательно вглядываясь в детали его поступков, я мог убедиться, что он прекрасно владеет собой, безусловно, не глуп, быстро ориентируется в обстановке, в которой находится, и в людях, с которыми ему приходится говорить, имеет недурную память, — что отчасти подтвердили и произведенные мною эксперименты, — вполне обладает способностью быстро сосредоточивать и переводить свое внимание, очень сдержан и скуп на слова, лишен той развязности и неприкрытой, бьющей ключом чувственности, которая так часто встречается у профессиональных убийц. Культ чувственных удовольствий был у него скрыт под видимой сдержанностью, да и круг этих удовольствий не отличался у него большим разнообразием. Он хотел, конечно, сытно и в довольстве пожить, и ради этого совершал свои кровавые преступления, но особой наклонности к широким кутежам с бахвальством и с угощением массы приятелей, с шумным пьяным разгулом в притоне у него не было. Он любил выпить и вкусно поесть, но любил делать это у себя дома и не как-нибудь «безобразно» пьянствовать. Он не любитель ходить по гостям, да и у себя гостей принимать не охотник. Он любил побыть дома, поскольку позволяли «дела». С удовольствием жил бы на одном месте, но «положение мое, — говорил он, — было перекидное». Поторговав днем на рынке награбленным добром, он любил вечером попить у себя дома чайку, пойти с Винокуровой в кинематограф и тому подобные сравнительно невинные развлечения. Особенно любимых развлечений у него не было. Про себя он говорил, что он «не скучный, не мрачный, а так — средний». Этим он хотел сказать, что не склонен к тяжелым душевным переживаниям и к шумным удовольствиям и смеху, а к сдержанному, удовлетворению своих чувственных потребностей. Состояние духа у него обыкновенно бывало ровное, спокойное, и на вопрос, как он вообще себя чувствовал прежде и теперь, он отвечал, что чувствовал и чувствует себя хорошо, лишь иногда он испытывал не то грусть, не то скуку, но это были мимолетные состояния, не омрачавшие надолго его существования. Никаких тревожащих или кошмарных снов он, по его словам, никогда не видел. На мой вопрос о жалости к убитым и о раскаянии он просто ответил, что жалости не испытывал и не раскаивался; «ведь это было бы бесполезно», — добавил он. За половыми наслаждениями он, по-видимому, особенно не гнался. Семейная жизнь его не удалась. Он давно оставил жену, на которой еще юношей женился в деревне, и потерял ее из виду; от жены у него была дочь. В дальнейшей жизни у него были лишь мимолетные связи (женщинами, продолжительных сожительств не было. Любить он ни одной не любил. Следы некоторого чувства у него можно было заметить лишь в отношении Винокуровой; какая-то привязанность, не сильная и не яркая, у него к ней была. Об этом говорят его некоторые заботы о ней и в прежней их жизни, и в заключении. Нежен с ней — и по его словам, и по ее сообщению, — он не был, но и грубо не обращался. На вопрос, бил ли он ее, он ответил: «нет, она и так подчинялась». И, по-видимому, эту покорность ее он, прежде всего, в ней ценил. На вопрос, могла ли она не подчиняться, он сдержанно, но строго ответил: «должна подчиняться». И из тона этого ответа, и из общего впечатления, им производимого, ясно, что не подчиняться такому человеку. Серафима не могла. Котов, несомненно, человек сухой и не экспансивный: в нежных формах он своей некоторой привязанности к Винокуровой не проявлял, но по известным заботам о ней об этой привязанности заключить можно. Впрочем, письмо, которое он написал ей в заключении, и по форме не лишено нежности. Оно начиналось словами: «Сима-детка». Между прочим, в нем была фраза, заставляющая думать, что Котову не чужда была мысль об особой арестантской славе в мире преступников;— фраза эта следующая: «Имя наше долго будет». Как бы то ни было, если у Котова и была некоторая привязанность к Винокуровой, это, по-видимому, единственная привязанность его в жизни. Поскольку удалось проследить его жизнь с детства, он — никогда ни к кому не испытывал привязанности, ни с кем в дружбе не состоял, никогда никого не любил, ни с кем долго не сожительствовал. Затем, никогда он, по-видимому, никому не помогал и никого не жалел; проявлений альтруистических чувств в его жизни я подметить не мог.

Я очень интересовался вопросом, чем мог понравиться Котов Винокуровой, что она в нем нашла? Она призналась, что его не любила и сошлась с ним не по любви. Их сожительство устроилось так. Родители Винокуровой — люди бедные, которые держали у себя постоялый двор, т.-е. давали за плату приют проезжим; жили они у станции Курск. Среди проезжих оказались Котов с Морозовым, причем Котов выдавал себя за богатого, спекулирующего коммерсанта. Серафима Винокурова — совсем еще молодая женщина; во время суда ей было только 20 лет. Это — брюнетка небольшого роста, с бледным, не особенно красивым лицом, с большими карими глазами и довольно скверными зубами. Умственно — мало развита, малоспособна, имеет плохую память. Училась 3 года в городском училище и довольно плохо, курса не кончила. Сама про себя она говорит: «учу, бывало, учу, не могу выучить». Сима сначала и не заметила Котова, никакого впечатления он на нее не произвел. — Но когда, во время 3-го посещения Котова, Морозов сделал ей от имени Котова предложение сойтись с ним и рассказал о его богатстве, она ответила: — «подумаю». После этого она посоветовалась с родителями, так как «из родительских рук выходить нельзя», и, когда они согласились, дала свое согласие. До Котова она мужчин не знала, ни в кого не влюблялась, с молодыми людьми если и гуляла, то так, просто «для препровождения времени». Стараясь разузнать, что именно ее склонило, независимо от совета родителей, согласиться на это сожительство, я долго не мог найти объяснения. И только после того, как я стал внимательно прослеживать, что ей вообще нравится из предметов и занятий, я, наконец, выяснил, что более всего ей нравится торговать, и она с удовольствием занималась мелкой торговлей с лотка. Она призналась потом, что сошлась с Котовым в надежде, что он, как богатый спекулянт, откроет лавку, и она сможет в ней торговать. Никаких других интересов я у нее подметить не мог. Ленивая и малообразованная, она никогда не имела никаких умственных интересов. Крестьянское хозяйство ее не привлекало. Не склонная к любви, романам и мечтам, она хотела лишь через торговлю вывернуться из бедности и нажить капиталец. Котов отвечал этим ее желаниям, как мужчина же он не производил на нее никакого впечатления. При своих исследованиях преступниц я не раз встречал такие черствые, рассудочные натуры, которые, несмотря на свои 17—18—19 лет, более всего мечтали и стремились к торговле и соглашались на участие в кражах и бандитских налетах, чтобы сразу получить большой куш и завести лавочку, палатку на рынке и т. п. Винокурова принадлежала к их числу. Итак, от нее мы узнаем, что в обществе Котов был незаметен и неинтересен, ни веселой болтливости, острот и шуток, ни нежного ухаживанья, которое могло бы привлечь к нему сердце юной девушки, с его стороны не было. И, действительно, сдержанный, малоразговорчивый, холодный и несколько суровый с виду Котов, по внешности, не был привлекателен. Впрочем, сама Винокурова, со своей точки зрения, была Котовым довольна и говорила про него, что он «человек хороший, к торговле способный, может купить-продать». Котов, по-видимому, довольствовался одной Винокуровой; можно поверить ему, что изнасилования жертв убийства совершал Морозов. Вообще повышенной половой возбудимости и наклонности к романическим приключениям у него не заметно. С ней он был сдержан, суров, но не дрался. Однако на один из моих вопросов, что бы он сделал, если бы Винокурова в каком-либо случае не подчинилась, стал ли бы ее бить, он спокойно ответил: «могло случиться». Мне не раз, во время беседы с ним, приходила в голову мысль, что Винокурову ждала участь Морозова, что вскоре, когда она прискучила бы ему, он пожелал бы от нее избавиться как от вредной свидетельницы и, возможно, применил бы свой обычный способ.

На свои дела и на самого себя Котов смотрел как на явление обыкновенное. «Обыкновенно» — это его любимое слово, которое он постоянно вставлял в свой рассказ. Когда его спрашивают, как он относится к крови и ранам, какое впечатление на него производит вид их, он отвечает: «обыкновенно, как все». Из дальнейшей же беседы выясняется, что они не производили на него совершенно никакого впечатления, и именно это он подразумевал в данном случае под словом «обыкновенно». Когда его спрашивали, как он совершил то, или иное убийство, он отвечал: «обыкновенно, пришли, связали и убили». На вопрос, ладно ли он жил с Винокуровой и любил ли ее, он тоже ответил: «обыкновенно, как все». В преступлениях своих он тоже склонен видеть не более как «обыкновенные» преступления. Среди лиц, составлявших его шайку, Котов сразу выделяется как морально очень ограниченная, но цельная личность, как человек — решительный, безжалостный, не способный ни на какие отступления или колебания ради каких-либо сентиментальных побуждений. Его кровавые дела, по-видимому, действительно, в его глазах были чем-то обыкновенным и не производили на него никакого впечатления. Стоны мольбы и просьбы жертв его только злили г и вызывали с его стороны грубую брань. На него самая картина убийства не

производила никакого смущающего, способного хоть сколько-нибудь поколебать, впечатления. Правда, он мне говорил, что во время убийства был в возбуждении, и на вопрос, что это за возбуждение и почему оно у него являлось, ответил: «все-таки некрасиво». Этим он хотел сказать, что чувствовал моральное безобразие этих поступков, но я имею основание полагать, что этот ответ он дал, приноравливаясь к собеседнику, с целью лучше выглядеть в его глазах. На самом деле его возбуждение, вероятно, имело не моральный источник, а садистский характер. На такую мысль наводит многое. Во-первых, он убивал многих лиц, которых «для дела» убивать не было надобности, например, замеченных прохожих, в которых не было оснований бояться встретить потом опасных свидетелей, которые прошли бы, ничего не заметив, младенцев 2 — 3 лет, в одном случае даже 9 месяцев, которые, конечно, никого «опознать» не могли. Во многих случаях можно было просто украсть, никого не убивая. Но, по-видимому, Котов и, может быть, еще более Морозов во время «дела» приходили в состояние возбуждения, при котором им приятно было убивать, и они стремились убить как можно более, не только всех, кто находился на месте преступления, но и около. В одном месте они убили даже кошку, чтобы ничего живого в доме не оставалось. Во-вторых, поведение его до момента убийства, когда в течение многих часов рассматривалось и разбиралось имущество жертв, и поведение после некоторых убийств, когда они тут же на месте преступления, перед отъездом, с аппетитом закусывали, говорит, что настроение их во время убийства было спокойно деловитое, без смущающего волнения, проистекающего из каких-либо отголосков добрых чувств. Да и Винокурова не говорила, чтобы сам Котов испытывал страх или смущение от своих преступлений. Правда, по ее словам, он хотел бросить эти свои «дела», но потому, что при них нельзя было спокойно жить на одном месте, да и риск быть пойманным все возрастал, добра, же он награбил порядочно. Притом, о том, что надо бросить эти «дела», только говорилось, — если вообще правда, что об этом была речь, — никаких же попыток переменить образ жизни не делалось. Интересно отметить еще, что, исследуя жизнь Котова, в ней нельзя уловить, с самой его юности, ни одной попытки, ни одного усилия вернуться на путь трудовой жизни. Наконец, общее впечатление от всех Котовских «дел» говорит, что характер этого человека отличается поразительной цельностью, что из него выпало все, что могло бы вызывать колебания, отступления и внутреннюю борьбу. Да и сам он спокойно и уверенно заявлял также, что действовал вовсе не по нужде, что убивал, когда и не было в этом нужды. На вопрос же, что заставляло его в этих случаях убивать, он отвечал: — «не могу этого объяснить». Тот же ответ он давал и на вопрос, как он сам смотрит на свои преступления, какую оценку сам им дает. Когда же заходила речь о его жизни в ее целом, полной краж и убийств, и его спрашивали, как он попал на такой путь, он отвечал: «обыкновенно, попал с такими людьми». На вопрос, что именно привлекало его в убийствах, ведь, он мог бы больше получить крупными кражами, техника которых ему хорошо известна, он тоже, — и, по-видимому, искренно, — ответил: «не могу этого объяснить».
Отношение самого Котова к его преступлениям всего правильнее назвать «спокойно-деловитым»; таково было его настроение и в самый момент убийства: он деловито оценивал все обстоятельства, быстро ориентировался в них, спокойно разбирал добро, бил топором или револьвером и заботливо убирал мешки и узлы, чтобы они не запачкались кровью. Он избрал себе известный способ существования — страшный путь убийства—и шел поэтому пути, ничем не смущаемый и не останавливаемый. Если и были у него зародыши чувств, которые могли смущать и

вызывать внутреннюю борьбу, они умерли еще в его юности, а может быть, и в детстве. Да и были ли они когда-нибудь? Котов — яркий пример профессионала и, притом, импульсивного профессионала, действовавшего постоянно по первому требованию своих чувственных потребностей. Это — натура, без всяких колебаний, решительная, именно благодаря своему, крайнему оскудению и ограниченности, вследствие морального вырождения. Принимая во внимание все, что может говорить в его пользу, в частности, его отношение к Винокуровой, все-таки его надо признать моральным имбециллом. Его ближайший сподвижник Морозов, по-видимому, был еще ниже на лестнице морального вырождения, — моральным идиотом, — но с уверенностью о нем судить нельзя, так как мы знаем о нем только то, что сообщили Котов и Винокурова. Интересно отметить, что Морозов был страстным любителем газет, читал их каждый день по несколько штук, особенно судебную хронику. В заключение характеристики Котова надо отметить, что он производил впечатление арестанта, всецело проникнутого арестантской тюремной этикой. А одно из правил этой этики требует не выдавать соучастников; если сам попался так, что отвертеться нельзя, выгораживай, по мере сил, остальных. Но если соучастник выдал тебя, без стеснения «уличай» его на суде. И Котов так и делал: он старался, поскольку было возможно, выгородить Винокурову и остальных и прикрыть не разысканных членов его шайки. Только своему соучастнику Ивану Крылову, выдавшему их в уголовном розыске, он с спокойной холодностью сказал: «собираюсь на тот свет, да и тебя решил прихватить с собою». Про него он многое рассказал на суде.

IX.

Импульсивные типы различных оттенков очень распространены среди современных преступников. Так, например, из 250 бандитов, обследованных мною, я встретил их в 203 случаях, т.-е. более чем у 80%; не менее часто встречаются они среди воров, да и среди других преступников они наблюдаются в доброй половине случаев. Чем же вызывается такое широкое распространение этого типа? Причин этого много и они очень разнообразны. Я не имею возможности входить здесь в подробное их рассмотрение. Отмечу сжато только три фактора, по моему мнению, имеющие особенно широкую сферу действия.

Прежде всего, алкоголизм, алкогольная наследственность, у многих усиливаемая личным алкоголизмом. Вглядитесь в биографии этих преступников, и вы увидите, что почти все они — потомки алкоголиков. В лице массы современных импульсивных преступников мы имеем перед собой потомство ряда пропитанных алкоголем поколений. Это от своих предков-алкоголиков они унаследовали свою импульсивность, свою склонность действовать по импульсам, непосредственно возникающим из антиципации тех или иных приятных ощущений, не задерживая этих импульсов, решаясь на самые бурные реакции преступного характера по поводам иногда совершенно незначительным. И, вступая на преступный путь, они не думают о наказании и вообще, о будущем, живя лишь интересами текущего момента, руководясь тем, что предощущается ими как ближайшее последствие их поведения. Их преступная деятельность, так сказать, не течет в русле каких-либо общих целей их жизни и не составляет части работы, направленной на достижение последних, а развивается в соответствии с голосом отдельных, наличных потребностей, чтобы дать им известное временное удовлетворение. И обыкновенно импульсивные преступники действуют спокойно, или если волнуются, то по эгоистическим соображениям, из страха, из сознания опасности своего положения и возможных тяжелых для них последствий — побоев, смерти и др., и только иногда и некоторые — и вследствие глухого протеста некоторых добрых чувств.

Я подсчитал для 250 обследованных мною бандитов данные, касающиеся их алкоголизма и алкоголизма их предков, считая сильно пьющими напивающихся пьяными часто, в неделю раз и чаще и пьющих запоем. Вот цифры, которые я получил, причем надо помнить, что многие из этих данных относятся ко времени запрещения спиртных напитков, когда достать последние было трудно. Второй фактор, деятельно вырабатывающий импульсивные криминальные типы, это — отсутствие сколько-нибудь заботливого воспитания по разным причинам: вследствие сиротства, бедности семьи, нежелания родителей-алкоголиков заниматься своими детьми, их непонимания воспитательных задач и решения всех их одним средством — побоями. Эта заброшенность детей, беспризорность их в ее многообразных формах, — вот один из сильнейших факторов преступности и преступности импульсивной, прежде всего. Посмотрите биографии этих преступников, и факты этой беспризорности будут постоянно мелькать перед вами.

Третий фактор — война. Преступный тип всегда носит живой отпечаток той социальной среды, в которой он вырабатывается. Как скоро в социальной среде происходят какие-либо крупные изменения или даже катастрофы, это неизбежно отражается на чертах криминальных типов данной эпохи и на личном составе их носителей. В частности, тип современного бандита сложился, несомненно, под впечатлениями войны, в атмосфере которой мы так долго жили. Война оказала, несомненно, нравственно огрубляющее и притупляющее влияние на многих не только участвовавших в ней, но и долго живших под впечатлением различных известий о военных событиях. Она приучила многих, особенно молодых и неустановившихся людей, быстро и без особых усилий решаться на открытое нападение на другого человека, менее ценить человеческую жизнь и личность, не смущаться применять физическую силу для того, чтобы добиться удовлетворения топ или иной своей потребности. Так, например, из 250 бандитов 135 были на фронте и участвовали в боях; 48 — были на военной службе, но в боях не участвовали, а находились в тыловых частях, на нестроевых должностях и т. п.; 67 — не служили на военной службе, многие из них — по молодости лет. Любопытно сопоставить эти числа с числом бандитов с самостоятельной активностью, т.-е. вступивших на бандитское поприще самостоятельно, не в силу чьих-либо уговоров, и выполнявших какую-либо активную роль; таких оказалось 152. Эти люди выполняли по своей инициативе активные роли во время нападения: угрожали, связывали, сторожили связанных, наносили побои, раны, убивали и т.п.

Из них 100 человек относились с полным равнодушием к вопросу о применении насилия, к виду крови, ран и трупов. Из них 33 заявили, что сами заметили, что вполне привыкли ко всем этим зрелищам, — прежде для них неприятным, — на войне. У 82 бандитов были заметны нерасположение к насилию и тяжелые впечатления, производимые на них видом крови и ран. 24 бандита никогда не видели ран и крови, кроме небольших кровотечений при порезе собственных пальцев. Относительно 38 точных сведений по данному вопросу не получено. У шести была резко выражена любовь к насилию при равнодушии к ею последствиям.

В качестве дальнейших факторов, действующих в том же направлении, могу указать на несовершенство пенитенциарных учреждений, побывав в которых, экзогенные преступники выходят с сильным предрасположением к импульсивной преступной деятельности, и на расшатанность нравственных воззрений современного общества.

««« Назад Содержание Вперед »»»

ЧИТАЙТЕ НАС В TELEGRAM

Главная • Обучение • Библиотека • Вопросы • Тесты • Голосования Наверх ↑

Контакты | Реклама на сайте | Статистика | Вход для авторов

Политика публикации | Пользовательское соглашение

© 2001–2023 Psyfactor.org. 16+
© Полное или частичное использование материалов сайта допускается при наличии активной ссылки на Psyfactor.org.
Посещая сайт, вы даете согласие на использование файлов cookie на вашем устройстве.
Размещенная на сайте информация не заменяет консультации специалистов.